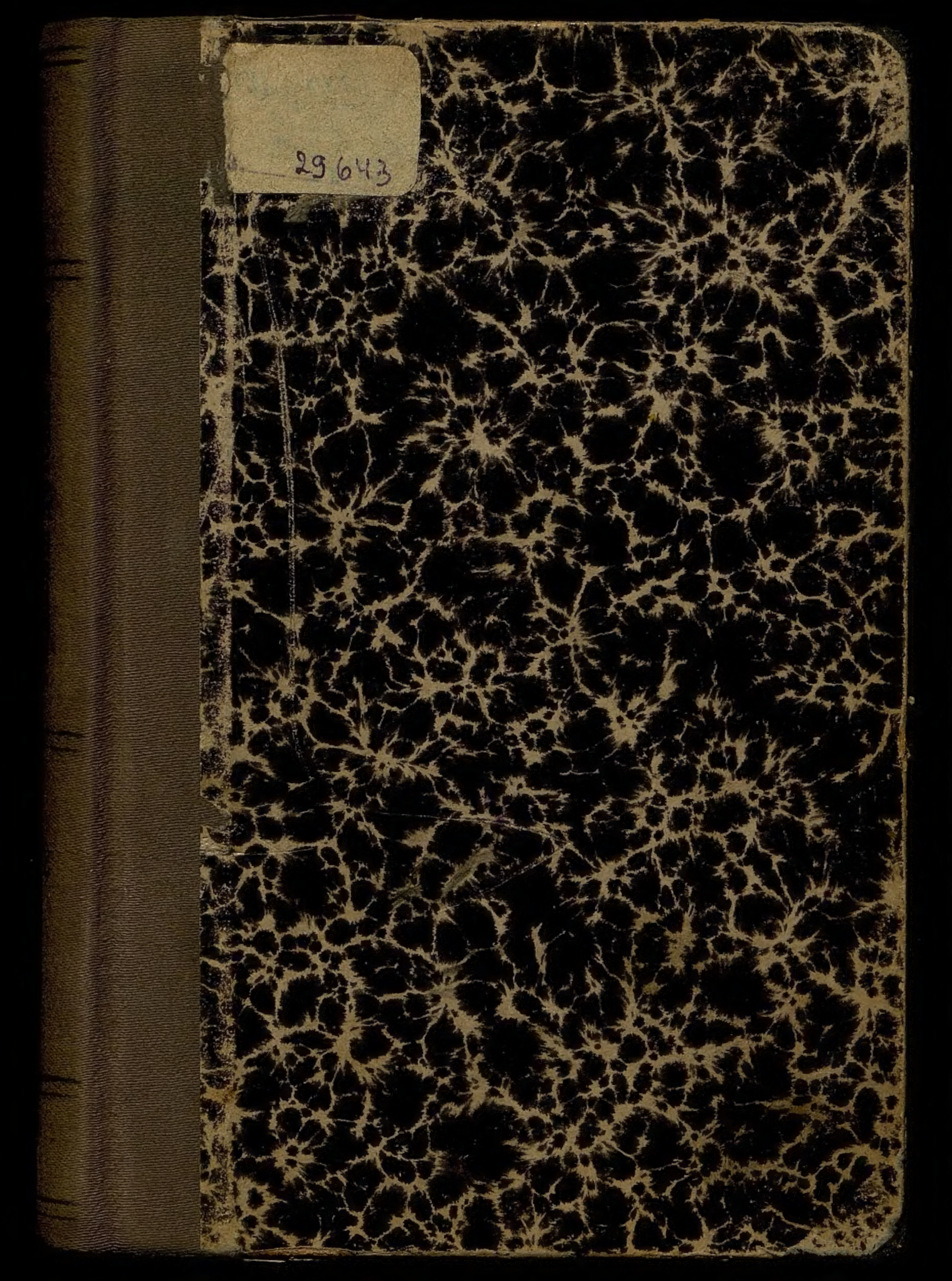

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы.

ИЗДАНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Пересмотрѣнное Я. Н. Наумовымъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРЕСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы.

ИЗДАНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Пересмотрѣнное Я. Н. Наумовымъ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

К. Ушинскій.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Августа 1905 года.

Бумага, на которой печатается „Дѣтскій Міръ“, снабжена водяными знаками: Изданіе Н. С. Ушинской.

Въ типографіяхъ: М. Меркушева, Невскій пр., д. № 8, листы: 14 по 26, титулъ и обертка.
Шмидтъ, Звенигородская, 20, листы 1 по 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Отдѣлъ I.

Изъ природы.

Отдѣлъ II.

Изъ русской исторіи.

Отдѣлъ III.

Изъ географіи.

Отдѣлъ IV.

Первые уроки логики.

ХРЕСТОМАТІЯ.

Отдѣлъ I.

Стихи.

Отдѣлъ II.

Проза.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

ВСЯКОЙ ВЕЩИ СВОЕ МѢСТО *).

Богатый дядя, уѣзжая надолго за границу, подарилъ двумъ своимъ племянникамъ по большому сундуку съ самыми разнообразными вещами. Здѣсь были игрушки и книги, чучела животныхъ и картины, засушенныя растенія и раковины, куски камней и образчики металловъ. Само собою разумѣется, что дѣти обрадовались такому богатому подарку: сейчасъ же поспѣшили опустошить сундуки и посмотрѣть, что̀ въ нихъ находится. Но вещей было такъ много и онѣ были такъ разнообразны, что дѣти никакъ не могли даже хорошо познакомиться съ своимъ богатствомъ: часто они напрасно и долго искали какую-нибудь вещь, хотя, казалось, видѣли ее недавно, и даже не знали хорошенько, что̀ у нихъ есть и чего нѣтъ. Они, правда, разложили свои вещи довольно аккуратно, по кучкамъ; но въ каждой кучкѣ было столько разнообразныхъ предметовъ, что невозможно было припомнить, гдѣ что лежитъ. Разъ, дѣти долго искали какой-то блестящей раковины, которая понравилась имъ обоимъ,— перерыли все, но не находили ее. Въ это самое время въ дѣтскую вошелъ отецъ, и дѣти разсказали ему свое горе.

*) Статья эта можетъ быть прочитана съ большою пользою только въ томъ случаѣ, если читающій хорошо и систематически ознакомился съ 1-ю частью „Дѣтскаго Міра"; если же этого, почему либо, не было сдѣлано, то слѣдуетъ эту статью пропустить. По прочтеніи статьи полезно составить таблицу и по ней резюмировать цѣлымъ классомъ, и вкратцѣ, все прочитанное о животныхъ въ 1-й части „Дѣтскаго Міра". Такое повтореніе и систематизація пріобрѣтенныхъ уже знаній составляетъ одно изъ могущественныхъ средствъ развитія вообще и укрѣпленія памяти въ особенности.

— Это происходитъ оттого, друзья мои, сказалъ дѣтямъ отецъ, —что ваши вещи, какъ я вижу, въ большомъ безпорядкѣ. Хотя вы и разложили ихъ по кучкамъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Надобно разложить ихъ по *родамъ и видамъ*, каждый предметъ на свое мѣсто, и тогда вы будете знать, гдѣ что лежитъ, и легко отыщите то, что̀ вамъ нужно.

— Но что значитъ разложить по родамъ и видамъ, спросили дѣти въ одинъ голосъ,—и какъ это сдѣлать?

— Очень легко: положите игрушки къ игрушкамъ, картины къ картинамъ, всѣ чучела животныхъ соберите въ одно мѣсто, растенія въ другое, камни въ третье; книги помѣстите особо.

Дѣти, съ помощью отца, исполнили то, что̀ онъ имъ совѣтовалъ.

— Вотъ теперь получше, сказалъ отецъ; но все еще порядка мало. Вы, напримѣръ, разставили книги, судя по формату,—большія къ большимъ, а меньшія къ меньшимъ, тогда какъ книги должно размѣщать по содержанію. Поставьте же учебники къ учебникамъ, сказки къ сказкамъ, путешествія къ путешествіямъ; въ книгахъ различнаго формата можетъ быть одно и то же содержаніе, и наоборотъ. Дурно также вы разставили животныхъ и разложили растенія. Посмотрите: у васъ рядомъ съ фигурою слона стоитъ чучело орла; хотя орелъ птица, а слонъ звѣрь.

Дѣти, съ помощью отца, разставили книги, какъ слѣдуетъ, и сами отдѣлили птицъ отъ другихъ животныхъ.

— Немного болѣе порядка, а все еще мало. Посмотрите, у васъ слонъ стоитъ вмѣстѣ съ крокодиломъ, хотя эти животныя совершенно различны: слонъ живетъ на сушѣ и рождаетъ живыхъ дѣтей, а крокодилъ живетъ въ водѣ, хотя и не рыба, и кладетъ яйца, хотя и не птица. Отдѣлите сначала животныхъ, называемыхъ звѣрями, т. е. такихъ, которыя покрыты шерстью, рождаютъ живыхъ дѣтенышей и кормятъ ихъ своимъ молокомъ, почему и называются *млекопитающими*.

Съ помощью отца дѣти отдѣлили звѣрей отъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

— Вотъ теперь уже больше порядка, а все же мало. Посмо-

трите: у васъ оселъ стоитъ рядомъ съ кошкой, хотя у осла копыта, а у кошки когти. Отдѣлите же въ сторону всѣхъ млекопитающихъ, у которыхъ ноги вооружены копытами.

Дѣти безъ труда исполнили приказаніе отца.

— Хорошо, сказалъ отецъ: но и тѣхъ животныхъ изъ *класса* млекопитающихъ, ноги которыхъ вооружены копытами, можно разставить въ бóльшемъ порядкѣ. Поставимъ сначала копытныхъ съ непарнымъ числомъ копытъ (какія?) и рядомъ съ ними—съ парнымъ числомъ копытъ (какія?). Вотъ у насъ и получился 1-й *отрядъ* животныхъ *копытныхъ*, въ которомъ различаются два *подотряда:* первый—*непарнокопытныхъ,* каковы—носорогъ, лошадь, оселъ, зебра; и второй—*парнокопытныхъ,* заключающій въ себѣ двѣ группы. Къ первой группѣ относится бегемотъ, свинья домашняя и кабанъ, у которыхъ сильно развиты клыки, а на коренныхъ зубахъ находятся бугорки: на переднихъ острые для разрѣзыванія, а на заднихъ тупые для перетиранія пищи. Ко второй группѣ относятся животныя съ коренными зубами только для перетиранія пищи и съ сложнымъ желудкомъ; они отрыгаютъ *жвачку,* почему и называются *жвачными* животными. Къ этой группѣ относится нѣсколько *семействъ:* 1-е сем. *мозоленогихъ,* въ которое входятъ двугорбый и одногорбый верблюды и хорошенькая лама съ вытянутой шеей; 2-е сем. *оленье,* къ которому причисляются стройные олени всѣхъ видовъ съ плотными, вѣтвистыми рогами; 3-ье сем. *полорогихъ,* куда относятся быкъ, бизонъ, буйволъ, зубръ—самое крупное изъ животныхъ Европы, который водится теперь только лишь въ Бѣловѣжской пущѣ и на Кавказѣ, зебу съ жировымъ горбомъ на загривкѣ, распространенный въ Индіи и восточной Африкѣ въ качествѣ домашняго скота, и разнообразные виды антилопъ, козъ и овецъ; представителемъ 4-го семейства является *жирафъ* съ очень высокими передними ногами и чрезвычайно длинной шеей. Слонъ азіатскій и слонъ африканскій хотя и имѣютъ на пальцахъ небольшія копытца, но составляютъ собою 2-й отрядъ, который носитъ названіе *хоботныхъ,* куда относятъ также мамонта и мастодонта, теперь уже вымершихъ.

*

Теперь займемся животными, у которыхъ на пальцахъ не копыта, а когти. Изъ нихъ мы легко устроимъ 3-й отрядъ—*хищныхъ* (какіе признаки хищныхъ звѣрей?). Въ отрядѣ хищныхъ мы отличимъ пять семействъ: *кошачье*, со втяжными когтями, второе семейство хищныхъ будетъ—*собачье*, третье семейство—*гіеновое*, четвертое—*медвѣжье*, пятое семейство отряда хищныхъ—*хорьковое*. (Какіе роды и виды хорьковаго семейства вы знаете?).

Затѣмъ помѣстимъ 4-й отрядъ *грызуновъ*. (Признаки грызуновъ? Какіе звѣри относятся къ этому отряду?).

Далѣе пойдетъ 5-й отрядъ—*насѣкомоядныхъ*. (Кого вы отнесете къ этому отряду?). Затѣмъ помѣстимъ 6-й отрядъ—*рукокрылыхъ*. (Какое рукокрылое животное вы знаете?). 7-й отрядъ составятъ *обезьяны*. (Какихъ обезьянъ вы знаете?). Наконецъ поставимъ два отряда морскихъ звѣрей: 8-й—*ластоногихъ* и 9-й—*китообразныхъ*. (Какіе звѣри относятся къ первому и какіе ко второму отряду?).

Вотъ и всѣ *млекопитающія* животныя, какихъ мы съ вами узнали. Теперь займемся размѣщеніемъ *птицъ*, которыхъ легко отличить по перьямъ, по крыльямъ, по ногамъ и по клюву. Первымъ отрядомъ поставимъ—*куриный*. (Какія птицы относятся къ этому отряду?). Второй отрядъ будетъ—*голенастыхъ* или *болотныхъ*. (Какія птицы принадлежатъ къ этому отряду? Почему онѣ такъ называются?). Третій отрядъ—птицъ *бѣгающихъ*. (Какую вы знаете бѣгающую птицу?). Четвертый отрядъ составятъ птицы *плавающія*. (Какія?). 5-й—*хищныхъ*, дневныхъ и ночныхъ (какія?); 6-й—*воробьиныхъ* (какія?); 7-й—*голубиныхъ*, куда относятся одни голуби разнообразныхъ видовъ, и 8-й—*парнопалыхъ* или *лазуновъ*. (Какія птицы относятся къ этому послѣднему отряду? Почему онѣ такъ названы?).

Вотъ мы установили два *класса* животныхъ: звѣрей и птицъ. О другихъ классахъ мы знаемъ немного, но постараемся и животныхъ этихъ классовъ размѣстить, какъ можемъ. Сначала размѣстимъ классъ *пресмыкающихся*, гдѣ замѣтимъ 4 отряда: *крокодилы, ящерицы, змѣи* и *черепахи*.

Четвертый классъ составятъ у насъ животныя *земноводныя.* (Какое земноводное животное вы знаете и почему оно такъ называется?).

Пятый классъ займутъ у насъ *рыбы.* (Чѣмъ отличаются рыбы отъ всѣхъ прочихъ классовъ?).

У всѣхъ животныхъ этихъ пяти классовъ (какихъ именно классовъ?) есть одинъ общій признакъ: это все животныя *позвоночныя,* т. е. такія, у которыхъ есть позвоночный столбъ. У всѣхъ же остальныхъ животныхъ, которыхъ мы еще не привели въ порядокъ, нѣтъ позвоночнаго столба, и теперь мы займемся именно этими *безпозвоночными* животными.

На время, прибавилъ отецъ, мы не тронемъ животныхъ безпозвоночныхъ, и приведемъ ихъ въ порядокъ тогда, когда что-нибудь о нихъ узнаемъ. Теперь же вы уже знаете, для чего нуженъ порядокъ и *система:* иначе мы не могли бы помнить такого множества животныхъ, равно какъ и всей массы растеній и минераловъ, какіе извѣстны каждому, кто изучалъ естественныя науки. Да и вообще умные люди давно замѣтили, что для того, чтобы занятія шли успѣшно, всякой вещи должно быть свое мѣсто, а всякому дѣлу свое время.

ХРУЩЪ ИЛИ МАЙСКІЙ ЖУКЪ.

Это насѣкомое очень хорошо знакомо каждому изъ насъ; но, разсмотрѣвъ его поближе и повнимательнѣе, мы откроемъ въ немъ много любопытнаго, чего прежде не замѣчали.

Небольшое тѣло хруща весьма замѣтно раздѣляется на три части: голову, грудь и брюшко. Головка у него очень небольшая и весьма малоподвижная; на ней мы замѣтимъ два большіе блестящіе глаза и ротъ, состоящій изъ шести частей: двухъ губъ и четырехъ челюстей; челюсти движутся въ стороны и зубцами своими перетираютъ пищу. На нижнихъ челюстяхъ и на нижней губѣ мы замѣтимъ еще маленькіе членистые отростки, называемые *щупальцами:* ими хрущъ ощупываетъ и поддерживаетъ пищу. Такого сложнаго рта мы не видѣли еще ни у одного животнаго. На головѣ хруща замѣтимъ мы еще два отростка въ родѣ двухъ усиковъ, утолщающихся къ концу

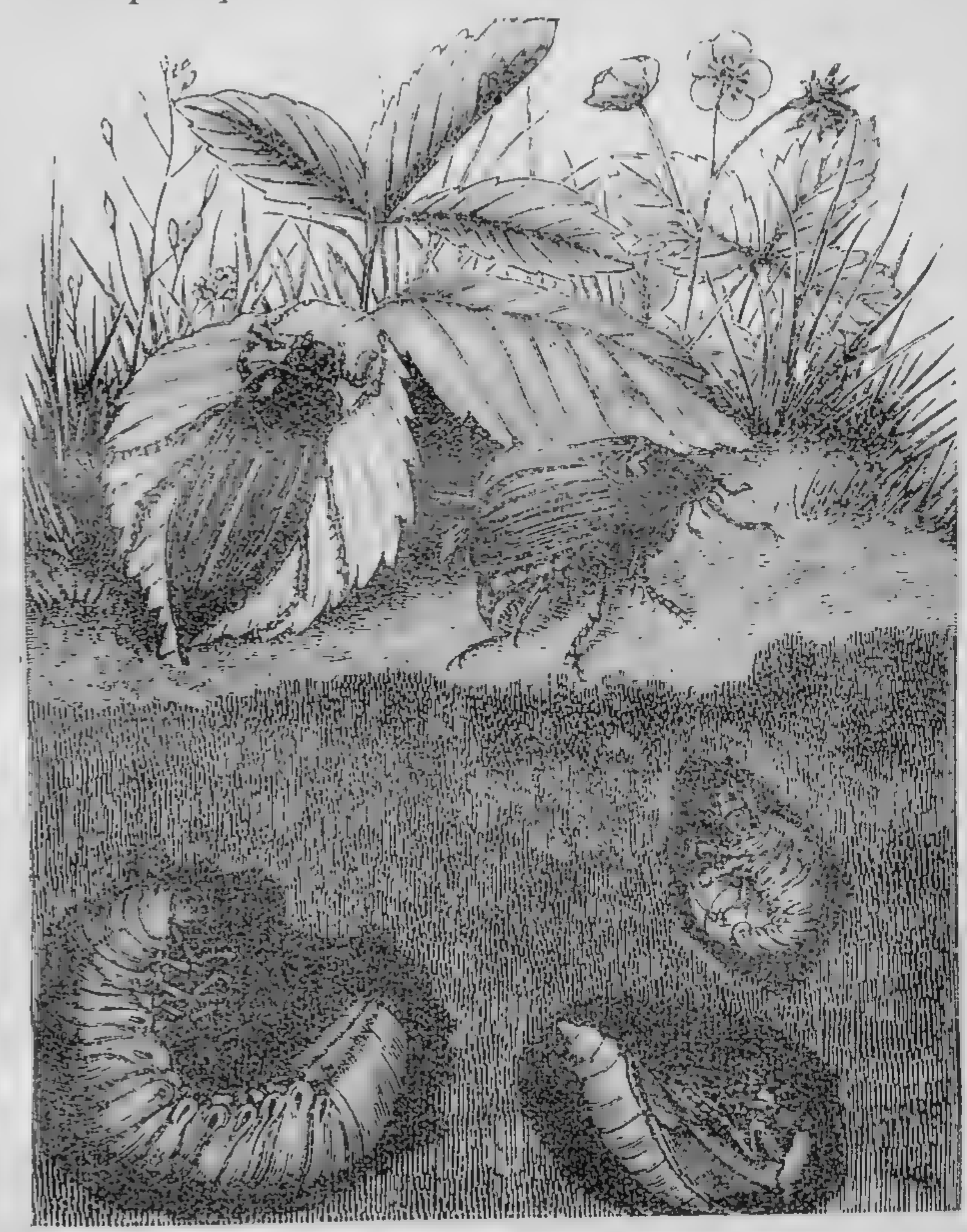
и снабженныхъ на вершинѣ широкими пластинками, которыя могутъ расходиться на подобіе вѣера; усики эти называются также *сяжками*. Окончанія этихъ сяжковъ считаются органами обонянія, такъ какъ съ отрѣзанными сяжками хрущъ, какъ и всякое другое насѣкомое, теряетъ способность отыскивать себѣ пищу.

Грудь хруща начинается тотчасъ за головой. Она состоитъ изъ трехъ колецъ. Первое и ближайшее къ головѣ, сравнительно съ другими, велико: если смотрѣть сверху, то кажется, что оно одно образуетъ всю грудь. Второго и третьяго кольца, когда сложены у жука крылья, сверху не видно, потому что они бываютъ накрыты жесткими крыльями; впрочемъ, второе колечко замѣтно наверху между крыльями въ видѣ сердцевиднаго щитка. Къ каждому изъ грудныхъ колецъ снизу прикрѣплено по парѣ ногъ, а сверху ко 2-му — жесткія верхнія крылья, или *надкрылья*, къ 3-му —настоящія перепончатыя крылья, служащія для летанія. Брюшко хруща, котораго сверху за надкрыльями почти не видать, состоитъ изъ семи колецъ чернаго цвѣта; на каждомъ изъ этихъ колецъ съ боковъ по бѣлому трехугольному пятнышку; роговидное окончаніе брюшка выходитъ треугольникомъ и имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Каждая нога состоитъ изъ пяти частей; послѣдняя часть, соотвѣтствующая лапѣ звѣря, состоитъ изъ пяти суставцевъ, съ двумя коготками на послѣднемъ суставѣ, и называется *лапкой*. Эти суставчатыя, членистыя ноги помогаютъ животному двигаться, а крючковатыя лапки даютъ ему возможность сидѣть крѣпко, уцѣпившись за листокъ дерева или за вѣтку.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ члениковъ, суставцевъ: въ груди три суставца, въ брюшкѣ семь, ножки и ротъ также состоятъ изъ члениковъ; даже сяжки и тѣ не простые, а состоятъ тоже изъ члениковъ. Вотъ почему хруща причисляютъ къ животнымъ *членистоногимъ*, къ которымъ мы причисляемъ и осу, и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество другихъ животныхъ, если разсмотримъ ихъ хорошенько.

Сверху, на спинѣ хруща, мы видимъ два свѣтло-коричневыя блестящія крыла, жесткія, глянцовитыя, по которымъ вдоль идутъ

выпуклыя полоски; но это, собственно, не крылья,—трудно было бы летать на такихъ жесткихъ и тяжелыхъ крыльяхъ, — а только крышки для настоящихъ крыльевъ, или, какъ ихъ называютъ, *надкрылья.* Когда жукъ собирается летѣть, то онъ подымаетъ эти жесткія надкрылья и развертываетъ изъ-подъ нихъ два другія крыла — тонкія, нѣжныя и большія. Эти послѣднія, мягкія крылышки такъ тонки, что почти прозрачны; но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ достаточно силы и крѣпости, чтобы поддерживать на воздухѣ довольно увѣсистое тѣло жука. При полетѣ жукъ производитъ своими крыльями особаго рода, знакомое намъ, *жужжаніе;* но собственно голоса онъ не имѣетъ.

Превращеніе майскаго жука.

Хрущъ безопасенъ для людей; онъ не можетъ ни кусать, ни жалить, но сильно вредитъ деревьямъ и кустамъ, пожирая на нихъ листья. Самка хруща кладетъ яички въ землю, и потомъ вовсе о нихъ не заботится. Изъ яичекъ жука выползаютъ не жуки, но маленькіе голые червячки бѣлаго цвѣта, вовсе на жука не похожіе; червячки

эти называются личинками; изъ нихъ, черезъ три года на четвертый, дѣлаются куколки, а изъ куколокъ выходятъ уже хрущи. Такой переходъ животнаго изъ одной формы въ другую называется *превращеніемъ* (метаморфозой). Превращеній мы не замѣчали съ вами ни у звѣрей, ни у птицъ, ни у рыбъ, и видѣли нѣчто подобное только у лягушекъ.

Если случайно раздавить жука, то изъ него потечетъ не красная, но бѣлая кровь. Костей при этомъ у жука не окажется; а наоборотъ, мы увидимъ, что внѣшняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюшко, не говоря уже о крѣпкихъ надкрыльяхъ, гораздо тверже и жестче того, что мы находимъ внутри жука. У млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбъ мы видѣли кости внутри; а здѣсь, напротивъ, кости замѣняются твердымъ наружнымъ покровомъ, и къ этому-то покрову прикрѣпляются снутри мускулы, дающіе животному возможность двигаться. Замѣтивъ это, мы, конечно, не будемъ уже искать въ жукѣ ни позвоночнаго хребта, ни реберъ, ни другихъ костей, а потому и не причислимъ его къ животнымъ *позвоночнымъ*. Внутри жука естествоиспытатели нашли мускулы, желудокъ, сердце и нервы, что̀ даетъ жуку возможность, какъ и всякому другому насѣкомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыханія жукамъ такъ же необходимъ воздухъ, какъ и всему, что̀ живетъ; но дыхательный органъ у жука устроенъ совершенно иначе, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ читали. Это не легкія и не жабры, а маленькія трубочки, находящіяся внутри всѣхъ частей тѣла животнаго; отверстія трубочекъ, или устьица, открываются по бокамъ брюшныхъ и грудныхъ колецъ. Эти дыхательныя трубочки называются также *дыхальцами*. Содержащійся въ дыхальцахъ воздухъ соприкасается съ кровью жука. Особыхъ органовъ слуха у жуковъ не открыли, хотя несомнѣнно жукъ слышитъ; органами обонянія служатъ сяжки, а органъ вкуса находится въ нижней губѣ. Органы осязанія есть, но чувство это не распространено у нихъ по всему тѣлу, покрытому толстою, жесткою кожею, а сосредоточено въ лапкахъ ногъ и въ щупальцахъ.

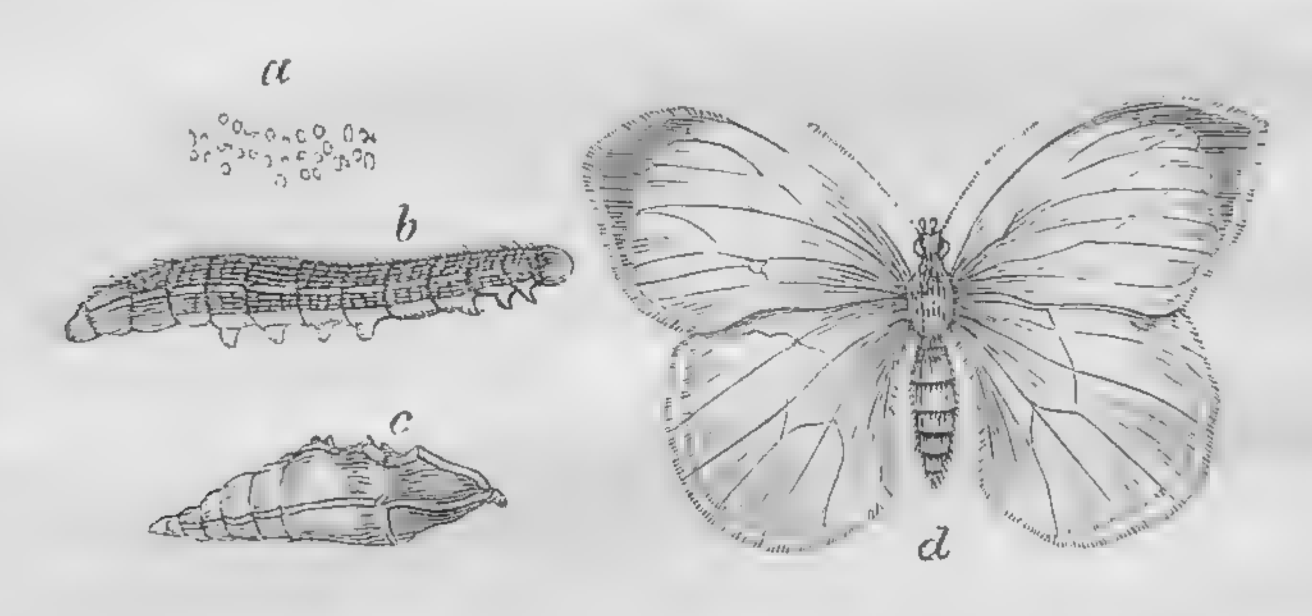
Если мы встрѣтимъ животное, которое, подобно жуку, состоитъ изъ множества членниковъ или суставцевъ и съ ногами, тоже состоящими изъ членниковъ, то причислимъ его къ обширному отдѣлу животныхъ членистоногихъ, но если мы встрѣтимъ такое членистоногое животное, у котораго, какъ у жука, *три пары* ногъ, то мы причислимъ его къ классу *насѣкомыхъ*. Паука, напримѣръ, мы назовемъ животнымъ членистоногимъ, но не можемъ назвать его насѣкомымъ, потому что у него не шесть, а восемь ногъ; не назовемъ мы также насѣкомымъ и сороконожку, хотя смѣло можемъ назвать ее животнымъ членистоногимъ; пчела же, оса и муха, хотя онѣ и мало похожи на жука, должны быть причислены къ насѣкомымъ: онѣ не только состоятъ изъ суставчиковъ, но и имѣютъ по шести ногъ.

БАБОЧКА.

Зачѣмъ пестрая бабочка такъ дѣятельно перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ и прячетъ свою головку въ душистые вѣнчики цвѣтовъ? Вѣрно и у нея есть ротикъ, вѣрно и она отыскиваетъ себѣ пищу въ цвѣтахъ? Да, ротъ есть и у бабочки, только она свою пищу не ѣстъ, а пьетъ хоботомъ, который образованъ изъ челюстей, сросшихся въ трубочку. Свой хоботокъ бабочка то вытягиваетъ, чтобы добыть себѣ соку изъ цвѣтка, то свиваетъ спирально, чтобы удобнѣе было летать съ нимъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ хоботокъ длиненъ, а у нѣкоторыхъ онъ вовсе не развитъ. Но чѣмъ же живутъ эти послѣднія? твердой пищи онѣ жевать не могутъ, а хоботка для всасыванія жидкой у нихъ нѣтъ?—Ничѣмъ! Такія бабочки ничего не ѣдятъ во всю жизнь: зато и живутъ иногда только одинъ день, и, положивъ яички, умираютъ. На головѣ бабочки мы замѣтимъ длинные булавовидные сяжки и два большихъ сложныхъ глаза, составленные изъ нѣсколькихъ сотъ маленькихъ глазковъ. На нѣсколько подтянутой груди бабочки сидятъ двѣ пары непрозрачныхъ большихъ крыльевъ и шесть маленькихъ, длинныхъ, членистыхъ ногъ. Всѣ четыре крыла бабочки усажены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ, разноцвѣтныхъ чешуекъ, похожихъ на блестящую пыль. Если разсмотрѣть эти чешуйки въ микроскопъ, то можно видѣть, что онѣ, какъ

перышки, однимъ, острымъ, концомъ сидятъ на крылѣ, а другимъ, широкимъ, уложены другъ на друга, словно черепицы на кровлѣ. Отъ чешуекъ зависятъ тѣ яркіе цвѣта бабочкиныхъ крыльевъ, которыми мы любуемся.

Бабочки, какъ и майскіе жуки, имѣютъ превращеніе. Онѣ кладутъ яички въ такія мѣста, гдѣ ихъ потомство можетъ найти пищу. Изъ яичекъ выходятъ личинки, которыя называются *гусеницами*. Гусеницы имѣютъ видъ червячка, большею частью съ восемью парами ногъ: три переднія пары оканчиваются коготками, а пять паръ—мягкія и называются ложными ногами. Гусеницы не питаются жидкими веществами, какъ бабочки, а имѣютъ крѣпкія челюсти, которыми

Превращеніе бабочки.
a—яички. *b*—гусеница. *c*—куколка. *d*—бабочка.

онѣ грызутъ листья и другія твердыя тѣла. Онѣ очень прожорливы, быстро растутъ и нѣсколько разъ линяютъ. Гусеницы приносятъ большой вредъ: нѣтъ ни одного почти растенія, которымъ бы онѣ не питались; иногда цѣлые лѣса уничтожаются ими, и мы у себя въ садахъ и огородахъ можемъ легко наблюдать ихъ вредъ. Хорошо еще, что птицы и многія другія животныя истребляютъ множество гусеницъ, а то онѣ уничтожили бы всю растительность. Послѣ нѣсколькихъ линяній гусеница какъ бы засыхаетъ и покрывается твердой оболочкой; она превращается въ *куколку*, не ѣстъ, не пьетъ, и лежитъ смирно иногда цѣлую зиму. Большею частью весною оболочка куколки лопается, и изъ нея выползаетъ бабочка. Сначала крылья у нея сморщены и мягкія, но мало-по-малу они распра-

вляются, и бабочка появляется во всей своей красѣ. Она нѣсколько дней порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, затѣмъ положитъ яички и умираетъ.

Моль, которая летаетъ у насъ по комнатамъ, также относится къ бабочкамъ. Летающая моль уже не вредна, такъ какъ шерстяныя матеріи и мѣха грызутъ личинки моли, дѣлая себѣ изъ огрызковъ шерсти и волосъ мягкія трубочки.

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЯЧЕКЪ.

Хорошенькая лента, красивый пестрый платочекъ, чудесное блестящее крѣпкое платье — сдѣланы изъ шелку. Но откуда же берется шелкъ? Изъ чего онъ дѣлается? Вы засмѣетесь, если вамъ сказать, что онъ дѣлается изъ земли, воздуха и воды, и подумаете, что это шутка; но, тѣмъ не менѣе, это совершенно справедливо.

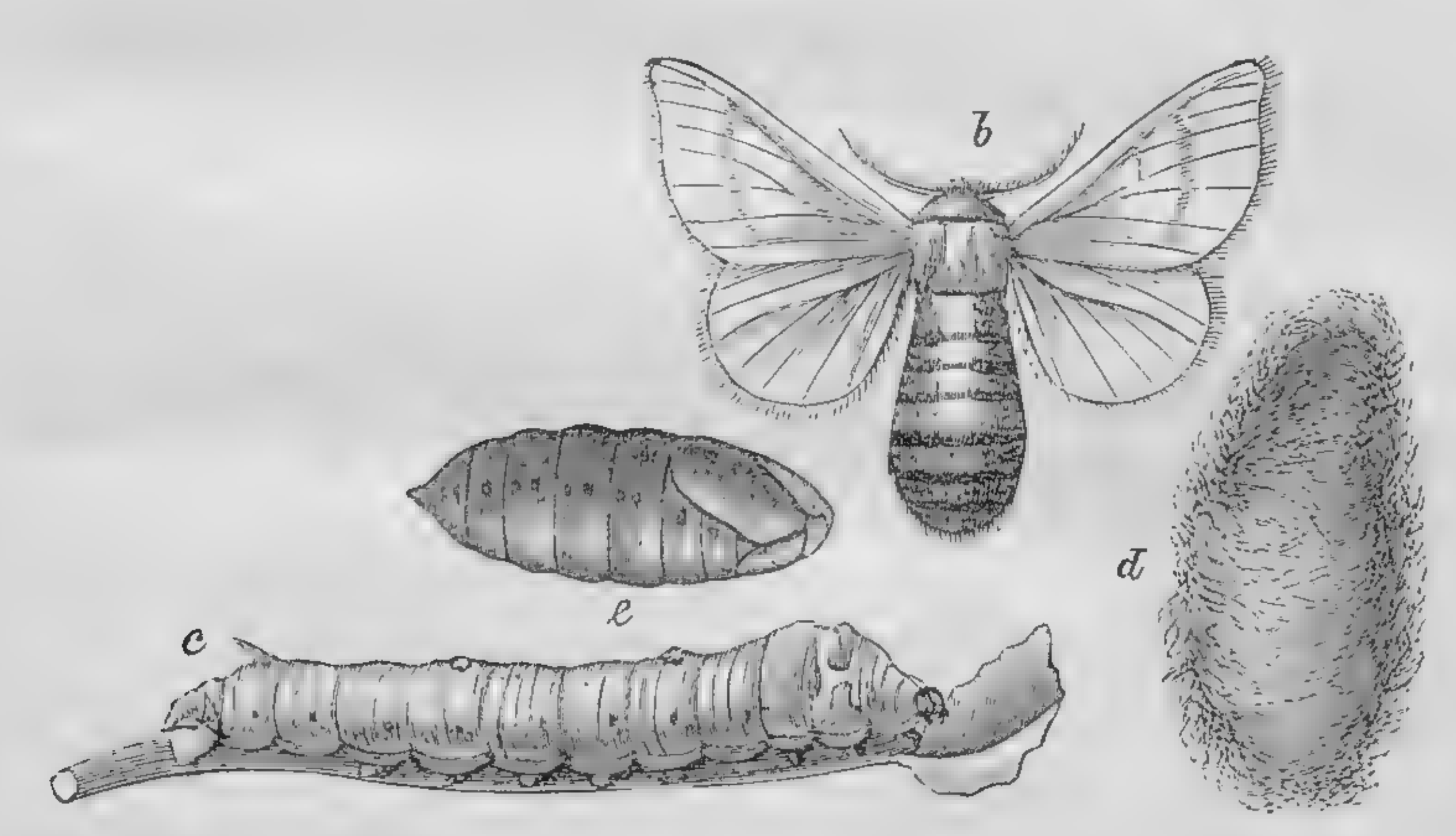
Маленькое зернышко сидитъ вмѣстѣ съ другими въ мясистомъ вкусномъ плодѣ, по формѣ и по цвѣту нѣсколько похожемъ на малину. Дерево, на которомъ растетъ этотъ плодъ, называется *шелковичнымъ* деревомъ. Въ каждомъ плодѣ, какъ и въ плодѣ малины, множество зернышекъ, и одного изъ этихъ зернышекъ достаточно, чтобы изъ него выросло большое шелковичное дерево. Прилежно сосетъ шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляютъ: земля, вода и воздухъ. И что же строитъ оно изъ этой пищи? Внизъ, подъ землею, пускаетъ оно сильные, крѣпкіе корни, вверхъ—стволъ; изъ ствола выгоняетъ сучья, изъ сучьевъ вѣтки, изъ вѣтокъ листья; между листьями появляются маленькіе цвѣты, а изъ цвѣтовъ развиваются плоды. Откуда же берется шелкъ?

Для полученія шелка нужно еще другое зернышко, или, лучше сказать, другой зародышъ, который еще меньше перваго. Щедрый Создатель позаботился сотворить такой зародышъ. Зародышъ этотъ—маленькое яичко, величиною съ булавочную головку; снаружи оно покрыто твердою оболочкою, внутри жидко. Солнце знаетъ уже, что ему дѣлать съ этимъ яичкомъ: оно до тѣхъ поръ грѣетъ его своими теплыми лучами, пока жидкая масса, находящаяся внутри яичка, не превратится въ крошечнаго червячка, который такъ малъ,

что даже и въ яичкѣ съ булавочную головку ему достаточно мѣста, чтобы лежать свернувшись. Червячекъ имѣетъ во рту острыя челюсти, которыми онъ прогрызаетъ себѣ дыру въ оболочкѣ яичка. Долго трудится онъ, но наконецъ выглядываетъ на Божій свѣтъ, радостно простираетъ на зеленомъ листочкѣ шелковицы свое измятое тѣльце и вдыхаетъ ароматный воздухъ. Послѣ тяжелой работы у червяка появляется отличный аппетитъ, и онъ имѣетъ уже средства удовлетворить ему: на головкѣ у него выпуклые глаза, которыми онъ видитъ пищу; на туловищѣ шестнадцать ножекъ, которыми онъ ползетъ къ молодому, нѣжному листку, только-что развернувшемуся изъ почки. Этотъ листокъ—завтракъ, обѣдъ и ужинъ шелковичнаго червячка: онъ день и ночь только и дѣлаетъ, что ѣстъ да пьетъ. Наконецъ червякъ дотого откормится, дотого растолстѣетъ, что ему становится тѣсно въ собственной кожѣ; тогда онъ призадумывается, перестаетъ ѣсть и сидитъ неподвижно, блѣднѣетъ и, кажется, готовится издохнуть; и вотъ кожа на немъ дѣйствительно лопается. Повернется червякъ нѣсколько разъ—и скинулъ старое платье, которое сдѣлалось для него слишкомъ тѣсно. Что же, неужели онъ останется безъ кожи? Нѣтъ! Подъ старой кожей у него давно заготовлена новая, свѣжая — и красивѣе, и шире прежней. Переодѣвшись, опять начинаетъ червячекъ ѣсть безъ устали и день и ночь, пока и новая кожа станетъ ему слишкомъ тѣсна: опять переодѣванье, и въ третій, и въ четвертый разъ, и каждый разъ новое платье и свѣтлѣе, и шире стараго. Чрезъ 30 дней крошечный червячекъ, который выползъ изъ яичка, величиною съ булавочную головку, выростаетъ въ большую гусеницу, величиною въ мизинецъ, которая изъ шелковичныхъ листьевъ заготовила внутри себя много матеріала для будущихъ своихъ работъ. Изъ этого матеріала приготовляетъ она тонкую, свѣтлую нитку; выпустивъ конецъ этой нитки изъ отверстія на нижней губѣ и прикрѣпивъ его къ вѣточкѣ дерева, гусеница начинаетъ дѣлать особенныя движенія: вертясь во всѣ стороны, продолжаетъ выпускать нить, которую навертываетъ вокругъ себя точно такъ, какъ мы навертываемъ клубокъ нитокъ, съ тою только разницею, что мы начинаемъ навертывать клубокъ изнутри,

а гусеница — снаружи, и сначала прядетъ внѣшніе слои, а потомъ внутренніе. Такъ работаетъ гусеница около трехъ дней и, ни разу не порвавши своей нити, свиваетъ изъ нея вокругъ себя порядочный клубокъ бѣлаго или желтоватаго цвѣта, величиною съ голубиное яйцо, но гораздо тоньше. Такой клубокъ, пустой внутри, зовутъ *кокономъ*. Наружные слои кокона состоятъ изъ нитей, сложенныхъ неправильно, но подъ этимъ наружнымъ слоемъ нить расположена очень правильно слоями; нить эта такая длинная, что дитя должно бы было пробѣжать не менѣе четверти часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червякъ лежитъ сначала усталый

Шелковичная бабочка: *b*) бабочка, *c*) гусеница, *d*) коконъ, *e*) куколка.

и безсильный. 30 дней онъ ѣлъ безъ устали, четыре раза мѣнялъ свое платье и три дня кружился, свивалъ тонкія нити въ коконъ: теперь пора ему и отдохнуть. Въ послѣдній разъ снимаетъ онъ свое рабочее платье. Ему не нужны болѣе его ножки: ему некуда бѣжать; ему не нужны глаза: въ его комнатѣ и смотрѣть не на что; ему не нужны и челюсти, которыя изгрызли столько листьевъ,—и вотъ все это сбрасывается вмѣстѣ съ кожей, и гусеница превращается въ *куколку;* куколка лежитъ неподвижною и кажется мертвою. Подъ кожей куколки вырабатывается нѣчто совершенно иное. Черезъ 10 дней темная, твердая кожа куколки лопается, изъ нея выходитъ ба-

бочка. Два большіе глаза видны у нея на головѣ, 4 чешуйчатыхъ бѣловатыхъ крыла на груди сверху и 6 ногъ снизу. Но какъ же бабочкѣ выйти изъ своей тюрьмы, въ которую она сама себя заперла? Ножки ея слабы и не могутъ разорвать тысячи нитокъ; прежнихъ челюстей у нея нѣтъ; нѣжный хоботокъ бабочки годится только для того, чтобы пить медъ изъ цвѣтковъ. Пришлось бы бабочкѣ погибнуть въ ея тюрьмѣ, если бы Богъ не далъ ей другого средства: изъ собственнаго своего сока и клея свила гусеница коконъ; нѣсколькими каплями другого сока, выдѣляемаго бабочкой, нити кокона разъѣдаются, и на немъ появляется отверстіе, черезъ которое бабочка и выходитъ на свѣтъ Божій.

Человѣкъ нашелъ возможность воспользоваться трудами шелковичнаго червячка и только немногимъ бабочкамъ позволяетъ выбраться изъ тюрьмы, потому что дыры, которыя онѣ при этомъ дѣлаютъ въ коконѣ, портятъ шелкъ. Человѣкъ позволяетъ бабочкамъ высвобождаться изъ кокона только для того, чтобы онѣ могли положить яички, изъ которыхъ на будущій годъ выйдутъ гусеницы. Въ прочихъ коконахъ посредствомъ жара умерщвляютъ куколокъ, потомъ, размягчивши коконъ въ теплой водѣ, разматываютъ тонкія нити коконовъ, прядутъ изъ нихъ болѣе толстыя, красятъ ихъ въ самые разнообразные цвѣта и ткутъ прекрасныя шелковыя матеріи, платки, ленты и прочее.

Такимъ-то образомъ шелкъ дѣлается изъ сока шелковичной гусеницы; сокъ шелковичной гусеницы—изъ сока шелковичныхъ листьевъ; а сокъ шелковичныхъ листьевъ добываетъ дерево изъ земли, воды и воздуха. Вотъ какъ шелковое платье дѣлается изъ *земли, воды* и *воздуха* съ помощью двухъ крошечныхъ зародышей: зернышка шелковичной ягоды и яичка шелковичной бабочки.

Шелковичная бабочка далеко не такъ красива, какъ ея подруги: крылышки ея скромнаго, свѣтлосѣраго цвѣта; но это именно одна бабочка, за которою человѣкъ ухаживаетъ такъ заботливо, чтобы получить шелкъ; онъ строитъ для нея особые дома, отапливаетъ комнаты, садитъ ея любимыя деревья, приготовляетъ ей пищу, кормитъ нарочно гусеницъ. Очень многія другія бабочки дѣлаютъ

себѣ коконы изъ шелка, но шелкъ этотъ не прочепъ, и коконъ нельзя размотать. Поэтому настоящій шелкъ получается только отъ *тутоваго шелкопряда.* Почти всѣ остальные шелкопряды приносятъ вредъ лѣсамъ, напр. сосновый шелкопрядъ.

КОМНАТНЫЯ МУХИ.

Комнатныя мухи очень намъ знакомы: онѣ надоѣдаютъ намъ все лѣто и только зимою оставляютъ насъ въ покоѣ. Мы знаемъ, что у мухи два крылышка, но не знаемъ, какъ замѣчательны ея глаза; только въ *микроскопъ* можно разсмотрѣть, что каждый изъ двухъ глазъ мухи состоитъ изъ множества крошечныхъ глазковъ. Изо рта у мухи высовывается хоботокъ, которымъ она всасываетъ жидкости. Если ей попадается какая-нибудь твердая пища, напримѣръ сахаръ, то она сначала размягчаетъ его маленькою свѣтлою каплею, которую выпускаетъ изъ хоботка. Тѣло мухи усѣяно безчисленными, едва замѣтными волосками, и два крыла ея чрезвычайно тонки и прозрачны.

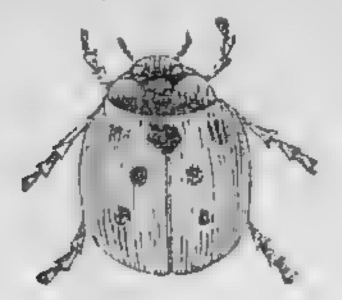

Комнатная муха въ увеличенномъ видѣ.

Но откуда появляются мухи? Онѣ появляются изъ *куколокъ,* которыхъ обыкновенно не видать, но которыя находятся въ конюшняхъ, хлѣвахъ, вообще тамъ, гдѣ происходитъ гніеніе различныхъ отбросовъ. Изъ такихъ куколокъ черезъ 14 дней выходятъ мухи. Но прежде еще куколка бываетъ червячкомъ или, какъ говорятъ, *личинкою;* личинка же выходитъ изъ яичка. Такихъ яичекъ несетъ муха цѣлыя сотни, такъ что изъ одной мухи въ годъ можетъ разродиться нѣсколько милліоновъ мухъ. Бѣда была бы человѣку отъ множества этихъ насѣкомыхъ, если бы зимніе холода не убивали большей части личинокъ и куколокъ, а куры не выкапывали ихъ изъ сору; если бы ласточки и другія маленькія птички не ловили самыхъ мухъ тысячами въ воздухѣ, а пауки не заманивали

ихъ въ свои тенета. Мухи ползаютъ очень хорошо по самымъ гладкимъ предметамъ: по стеклу и фаянсу; онѣ могутъ ползать даже кверху ногами, потому что у нихъ на лапкахъ есть маленькія подушечки, которыми онѣ и присасываются къ гладкимъ поверхностямъ.

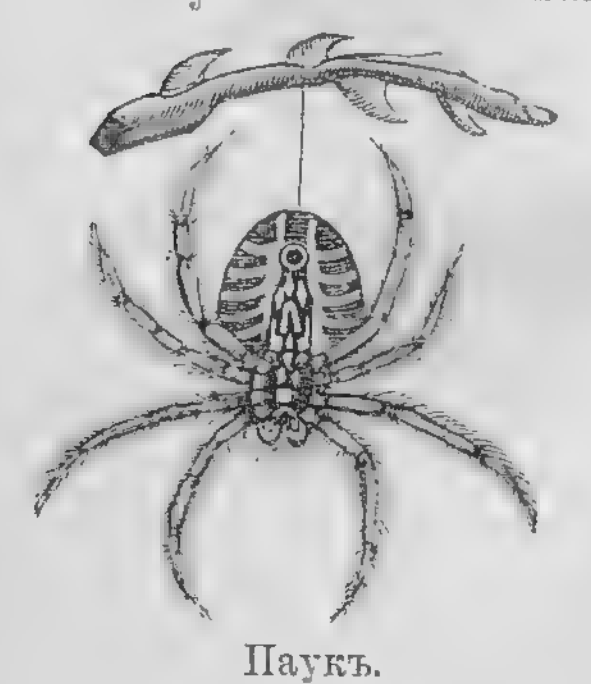
Примѣчание. Между бабочкой, мухой и жукомъ мы замѣчаемъ большое сходство: они имѣютъ суставчатое строеніе тѣла и по три пары членистыхъ ногъ, почему и относятся къ классу *насѣкомыхъ*. Комаръ, оса, пчела, стрекоза, муравей, тараканъ, блоха и пр. и пр. — тоже насѣкомыя. Насѣкомыхъ такое множество, что мы даже перечислить ихъ не беремся. Нѣкоторый порядокъ между ними мы можемъ установить, разбирая ихъ по крыльямъ. Тѣ насѣкомыя, которыя имѣютъ такія же жесткія надкрылья, какъ *жукъ*, составятъ отрядъ *жесткокрылыхъ;* тѣ, у которыхъ крылья покрыты чешуйками, какъ у бабочекъ, называются *чешуекрылыми;* осы, пчелы, муравьи и др. — *перепончатокрылыми*, потому что всѣ крылья ихъ состоятъ изъ прозрачной перепонки; мухи — *двукрылыми*, такъ какъ имѣютъ только два крыла.

Божья коровка.

ПАУКЪ.

Паука нельзя назвать красивымъ животнымъ; многіе чувствуютъ къ нему отвращеніе, даже боятся его: такой у него разбойничій видъ. Но не забудемъ, что ядовитыя змѣи бываютъ иногда очень красивы и что гусеницы прелестныхъ бабочекъ, за которыми дѣти такъ любятъ гоняться, часто приводятъ въ отчаянье земледѣльца и садовника; паукъ же не только безвреденъ, но даже полезенъ, такъ какъ истребляетъ множество нашихъ крылатыхъ мучителей—комаровъ и мухъ. И посмотрите, какъ приспособлено къ этому занятію все тѣло маленькаго хищника. Голова и грудь совершенно срослись и образовали *головогрудь;* но зато круглое шарообразное брюшко его, едва прикрѣпленное къ груди, втрое больше всего остальнаго тѣла. Въ немъ паукъ запасаетъ себѣ пищу на ненастные дни, когда мухи и комары скрываются въ дупла деревьевъ и во всякаго рода щели. Такое время постъ для паука; но въ теплую погоду ему раздолье, и онъ ѣстъ очень много; зато онъ можетъ оставаться безъ пищи цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

Паукъ.

Какъ опытные охотники, пауки стерегутъ свою добычу въ раз-

ныхъ мѣстахъ и, смотря по мѣсту, гдѣ производятъ свою ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущіе свою добычу въ лѣсу, встрѣчаются иногда зеленаго цвѣта, подъ цвѣтъ листьевъ; тѣ же, которые живутъ на поляхъ или таятся въ углахъ зданій, бываютъ сѣрые, темные, подъ цвѣтъ съ тѣми мѣстами, гдѣ раскидываютъ свои сѣти. Восемь зоркихъ простыхъ глазъ находятся у паука на головѣ, и *восемь* длинныхъ ногъ даютъ ему возможность бѣгать очень скоро. Пауки охотятся самымъ разнообразнымъ образомъ. Многіе изъ нихъ тихо подкрадываются къ комару, который, утомясь отъ ночныхъ подвиговъ, сладко дремлетъ на какомъ-нибудь листочкѣ. Крылатому длинноногому злодѣю снится, можетъ быть, какъ онъ летитъ чрезъ окошко въ спальню, садится на бѣлое личико ребенка, глубоко запускаетъ свое острое жало и пьетъ съ наслажденіемъ чистую кровь,—пьетъ, дрожитъ отъ удовольствія, краснѣетъ и пухнетъ... Но наказаніе близко! Паукъ подкрадывается осторожно, размѣряетъ глазами разстояніе, отдѣляющее его отъ добычи, дѣлаетъ еще нѣсколько неслышныхъ шаговъ... вдругъ сильный, смѣлый, быстрый прыжокъ,—и злому комару уже не вырваться изъ цѣпкихъ лапъ паука. Во рту паука двѣ острыя челюсти, съ каналами въ серединѣ, по которымъ проходитъ ядовитая жидкость, и при укушеніи острый ядъ проникаетъ въ тѣло насѣкомаго. Челюсти паука, неопасныя для человѣка *), очень опасны для мухи, и вытекающій изъ нихъ ядъ быстро умерщвляетъ ее.

Впрочемъ, для мухъ гораздо опаснѣе тѣ пауки, которые не гоняются за ними, а плетутъ для нихъ хитрую сѣть. Мухи и комары любятъ кучами плясать въ воздухѣ по вечерамъ, и пауки, подмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ толкутся крылатыя насѣкомыя, разстилаютъ тамъ свою паутину. Но какъ и изъ чего они ее дѣлаютъ? Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное выпускаетъ разомъ черезъ множество отверстій въ концѣ брюшка и сплетаетъ изъ этихъ тончайшихъ, невидимыхъ нитей ту тонкую

*) Въ жаркихъ странахъ водятся большіе пауки, называемые *тарантулами*, а въ нашихъ южныхъ степяхъ—*мизгирями*. Укушеніе ихъ, хотя не смертельно, но производитъ опухоли и лихорадочное состояніе.

нитку, которую въ отдѣльности мы все же едва можемъ разсмотрѣть, несмотря на то, что она сплетена изъ множества другихъ. Сокъ, выходя на воздухъ, твердѣетъ, и липкая паутина дѣлается достаточно крѣпкою, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутинѣ паукъ смѣло спускается съ дерева на землю, или съ потолка на полъ, и снова подымается вверхъ легче и ловчѣе всякаго матроса; по такимъ же паутинамъ бѣгаетъ онъ взадъ и впередъ, и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно разсмотрѣть ножки паука. Ножекъ у него *восемь,* и на каждой по три лапки: двѣ большихъ и одна маленькая, и на каждой лапкѣ множество зубчиковъ и крючковъ. Такъ какъ у паука восемь ногъ, то, слѣдовательно, онъ имѣетъ двадцать четыре лапки; если одна изъ нихъ какъ-нибудь оборвется на скоромъ бѣгу, то еще двадцать три готовы поддержать его.

Какъ много у насъ пауковъ, мы можемъ судить объ этомъ по множеству паутины, особенно осенью, когда на домахъ и на заборахъ почти всѣ углы затканы ею; въ лѣсу нельзя сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы паутина не попала на лицо, и даже по полямъ носятся длинныя, серебристыя нити. На этихъ нитяхъ летаютъ по воздуху тоже крошечные черненькіе паучки. Одни пауки охотятся днемъ, другіе вечеромъ, третьи ночью; одни въ лѣсу, другіе въ кустахъ, третьи въ травѣ, четвертые въ строеніяхъ; и всюду эти животныя истребляютъ миріады вредныхъ насѣкомыхъ.

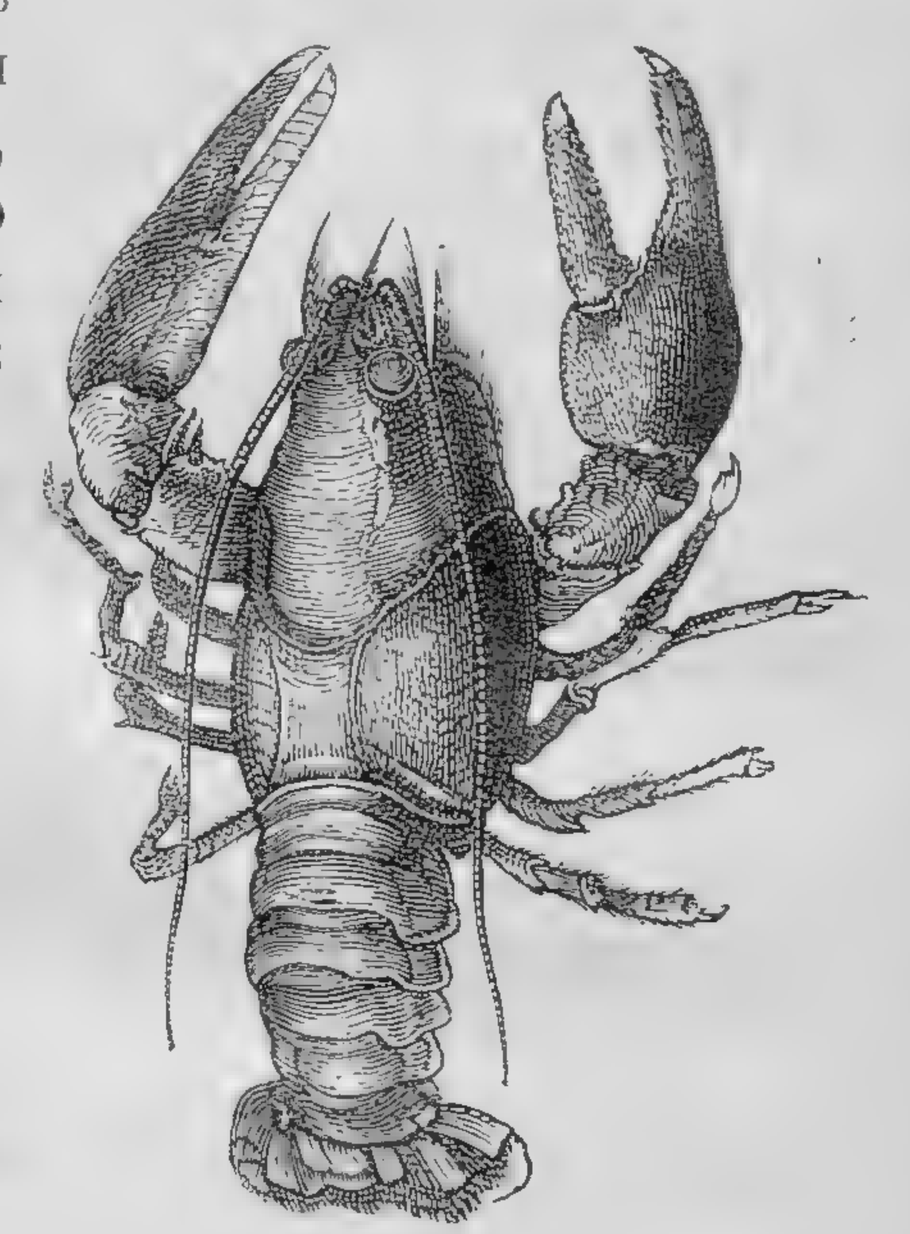
Самка паука несетъ яички, изъ которыхъ выходятъ маленькіе паучата, не подверженные превращенію. Мать защищаетъ свои яички съ опасностью собственной жизни; она опутываетъ яички толстою, мягкою паутиною, дѣлаетъ изъ нихъ крошечные клубочки и эти клубочки прикрѣпляетъ къ своему тѣлу. Замѣчено, что пауки, таскающіе съ собою мѣшочки съ яичками, ужасно безпокоятся, когда у нихъ отымутъ хотя одинъ такой мѣшочекъ, и показываютъ признаки величайшей радости, когда получатъ его обратно. Есть пауки, которые, выкапывая нору въ землѣ, кладутъ въ нее мѣшочки съ яйцами; при входѣ въ это жилище паукъ очень искусно устраиваетъ подъемную дверь, которую закрываетъ землею и очень сильно

удерживаетъ снизу своею спинкою, когда врагъ хочетъ ее открыть. Такъ-то и въ разбойничьей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви!

Пауки, какъ мы уже знаемъ, принадлежатъ къ животнымъ членистоногимъ; но къ насѣкомымъ ихъ причислить нельзя. Пауки имѣютъ столько особенностей, и видовъ ихъ такъ много, что естествоиспытатели назначили для пауковъ особый *классъ* между животными членистоногими—классъ *паукообразныхъ*.

— —

Примѣчание. *Въ отдѣлъ* животныхъ *членистоногихъ* мы знаемъ, слѣдовательно, два *класса:* 1-й классъ *насѣкомыхъ* и 2-й классъ *паукообразныхъ*. Въ этомъ отдѣлѣ есть, кромѣ того, еще третій классъ—*ракообразныхъ*, который отличается отъ двухъ первыхъ тѣмъ, что раки дышатъ *жабрами*. Представителемъ этого класса можетъ служить для насъ рѣчной ракъ; къ классу же пауковъ относится ядовитый скорпіонъ, хоть съ виду скорпіонъ и похожъ нѣсколько на рака.

Ракъ въ естественную величину.

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯКЪ.

Сравнивая дождевого червя съ орломъ, напримѣръ, мы найдемъ между ними мало сходства; но, тѣмъ не менѣе, дождевой червякъ чувствуетъ, движется, отыскиваетъ себѣ пищу, кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ потомъ такіе же черви; слѣдовательно, и дождевой червякъ—животное, только животное низшаго разряда. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, нѣтъ явственной головы, нѣтъ настоящихъ ногъ; слѣдовательно, его нельзя причислить къ отдѣлу животныхъ *членистоногихъ*, хотя все его длинное, мягкое, красное тѣло и состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста колецъ, изъ которыхъ каждое подвижно.

*

Первое кольцо образуетъ верхнюю губу; второе, меньшее, вытянутое хоботкомъ—нижнюю. Настоящихъ ногъ у червя нѣтъ, но по сторонамъ колецъ находятся едва замѣтныя щетинки, сидящія попарно и образующія вдоль тѣла четыре ряда. Съ помощью этихъ щетинокъ передвигается дождевой червь, растягиваясь всѣмъ тѣломъ, чему способствуетъ суставчатое его строеніе. Особыхъ органовъ дыханія у дождевого червя нѣтъ, а воздухъ проникаетъ въ кровь черезъ тонкую кожицу, покрывающую все тѣло его. Изъ кожи червякъ выпускаетъ жидкость, увлажающую его тѣло. Костей у дождевого червя нѣтъ; но желудокъ, въ видѣ черной трубки, тянется, начиная отъ самаго рта, во всю длину животнаго. Черный цвѣтъ этого желудка зависитъ отъ находящейся въ немъ пищи.

Нѣсколько колецъ дождевого червя, увеличенныя.

Дождевой червякъ живетъ, какъ извѣстно, въ землѣ, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходитъ онъ только въ теплую, влажную погоду, и то почью. Если въ такую погоду выйти въ садъ до восхожденія солнца, то можно увидать множество червей; но для этого должно идти очень осторожно, потому что, хотя у червей нѣтъ ни глазъ, ни ушей, зато осязаніе у нихъ очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожаютъ множество червей; садовники истребляютъ ихъ также, а рыбаки ловятъ для того, чтобы насадить на крючокъ. Между тѣмъ дождевые черви приносятъ чрезвычайно большую пользу, перерабатывая почву и образуя черноземъ. Эти черви питаются полусгнившими растеніями; они расщепляютъ гніющіе листья, соломинки и стебельки на мельчайшія волоконца, проглатываютъ ихъ и потомъ выкладываютъ на поверхность земли въ видѣ изверженій. Разсчитано, что въ годъ на одной десятинѣ земли черезъ ихъ тѣло проходитъ болѣе 2000 пудовъ сухой земли, которую они превратили въ жирный черноземъ, столь нужный для произрастанія злаковъ. Можно смѣло сказать, что дождевые черви *пашутъ* землю, и дѣлаютъ это лучше, чѣмъ можетъ это исполнить самый старательный земледѣлецъ. Слѣдовательно, слиш-

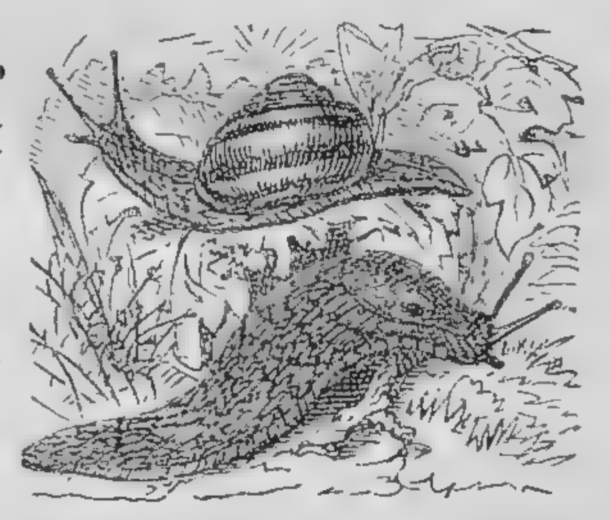
комъ усердное истребленіе дождевыхъ червей вовсе не желательно. Размножаются дождевые черви яичками; изъ яичекъ выползаютъ безъ всякихъ превращеній такіе же червячки, только гораздо меньше, съ меньшимъ числомъ колецъ, которыя появляются потомъ. Замѣчательно еще, что червякъ долго не умираетъ, если его разрѣзать поперекъ.

Примѣчаніе. Къ *отдѣлу* червей принадлежать изъ знакомыхъ намъ животныхъ и полезныя піявки, и вредные глисты; но гусеница, хотя ее и зовутъ часто червякомъ, есть, какъ мы уже знаемъ, только временная форма насѣкомаго.

УЛИТКА.

Въ тѣнистыхъ, сырыхъ садахъ, на валахъ, стѣнахъ и поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Это животное очень замѣчательно. Если вамъ случится найти его, то возьмите его въ руки и разсмотрите поближе.

Прежде всего кидается въ глаза искусно сотроенный изъ извести домикъ улитки: та спиральная раковина, которая держится у нея на спинѣ. Съ одной стороны раковина эта завертывается остріемъ, съ другой—открывается широко; но какъ только мы взяли въ руку раковину, такъ животное и ушло въ нее: вы видите только, что въ срединѣ лежитъ какое-то мягкое, скользкое вещество; но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнетъ ежиться, стараясь спрятаться глубже въ раковину: слѣдовательно, это—животное, оно ощущаетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться. Положите же раковину на землю и, отойдя немного въ сторону, дожидайтесь терпѣливо. Животное успокоится и понемногу станетъ выдвигать изъ раковины сначала головку, мягкую, слизистую, но на которой вы ясно замѣтите четыре такіе же мягкіе отростка или щупальца, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки —глаза животнаго. За головою животное выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое тѣло-

Слизень и улитка въ половину естественной величины.

вище, называемое *ногою;* посредствомъ этой ноги улитка ползетъ по деревьямъ, заборамъ, листьямъ, а въ водѣ присасывается къ камнямъ или къ какимъ-нибудь водянымъ растеніямъ. Самая раковина прикрѣплена къ спинѣ животнаго. Известь, изъ которой выстроена раковина, выдѣляется изъ мѣшка, называемаго *епанчею,* который плотно прилегаетъ внутри къ раковинѣ, и въ который прячется животное. Острый верхній конецъ раковины родится вмѣстѣ съ животнымъ, когда оно выходитъ изъ яичка; потомъ раковина растетъ, по мѣрѣ роста животнаго, и принимаетъ спиральную форму, потому что самое животное, выростая, мало-по-малу подвигается далѣе по спиральной линіи. Трудно было бы понять иначе, какъ такое малоподвижное животное, какъ улитка, выдѣлываетъ такую крѣпкую, искусную раковину.

Въ улиткѣ можно ясно различить только голову и ногу; все животное мягко и способно принимать самыя разнообразныя формы. Вотъ почему улитку причисляютъ къ особому отдѣлу животныхъ *мягкотѣлыхъ.* Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имѣютъ свойство выдѣлять изъ нея известь для своихъ раковинъ. Множество разнообразныхъ раковинъ, которыя мы находимъ на берегахъ рѣкъ, озеръ и морей, не болѣе какъ домики *мягкотѣлыхъ* животныхъ. Иногда эти раковины состоятъ изъ двухъ красивыхъ блюдечекъ, которыя, будучи скрѣплены съ одной стороны, могутъ раскрываться и закрываться. Такія раковины называются двустворчатыми, и въ такихъ раковинахъ живутъ устрицы, которыхъ любители кушаютъ съ большимъ удовольствіемъ; въ подобныхъ же раковинахъ живутъ и тѣ мягкотѣлыя животныя, которыя производятъ драгоцѣнный *жемчугъ.*

КОРАЛЛОВЫЕ ПОЛИПЫ.

Много мы съ вами разсмотрѣли животныхъ, но какого безчисленнаго множества мы еще не знаемъ! Воздухъ, земля и вода наполнены животными. За корой дерева, въ бугоркѣ, образовавшемся на листочкѣ, во внутренностяхъ животныхъ, въ каплѣ болотной воды шевелятся милліоны живыхъ существъ, дотого разнообразныхъ, что

трудно назвать ихъ однимъ именемъ животныхъ; но, между тѣмъ, всѣ они живутъ, чувствуютъ, движутся, питаются, производятъ себѣ подобныхъ и умираютъ. Какое, кажется, безконечное разстояніе между орломъ, свободно рѣющимъ въ воздушныхъ пространствахъ, обезьяною, похожею на человѣка, громаднымъ слономъ и малоподвижною улиткою, которая, присосавшись къ доскѣ, брошенной въ воду, проводитъ почти всю жизнь свою на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ, сама улитка покажется намъ еще очень большимъ и сложнымъ животнымъ, если сравнить ее съ инфузоріей, видной только въ ми-

Коралловый островъ или атолъ.

кроскопъ, и которая вся—одинъ крошечный пузырекъ; или съ полипомъ, который, будучи скорѣе похожъ на какое-то морское растеніе, чѣмъ на животное, выражаетъ всю свою жизнь только тѣмъ, что пошевеливаетъ усиками; или, наконецъ, съ студенистой губкой, остовомъ которой стирается мѣлъ съ доски, и которая есть также животное, очень сходное съ полипомъ.

Самые замѣчательные изъ полиповъ—*коралловые полипы*, живущіе единственно въ моряхъ жаркихъ странъ на небольшой глубинѣ. Эти животныя ростомъ не велики; но такъ какъ ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ страшное множество, и они работаютъ цѣлыми обществами, то производятъ великія дѣла, хотя, конечно, не думая сдѣлать

ихъ. Вся жизнь кораловаго полипа состоитъ въ томъ, что онъ, прильнувъ къ какому-нибудь камню, лежащему не очень глубоко въ морѣ, шевелитъ своими усиками или щупальцами, и такимъ образомъ вгоняетъ себѣ въ ротъ воду съ различными плавающими въ ней веществами. Эти вещества питаютъ полипа, а часть ихъ передѣлывается внутри его въ твердую известковую массу. Само собою разумѣется, что у такого животнаго нѣтъ ни сердца, ни легкихъ, ни глазъ, ни костей, ни мозга; все оно—одинъ желудокъ. Но вотъ известковый кусочекъ коралла все увеличивается внутри животнаго и наконецъ такъ выростаетъ, что животному остается только умереть. Тѣмъ бы все и кончилось; но, во время своей жизни, полипъ даетъ существованіе нѣсколькимъ другимъ полипамъ, которые, не отдѣляясь, но группируясь вокругъ прежняго, какъ вокругъ вѣтки, продолжаютъ жить, какъ жили ихъ родители: хватаютъ усиками пищу, передѣлываютъ ее въ твердый каменистый кораллъ, который основаніемъ соединенъ съ прежнимъ, и умираютъ, давъ жизнь новымъ почкамъ, новымъ полипамъ.—Проходятъ десятки, сотни лѣтъ, миріады полиповъ отживаютъ, другія миріады появляются на ихъ мѣсто, и ихъ известковыми отложеніями, распространяющимися во всѣ стороны, какъ вѣтви, застилается дно моря на нѣсколько верстъ; масса твердыхъ караллова разростается не только въ ширину, но и вверхъ. Морской песокъ и морскія растенія, приносимыя водою, помогаютъ работѣ полиповъ, которая прекращается, когда доходитъ до поверхности моря, потому что коралловые полипы могутъ жить только въ водѣ. Такимъ образомъ, подъ водою образуется весьма опасная мель, о ко-

1) *Красный кораллъ,* изъ котораго дѣлаютъ разныя украшенія, — произведеніе маленькихъ животныхъ— полиповъ, замѣтныхъ на его вѣткахъ. 2) Полипъ, отдѣльно взятый и сильно увеличенный. Около отверстія рта расположены, на подобіе лучей, мягкіе и гибкіе органы для схватыванія маленькихъ существъ, плавающихъ въ водѣ.

торую часто разбиваются корабли, пока мореходцы, наконецъ, узнаютъ ее и означатъ на картѣ, гдѣ она лежитъ. Полипы кончили свою работу, но море и вѣтеръ ее продолжаютъ: море приноситъ песокъ и морскія растенія, сѣмена травъ и деревьевъ, яички различныхъ животныхъ; вѣтеръ приноситъ пыль и съ нею также много зародышей растеній и животныхъ; новый островъ показывается изъ-подъ воды. Птицы прилетаютъ на него; морскіе звѣри выползаютъ подышать воздухомъ; на островѣ появляются травы, деревья; все это растетъ, плодится, отживаетъ, гніетъ, увеличивая черноземный, плодотворный слой земли и усиливая растительное и животное богатство острова. Пройдетъ еще сотня, другая лѣтъ— и новое прекрасное жилище для человѣка готово.

Такъ, ничтожное, почти неподвижное, почти безчувственное животное, работая по волѣ Божіей въ глубинахъ моря, измѣняетъ самый видъ суши и создаетъ новые острова. Коралловые полипы живутъ только въ моряхъ очень теплыхъ странъ, а потому тамъ только появляются коралловые острова. Органы у полиповъ располагаются лучами около рта. Подобное же лучистое строеніе имѣютъ красивыя морскія звѣзды и морскіе ежи.

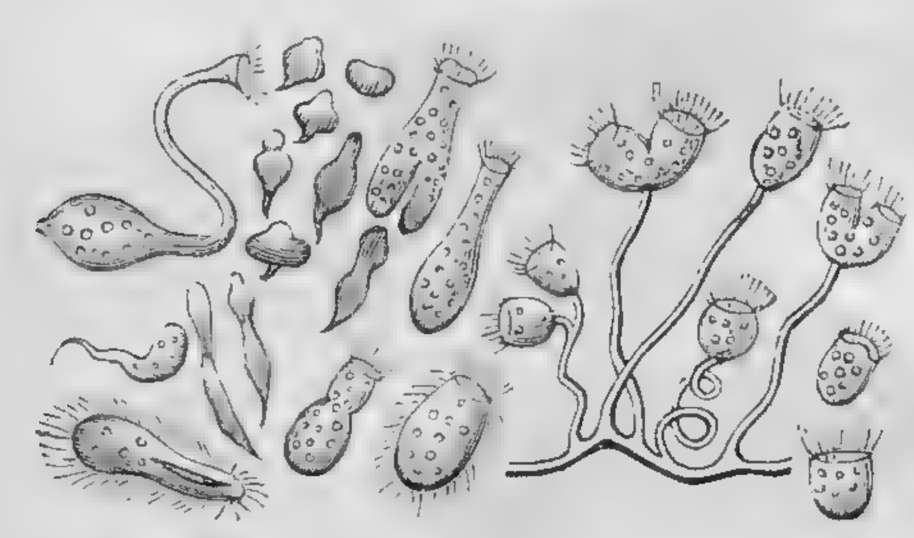

Морская звѣзда въ 1/2 естественной величины.

Губка, о которой мы упомянули въ этой статьѣ, живетъ, какъ и полипъ, въ моряхъ, подъ водою, прицѣпившись къ камню, и ее причислили бы къ воднымъ растеніямъ, если бы не замѣтили, что изъ скважинъ губки періодически выпрыскивается вода, и что это прекращается, когда до нея дотронутся. Поэтому губка имѣетъ нѣкоторое сходство съ коралломъ, а слизь, ее наполняющая,—само животное.

ИНФУЗОРІИ ИЛИ НАЛИВОЧНЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Много, много мы видимъ животныхъ простыми глазами; еще болѣе увидимъ мы, вооружившись микроскопомъ—инструментомъ, въ которомъ увеличительныя стекла сложены такъ, что показываютъ предметъ въ нѣсколько сотъ разъ болѣе его настоящей величины. Животныя, которыхъ можно видѣть только въ микроскопъ, называются животными *микроскопическими*. Такихъ животныхъ находятъ преимущественно въ стоячей водѣ, въ болотахъ и канавахъ; но ихъ можно найти и во всякой водѣ, если она только заключаетъ въ себѣ какія-нибудь органическія вещества и, сверхъ того, была подвергнута дѣйствію солнечныхъ лучей; даже и въ дождевой и соленой морской водѣ могутъ показаться микроскопическія животныя, если такая вода постоитъ нѣкоторое время на солнцѣ.

Инфузоріи.

Этихъ микроскопическихъ животныхъ называютъ также *инфузоріями* или *наливочными* животными, потому что они являются въ водѣ всякій разъ, какъ мы *нальемъ* ее на какія-нибудь животныя или растительныя вещества, напримѣръ, хоть на сѣнную труху, и поставимъ въ тепло. Постоявъ нѣсколько дней, а лѣтомъ, въ жаркое время, нѣсколько часовъ, вода, налитая такимъ образомъ, обыкновенно затянется тонкою плевой, и тогда, если мы возьмемъ одну каплю такой воды и станемъ наблюдать ее въ микроскопъ, то найдемъ въ ней цѣлый міръ безконечно-малыхъ, безконечно-разнообразныхъ живыхъ существъ—инфузорій.

Какою дѣятельностью кипитъ этотъ маленькій міръ! Однѣ изъ инфузорій кружатся по поверхности капли; другія, столпившись въ кучу, грѣются на солнечномъ свѣтѣ; третьи—то мгновенно разсыпаются въ разныя стороны, то гоняются за какой-нибудь чуть-чуть примѣтною частичкою растенія. Стоитъ только чѣмъ-нибудь прикоснуться къ

каплѣ воды—и всѣ эти живыя крошки стремительно опустятся на дно: капля воды для нихъ глубокое море. Какъ онѣ разнообразны по величинѣ своей и внѣшнему виду! Однѣ представляютъ какую-то студенистую полупрозрачную массу, другія совершенно прозрачны; нѣкоторыя покрыты волосками; нѣкоторыя формой своей напоминаютъ раковъ и рыбъ—имѣютъ нѣчто въ родѣ плавниковъ, хвостовъ, ногъ, хоботковъ и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузоріи имѣютъ также различные органы, посредствомъ которыхъ питаются, пожираютъ другъ друга и движутся. Онѣ также одарены нѣкотораго рода чувствительностью: по крайней мѣрѣ, ясно выражаютъ чувство страха и боли. По мѣрѣ того, какъ капля воды, которую мы наблюдаемъ подъ микроскопомъ, высыхаетъ, а лучи солнца въ то же время начинаютъ пригрѣвать инфузорій сильнѣе, онѣ становятся вялыми, ихъ движенія дѣлаются медленнѣе, онѣ начинаютъ дрожать и, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ капля высохнетъ совершенно,—умираютъ. Умирая, нѣкоторыя инфузоріи разлагаются мгновенно, такъ что черезъ нѣсколько секундъ не остается уже ни малѣйшихъ признаковъ ихъ существованія; разложеніе другихъ продолжается долѣе,—нѣсколько дней, даже до недѣли. Почти всѣ инфузоріи и похожія на нихъ животныя имѣютъ свойство при засыханіи воды не умирать, а покрываться скорлупкой и замирать на нѣкоторое время. Если подобныя засохшія инфузоріи попадутъ въ воду, то онѣ снова оживаютъ и начинаютъ шевелиться. Вмѣстѣ съ пылью зародыши инфузорій разносятся повсюду, и этимъ объясняется, что даже въ самой чистой водѣ черезъ нѣкоторое время появляются разныя мелкія животныя, а также растенія.

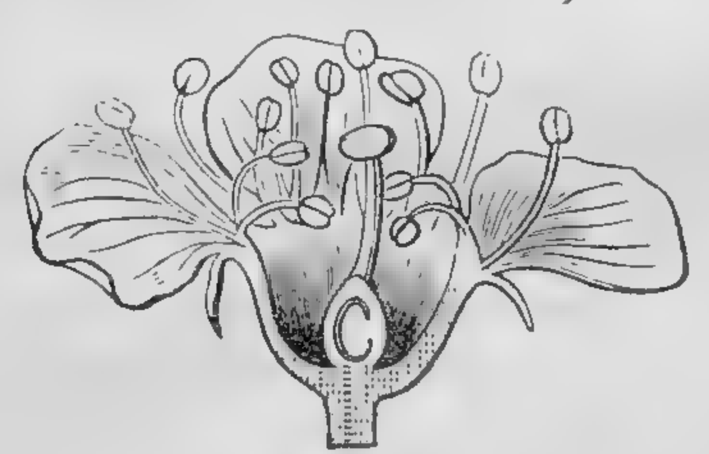
Если подумаемъ, что въ такомъ крошечномъ животномъ, которое мы едва видимъ въ микроскопъ, увеличивающій въ нѣсколько сотъ разъ, есть отдѣльные органы, есть чувство и даже нѣкотораго рода соображеніе, то удивленіе овладѣваетъ умомъ нашимъ, удивленіе и благоговѣніе къ Создателю, который творитъ одинаково свободно и въ безграничныхъ пространствахъ, наполненныхъ громадными мірами,—между которыми земля, гдѣ мы живемъ, далеко не самый большой,—и въ крошечной инфузоріи, которую, увеличивъ даже въ

тысячу разъ, мы едва видимъ. А сколько же есть еще звѣздъ, недоступныхъ самымъ сильнымъ телескопамъ *) нашимъ; сколько есть еще животныхъ, которыхъ мы не можемъ видѣть ни въ какіе микроскопы! Безконечно и безпредѣльно всемогущъ Господь, и безграничной мудрости полны дѣла Его.

Примѣчаніе. Все царство животныхъ мы раздѣлимъ на семь отдѣловъ. 1-й отдѣлъ—животныя *позвоночныя;* ихъ мы дѣлили на *классы* (какіе?), классы на *отряды,* отряды на *семейства.* 2-й отдѣлъ—животныя *членистоногія;* изъ этого отдѣла мы узнали жука, бабочку, муху, паука и рака. Изъ 3-го отдѣла—*червей*—мы знаемъ дождевого червя, піявку и глистовъ. Въ 4-мъ отдѣлѣ, *мягкотѣлыхъ,* знаемъ улитку, жемчужницу и устрицу. Къ 5-му отдѣлу, *иглокожихъ,* относится морская звѣзда. Изъ 6-го отдѣла, *безкишечныхъ,* мы знаемъ полиповъ, а изъ 7-го отдѣла, *простѣйшихъ,* мы прочитали объ инфузоріяхъ.

ВИШНЯ.

Вишневое дерево у насъ на сѣверѣ не велико, но на югѣ бываетъ такъ же толсто и высоко, какъ у насъ яблоня. Кора на молодой вишнѣ красивая, гладкая, темно-коричневая, листочки заострены къ концу, по краешкамъ зубчаты, глянцовиты и прекраснаго зеленаго цвѣта. Но мы обратимъ особенное вниманіе на цвѣты вишни, которыми она одѣвается въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Вишневый цвѣтокъ въ разрѣзѣ.

Сорвемъ одинъ изъ вишневыхъ цвѣтковъ и разсмотримъ его хорошенько. Какой это сложный органъ и какъ разнообразны его части! Снизу видна цвѣточная *ножка,* которою цвѣточекъ прикрѣпляется къ вѣткѣ. Это то же, что черешокъ у листа, но подлиннѣе и кверху потолще. Эту толстую часть ножки называютъ *цвѣтоложемъ,* потому что на немъ помѣщаются всѣ остальныя части цвѣтка. Снаружи видимъ мы на цвѣтоложѣ пять зеленыхъ листочковъ; всѣ эти листочки вмѣстѣ называются *чашечкой цвѣтка,* а отдѣльно

*) Телескопъ—приборъ для наблюденія небесныхъ тѣлъ.

чашелистиками. Въ серединѣ зеленой чашечки мы видимъ еще пять листочковъ, только уже не зеленыхъ, а бѣлыхъ, съ розовымъ отливомъ. Эти красивенькіе листочки называются *лепестками,* а всѣ лепестки вмѣстѣ *вѣнчикомъ.* Цвѣточный вѣнчикъ—самая красивая часть во многихъ растеніяхъ, и ею-то любуемся мы. Но чашечка и вѣнчикъ еще не самыя главныя части цвѣтка. Это только теплая, красивая и иногда душистая одежда другихъ, болѣе важныхъ частей цвѣтка: *тычинокъ* и *плодничка.* Вотъ эти маленькія ниточки съ мѣшочками наверху называются тычинками. Мѣшочки, или *пыльники* тычинокъ, наполнены желтою *цвѣточною пылью,* или *цвѣтенью.* Оборвемъ всѣ лепестки и тычинки, чтобы намъ удобнѣе было разсмотрѣть самую середину цвѣтка. Тогда остается передъ нами одинъ только *плодникъ.* Онъ похожъ на зеленый кувшинчикъ съ длиннымъ тонкимъ горлышкомъ, которое наверху расширяется. Каждая изъ трехъ частей плодника имѣетъ свое названіе: нижняя, толстенькая часть, называется *завязью;* длинное горлышко—*столбикомъ,* а наверху столбика—*рыльце.*

КАКЪ ИЗЪ ВИШНЕВАГО ЦВѢТКА ДѢЛАЕТСЯ ВИШНЯ.

Мы видѣли уже, какой сложный органъ вишневый цвѣтокъ и какъ много въ немъ различныхъ частей. Но и дѣло цвѣтку предстоитъ не малое: онъ долженъ образовать сочную, вкусную вишню, внутри вишни—твердую косточку, а въ твердой косточкѣ—душистое зернышко, изъ котораго могло бы вырасти современемъ новое вишневое дерево. Посмотримъ же, какъ выполнитъ эту работу вишневый цвѣтокъ.

Цвѣтокъ развертывается весною изъ почки точно такъ же, какъ и листъ. Когда цвѣтокъ совершенно развернется, а плодничекъ и тычинки созрѣютъ, тогда изъ пыльниковъ, что сидятъ наверху тычинковыхъ нитей, начинаетъ высыпаться желтая *цвѣточная пыль.* Много этой пыли разлетается по воздуху; но довольно, чтобы одна пылинка упала на рыльце плодничка и завязла въ липкомъ сокѣ, которымъ покрыто рыльце. И вотъ пылинка, питаясь этимъ сокомъ, начинаетъ расти, вытягивается въ тончайшую ниточку, которая про-

никаетъ въ столбикъ плодника, а черезъ столбикъ—въ самую средину завязи. Тамъ, въ срединѣ завязи, ниточка находитъ крошечную *сѣмянную почку* и прилипаетъ къ ней своимъ концомъ. Вотъ и готовъ зародышъ будущаго зерна вишни! Цвѣтокъ окончилъ свое дѣло: бѣлые лепестки его и зеленая чашечка осыпаются; тычинки, рыльце и даже столбикъ плодничка вянутъ и опадаютъ. На цвѣточной ножкѣ остается только нижняя часть плодничка, или завязь, съ дорогимъ зародышемъ зернышка внутри. Завязь растетъ, измѣняется въ формѣ и цвѣтѣ, и наконецъ превращается въ мясистую, сочную вишню съ твердой, бѣлой косточкой внутри, а въ ней-то и лежитъ душистое горькое зернышко. Зеленая, твердая сначала вишня сдѣлалась мягкою и красною: вотъ она и готова!

У многихъ другихъ растеній цвѣтокъ похожъ на вишневый; но цвѣтокъ каждаго растенія имѣетъ и свои особенности. У иныхъ растеній въ цвѣткѣ не одинъ плодничекъ, какъ у вишни, а нѣсколько, и въ каждомъ плодничкѣ созрѣваетъ по нѣскольку сѣмянъ. Такъ, наприм., у мака стѣнки плодника превращаются въ большую маковую головку, закрытую сверху крышечкой, похожей на звѣзду. Внутри маковая головка перегорожена тонкими стѣнками на нѣсколько отдѣленій, и въ каждомъ отдѣленіи не одно, а множество мелкихъ маковыхъ зернышекъ. Когда головка созрѣетъ, пожелтѣетъ и высохнетъ, тогда зернышки легко изъ нея высыпаются черезъ дырочки, находящіяся подъ крышкой.

У орѣха стѣнки плодника превращаются въ твердую шелуху, которую надобно раскусить, чтобы добраться до зерна. Если орѣхъ самъ вывалится изъ зеленой чашечки, въ которой онъ сидитъ, упадетъ на влажную землю и пролежитъ подъ снѣгомъ до весны, то твердая шелуха на немъ лопнетъ сама собою, и бѣлое зернышко проглянетъ на свѣтъ Божій: пуститъ корешокъ книзу, а два зародышевые листочка выгонитъ кверху. Не случалось ли вамъ найти такой проросшій орѣхъ?

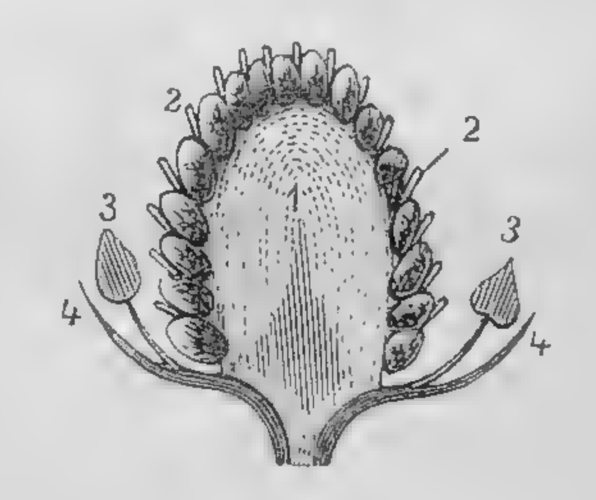
У яблони плодничекъ сидитъ прямо на цвѣточной ножкѣ; въ завязи его пять отдѣленій и въ каждомъ по двѣ сѣмянныя почки, которыя потомъ, когда до нихъ дотронутся ниточки цвѣточныхъ пы-

линокъ, превратятся въ яблочныя сѣмячки. Отъ завязи идутъ кверху пять столбиковъ, каждый съ рыльцемъ на вершинѣ, а вокругъ нихъ сидятъ 20 тычинокъ, потомъ 5 лепестковъ, и наконецъ 5 чашелистиковъ. Всѣ эти части цвѣтка сидятъ на завязи. Разрѣзавъ яблоко пополамъ, мы ясно увидимъ въ немъ пять отдѣленій; а въ каждомъ отдѣленіи увидимъ два зернышка, которыя темнаго цвѣта, если яблоко созрѣло. Вкусная мякоть яблока образовалась изъ цвѣточнаго ложа, которое становится мясистымъ.

Такъ безчисленное множество растеній приготовляютъ каждое лѣто множество различныхъ плодовъ: одно готовитъ сочное яблоко, другое — вкусную вишню, третье — красивый желудь, четвертое — сладкую ягоду, и такъ далѣе.

ЗЕМЛЯНИКА.

Земляника такъ заманчиво, такъ весело блеститъ въ зеленой травѣ, сначала бѣленькимъ цвѣточкомъ, а потомъ краснымъ плодомъ, что не мѣшало бы намъ знать, какъ она растетъ, и изъ чего это выходитъ у нея такой вкусный, душистый плодъ.

Плодъ земляники въ разрѣзѣ *).

Цвѣточекъ земляники не очень пышенъ и красивъ; но сорвемъ его, разсмотримъ поближе, и онъ научитъ насъ многому. Разрѣзавъ вдоль цвѣтокъ и цвѣточную ножку, на которой онъ держится, мы замѣтимъ, что цвѣточная ножка покрыта снаружи маленькими волосками, а внутри она мясиста. Наверху ножки внутренняя мясистая часть выставляется выпуклой подушечкой, которая и служитъ *цвѣтоложемъ* для плодничковъ земляники. Вокругъ цвѣтоложа сидятъ тычинки, лепестки, а подъ ними—чашелистики. Чашечка земляничнаго цвѣтка состоитъ изъ пяти широкихъ, заостренныхъ чашелистиковъ, а снизу, въ промежуткахъ между ними, еще пять зеленыхъ, узкихъ

---

*) *Вертикальный разрѣзъ плода земляники:* 1) мягкое и сочное цвѣточное ложе; 2) отдѣльные плоднички, на немъ расположенные; 3) тычинки, прикрѣпленныя у основанія чашечки; 4) чашелистики.

листочковъ, которые называются *подчашіемъ*. Листочки чашечки до половины срослись между собою краями. Пять широкихъ, бѣлыхъ лепестковъ имѣютъ почти круглую форму. Въ серединѣ цвѣтка, какъ уже сказано, на сильно выпукломъ цвѣтоложѣ, сидитъ множество плодничковъ, и вокругъ нихъ болѣе 20-ти тычинокъ. Однѣ изъ этихъ тычинокъ побольше, другія поменьше. Когда цвѣтень упадетъ на рыльца плодничковъ, тогда цвѣтоложе начинаетъ быстро расти вверхъ и въ стороны, и скоро превращается въ сочный, вкусный плодъ. Бѣлые лепестки опадаютъ, тычинки также; столбики засыхаютъ. Остаются завязи, обратившіяся въ зерновочки, которыя мы и съѣдаемъ вмѣстѣ съ ложемъ, отдѣляя его отъ чашечки, которую бросаемъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣ твердые, маленькіе, черноватые бугорки, которыми усѣянъ плодъ земляники, неправильно называемый ягодою, не что иное, какъ зерновочки съ сѣменами внутри; а самая мякоть есть развившееся цвѣтоложе земляничнаго цвѣтка. Кушая малину, вы легко замѣтите, что она совсѣмъ не такъ устроена, какъ земляника: въ малинѣ вы кушаете одни плоды, а цвѣтоложе, на которомъ сидятъ эти плоды, бросаете вмѣстѣ съ чашечкой.

Сладкая винная ягода, или фига, растущая въ теплыхъ краяхъ на фиговыхъ деревьяхъ, также образуется изъ мясистаго ложа. Но цвѣточное ложе у земляники выпукло, у фиги же оно вогнуто; цвѣты фиги, которыхъ у нея на одномъ ложѣ множество, распускаются и цвѣтутъ въ полости ложа, отчего ихъ снаружи и не видно. Кушая мягкое, сладкое ложе фиги, мы съѣдаемъ вмѣстѣ съ нимъ и плоднички, т. е. зернышки, и остатки другихъ частей цвѣтковъ.

Листья земляники идутъ частью отъ главнаго стебля у самой земли, частью же сидятъ по длинѣ стебля. Они сложные, т. е. состоятъ изъ трехъ листочковъ, соединенныхъ на одномъ черешкѣ; сверху листья ярко-зеленаго цвѣта, а снизу покрыты серебристыми, пушистыми волосками. Отъ стебля земляники у самой земли идутъ длинные молодые побѣги—*плети*, которые пускаютъ изъ своихъ вершинъ корешки въ землю и даютъ новые кустики земляники. Легко замѣтить, что цвѣты и плоды клубники, разводимой въ садахъ и огородахъ, совсѣмъ похожи на землянику.

БЕРЕЗКА И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

У каждаго дерева есть своя особая физіономія. Толстый, коренастый дубъ, съ твердыми сучьями, на которыхъ даже сильный вѣтеръ шевелитъ только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго богатыря, смѣло и упорно подставляющаго невзгодамъ свою могучую грудь; отъ сосны и елки, отъ ихъ неумирающей на зиму, колючей, темной зелени вѣетъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣтахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ,—богатая хлѣбосольная хозяйка; дуплистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только осенью, когда холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣй и привѣтливѣй, милѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой корой; ея яркая, кудрявая зелень весною первая радуетъ наши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чѣмъ-нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой, въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умывшись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышетъ свѣжестью, чистотою и весельемъ.

Листья березы мелкіе, яйцевидные, заостренные вверху, съ зазубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только-что развернутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и

липнутъ къ рукамъ. Кромѣ листьевъ, вы, вѣроятно, замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошенькія длинныя *сережки:* это цвѣты березы. Такихъ сережекъ на каждой березѣ два сорта: въ тѣхъ сережкахъ, которыя подлиннѣе и красноватаго цвѣта, находятся тычинки, и въ нихъ приготовляется плодотворная пыль; въ другихъ, которыя покороче и зеленаго цвѣта, находится масса плодничковъ, готовыхъ подхватить эту пыль.

Цвѣты березы: a) плодниковая сережка, *b)* тычинковыя сережки, 2) тычинковые цвѣтки, 3) плодниковые цвѣтки, 4) спѣлая плодниковая сережка.

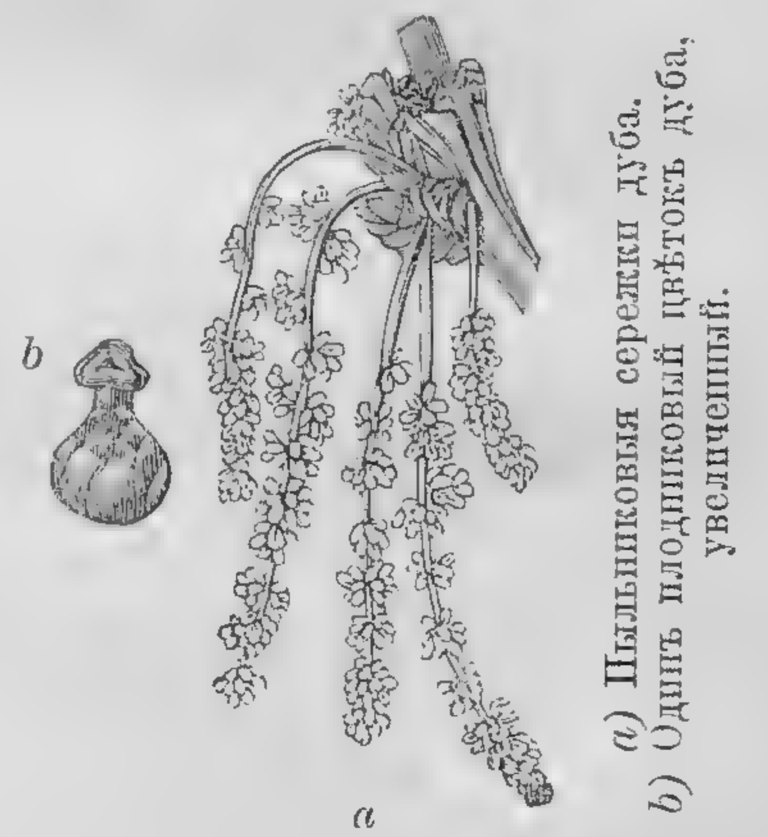
Мы знаемъ, что у яблони, вишни и земляники, точно такъ же, какъ и у множества другихъ растеній, плоднички и тычинки сидятъ въ одномъ цвѣткѣ; у березы, напротивъ, они находятся въ различныхъ цвѣткахъ, хотя на одномъ и томъ же деревѣ.

Сережка, какъ и листья, подготовляются березою еще съ осени и начинаютъ распускаться весною, одновременно съ листьями. При малѣйшемъ вѣтрѣ, изъ вызрѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная для глаза цвѣточная пыль. Безчисленное множество этихъ пылинокъ слетитъ съ березы на землю, но много ихъ попадаетъ и на липкіе плоднички.

Получивъ цвѣточную пылинку, плодничекъ начинаетъ приготовлять сѣмячко, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждаго дозрѣвшаго сѣмени березы есть два *крылышка,* и каждое крылышко гораздо больше самого сѣмени. Осенью, когда сѣмена подозрѣютъ и выпадутъ изъ сережки, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны. Безчисленные милліоны этихъ сѣмянъ, падая на воду, на песокъ, погибаютъ; но многія найдутъ себѣ удобную почву и прорастутъ. Впрочемъ, сѣмя березы самое неприхотли-

вое въ выборѣ мѣста: оно можетъ прорасти и на крышѣ стараго дома, и на вершинѣ старинной колокольни, куда нанесло нѣсколько горстей пыли, и на любомъ островкѣ, и на вершинѣ скалистой горы. Береза по преимуществу сѣверная красавица и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ даже на сибирскихъ тундрахъ, невдалекѣ отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ выносить мертвящей стужи; березка, правда, гнется, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ, кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройки береза не употребляется, такъ какъ дерево ея въ сырости легко гніетъ, но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы; это потому, что въ корѣ березы, или берестѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго смолистаго вещества. Изъ березы гонятъ деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землю, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землею береста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу—деготь.

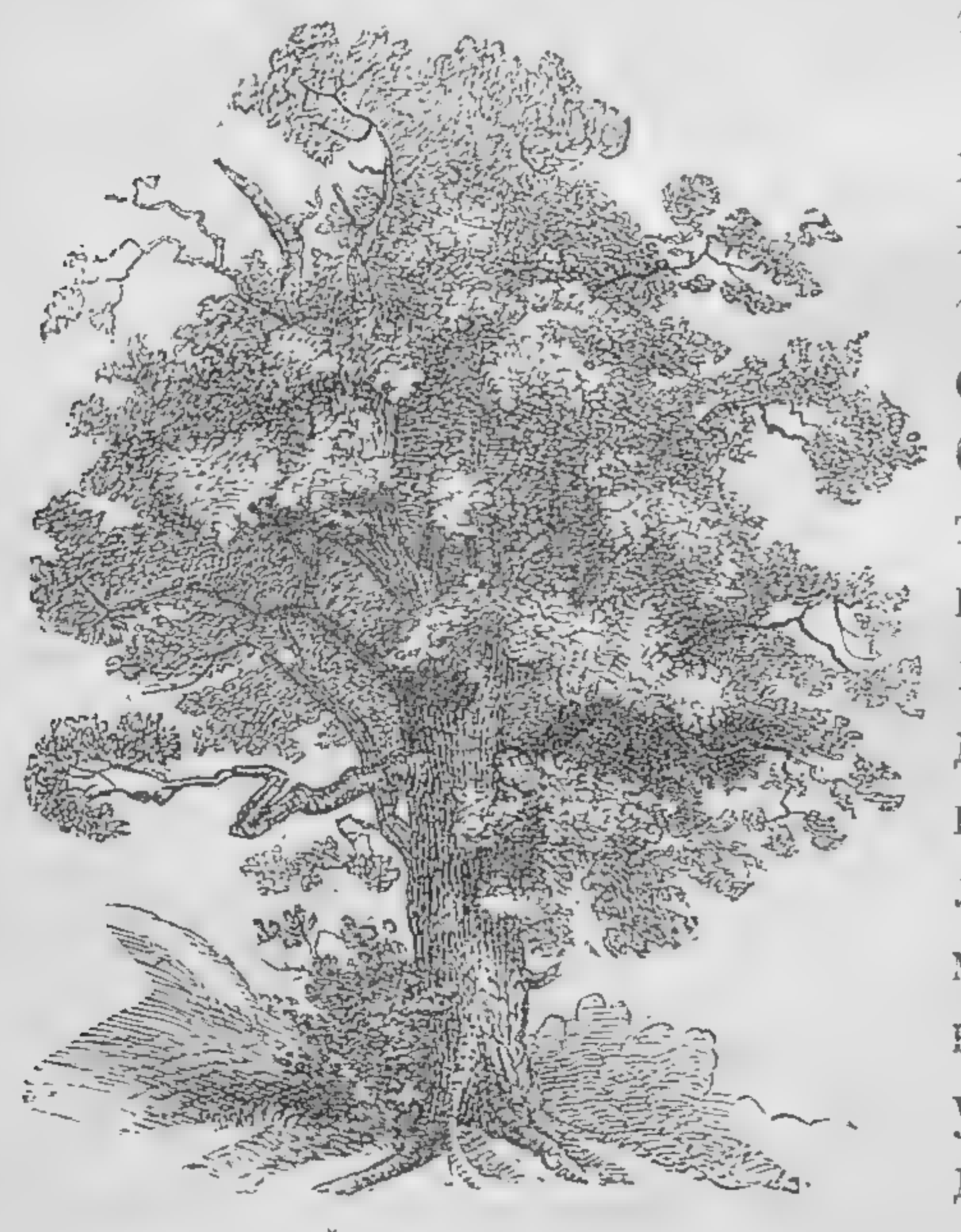

a) Пыльниковыя сережки дуба.
b) Одинъ плодниковый цвѣтокъ дуба, увеличенный.

Берестою же, такъ какъ она, по обилію смолы, очень трудно гніетъ, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодыя липкія почки и душистые листья настаиваютъ въ спиртѣ, и приготовляютъ изъ нихъ такимъ образомъ лѣкарство. Стволъ березы часто кривъ, сучковатъ и мало годенъ для построекъ, но древесина ея бѣла, крѣпка, и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлаютъ иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается, такъ называемая, *корельская* береза, которая, по красотѣ и очень прихотливой неправильности древесныхъ слоевъ, цѣнится дорого столярами и токарями.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые лучами солнца, бѣгутъ вверхъ, кору березы пробуравливаютъ и вставляютъ въ дырочку желобъ, по которому течетъ изъ дерева сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губятъ много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши.

Различаютъ нѣсколько видовъ березъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ два: одну кудрявую, веселую, *обыкновенную* березу, и другую, которая, подобно плакучей ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя космы, точно роняетъ слезы; такая грустная березка называется *плакучею.*

По способу расположенія цвѣтовъ береза причисляется къ обширному отряду *сережчатыхъ* растеній. Къ этому отряду принадлежатъ, кромѣ березы, осина, ольха, ива, тополь, орѣшникъ, платанъ или чинаръ, растущій только въ тепломъ климатѣ, и также дубъ; хотя плоды дуба называются желудями, а равно листья его вовсе не напоминаютъ березы, но намъ нѣтъ нужды вдаваться въ ученыя тонкости: для насъ достаточно того, что у дуба, какъ и у всѣхъ перечисленныхъ деревъ и кустарниковъ, цвѣты собраны въ сережки.

Ива, о которой мы будемъ еще говорить, представляетъ, въ свою очередь, множество видовъ: верба, лоза, ветла и даже кустарникъ, называемый у насъ тальникомъ, суть виды одного рода ивъ.

Твердое дерево дуба цѣнится дорого и употребляется для подѣлокъ, требующихъ особенной крѣпости. Желуди дуба—любимая пища свиней. На листьяхъ дубовъ образуются часто круглые чернильные

орѣшки. Орѣшки эти происходятъ отъ того, что одно перепончатокрылое насѣкомое, называемое *орѣхотворкою*, проткнувши кожицу дубоваго листка, кладетъ подъ нее свои яички. Чернильные орѣхи, слѣдовательно, не плоды дерева, а болѣзненные наросты на его пораненыхъ листьяхъ.

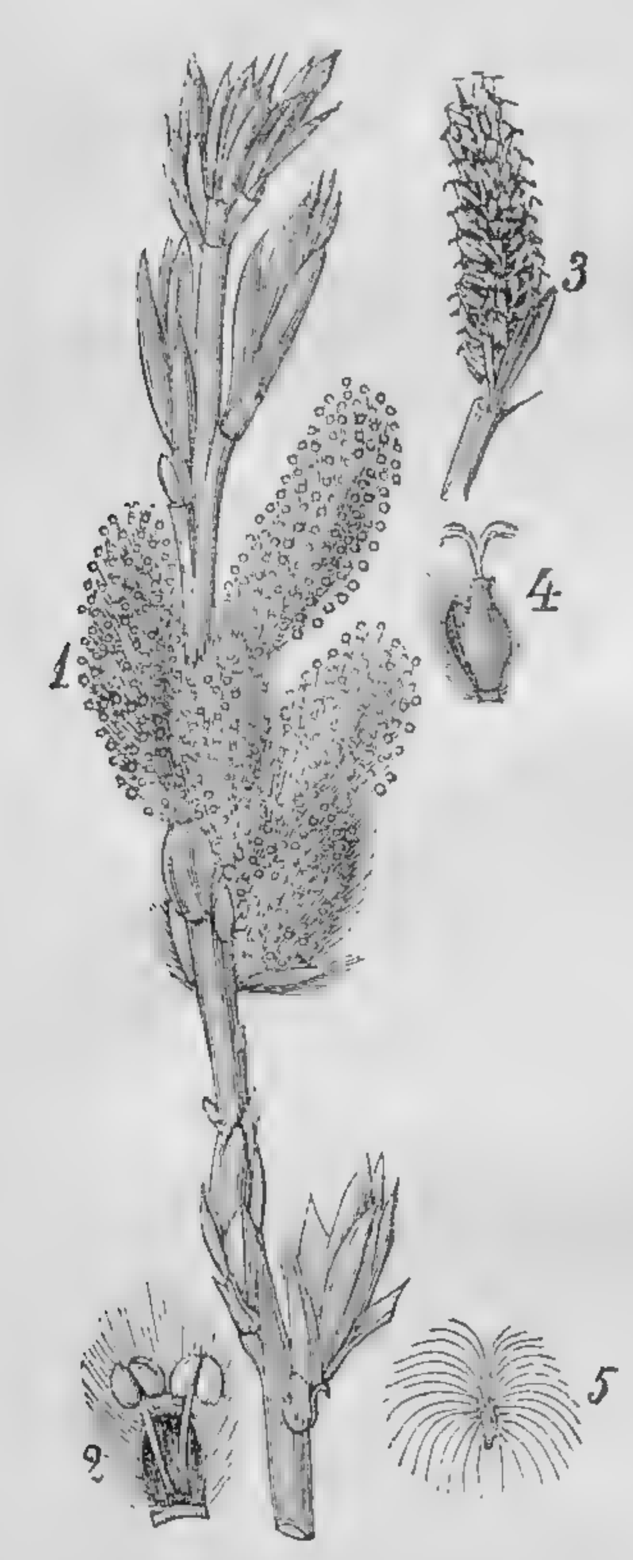
И между стройными *тополями* различаютъ нѣсколько видовъ: серебристый тополь, у котораго нижняя сторона листа блеститъ, какъ серебро; пирамидальный, вытягивающійся кверху стройною, зеленою пирамидою; душистый и другіе—все это виды одного рода.

ИВА.

На противоположныхъ берегахъ безъ умолку журчащаго ручья стоятъ двѣ ивы съ красноватыми гибкими вѣтвями. Обѣ онѣ выросли изъ двухъ родныхъ сѣмячекъ, которыя когда-то сидѣли рядышкомъ въ цвѣткѣ старой ивы. Когда эти сѣмена еще спали въ своей теплой колыбелькѣ, сильный порывъ вѣтра выхватилъ ихъ оттуда и забросилъ одно сѣмячко—по эту сторону ручья, а другое—по ту. Они попали въ мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-по-малу, сдѣлались сами большими деревьями. Не однѣ онѣ были здѣсь: вокругъ нихъ выросли и другія деревья, и двумъ роднымъ ивамъ, двумъ сестрамъ, нельзя было взглянуть другъ на друга; вотъ почему онѣ опустили свои вѣтки и шелестятъ такъ грустно своими плачущими листочками; вотъ почему и люди считаютъ иву за печальное дерево, часто садятъ ее на могилахъ усопшихъ друзей своихъ и называютъ ее плакучею. Въ самомъ дѣлѣ, съ вѣтвей ивы скатываются, точно слезы, свѣтлыя капельки; но эти капельки приготовляетъ не ива, а живущія на ивѣ насѣкомыя.

Однакожъ, и плакучая ива имѣетъ свои веселые дни. Ранною весною, когда другія деревья и кустарники еще спятъ, почки ивы начинаютъ уже пробуждаться. Завернутыя на зиму въ коричневыя чешуйки, спятъ онѣ до тѣхъ поръ на вѣтвяхъ; но едва повѣетъ теплотой весны,—онѣ раскрываютъ ставни своей темницы и выступаютъ оттуда бѣлыми и мягкими, какъ шелкъ, барашками. Барашки—цвѣты ивы; но эти цвѣты на обѣихъ ивахъ различны. На одной ивѣ барашки

желтоватаго цвѣта, и множество *пыльниковъ* выглядываетъ у нихъ изъ-за чешуекъ, а въ этихъ пыльникахъ вызрѣваетъ золотистая пыль. Медомъ пахнутъ эти барашки, и пчелки толпою спѣшатъ къ нимъ запастись душистою пищею. «Хорошо», говорятъ пчеламъ эти барашки: «берите себѣ медъ, Господь съ вами! но за то сослужите намъ службу: тамъ, за ручьемъ, растетъ родная наша ива, слетайте къ ней, скажите ей отъ насъ—здравствуй! и снесите ей въ подарокъ, сколько можете, нашей золотой пыли». Пчелкамъ такая услуга нипочемъ; поработавши хлопотливо на ивовыхъ барашкахъ, онѣ и такъ всѣ перепачкаютъ свое мохнатое платье золотистою пылью, и имъ только стоитъ полетѣть къ другой ивѣ, чтобы отнести подарокъ. На другой ивѣ барашки нѣжнѣе и зеленѣе, но также пахнутъ медомъ и манятъ къ себѣ пчелокъ. Но изъ-за каждой чешуйки выглядываютъ уже *не пыльники*, а по *плодничку* съ двумя рыльцами, которые жадно ожидаютъ подарка родной своей сестры. Пчелки принесутъ этотъ подарокъ и вѣрно передадутъ его, кому онъ посланъ; а въ награду за посольство и здѣсь получатъ медъ. Съ радостью принимаютъ плодниковые цвѣточки подарки родной сестры и образуютъ съ помощью пылинокъ свои маленькія зернышки. Осенью налетитъ вѣтеръ, разнесетъ зерна, и хотя многія тысячи ихъ погибнутъ, но ихъ такъ много, что какое-нибудь непремѣнно упадетъ на плодородную землю и сдѣлается современемъ ивой. Такъ, благодаря пчелкамъ, пересылаетъ одна ива другой благотворный подарокъ.

Ива. 1) Тычинковыя сережки. 2) Отдѣльный тычинковый цвѣтокъ. 3) Плодниковая сережка. 4) Плодниковый цвѣтокъ. 5) Сѣмя ивы.

На яблонѣ и вишнѣ тычинки и плоднички въ одномъ и томъ же цвѣткѣ; на березѣ—въ двухъ различныхъ цвѣткахъ, но на одномъ и томъ же деревѣ; на ивѣ и тополѣ—на двухъ разныхъ деревьяхъ: на одномъ—цвѣтки съ плодничками, на другомъ—съ тычинками. Ива, слѣдовательно, живетъ на два дома, и ее зовутъ *двудомнымъ* растеніемъ; береза растеніе *однодомное*.

Къ двудомнымъ растеніямъ принадлежитъ и обитательница жаркихъ странъ, *финиковая пальма,* у которой, кромѣ такого же расположенія цвѣтовъ на двухъ деревьяхъ, нѣтъ ничего общаго съ нашей ивой. На одной пальмѣ—плоднички, на другой—тычинки; финики не вырастутъ на первой пальмѣ, и плоднички ея засохнутъ, не давъ плода, если услужливый вѣтеръ не принесетъ цвѣточной пыли отъ родной сестры, растущей иногда гдѣ-нибудь далеко, за сотни верстъ.

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Всѣ наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-востокѣ Россіи—также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья, тотъ, вѣроятно, и самъ подумалъ, что всѣ они сродни другъ другу. Высокій, стройный стволъ, смолистая кора и древесина, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся почти у всѣхъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, соединяютъ всѣ эти деревья въ одно семейство и въ то же время отличаютъ ихъ отъ прочихъ деревьевъ. Такія деревья называются *хвойными,* потому что острые, какъ иглы, листочки ихъ называются *хвоями.* Русскій народъ любитъ свои родные хвойные лѣса и называетъ ихъ *красными,* т. е. прекрасными, въ отличіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревъ, на зиму теряютъ свою листву и остаются черными, почему ихъ и называютъ *чернымъ лѣсомъ,* или просто *чернолѣсьемъ.* Хвойные лѣса въ прежнія времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную полосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія количество лѣсовъ очень уменьшилось. Впрочемъ, и теперь еще въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные лѣса на многія сотни верстъ. На самомъ сѣверѣ,

въ климатѣ самомъ холодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

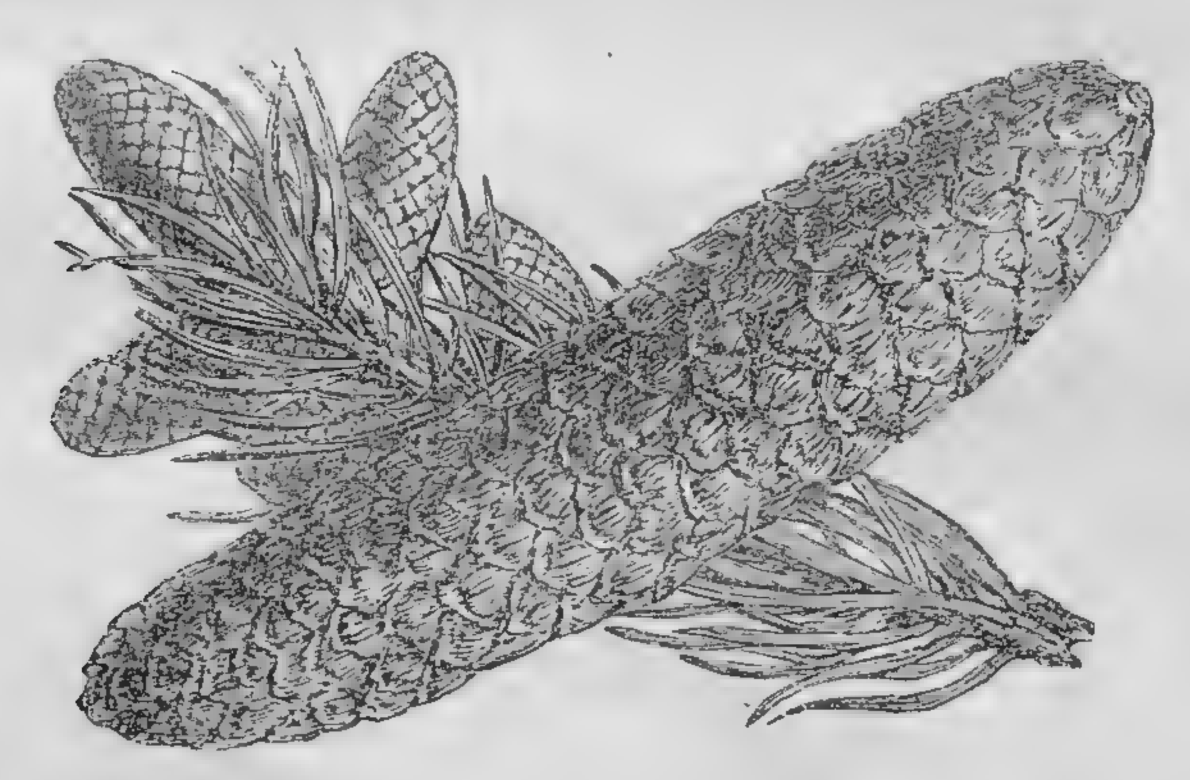
Хвойные лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему огромныя и крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще лакомство — кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ

деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ идти на постройку корабельныхъ мачтъ, называются *мачтовыми* и цѣнятся дорого.

Въ нашихъ лѣсахъ часто *ель* и *сосна* стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно: она гораздо пышнѣе сосны. Это зависитъ отъ того, что у ели между главными вѣтками вырастаетъ еще множество мелкихъ вѣточекъ, на которыхъ гораздо больше зеленыхъ иглъ, чѣмъ на главныхъ. Кромѣ того, иглы или листики на ели короче и расположены *поодиночкѣ*, а на соснѣ *всегда по два листочка разомъ;* основанія каждыхъ двухъ листковъ обняты бѣловатою пленочкою.

Если ель растетъ въ тѣснотѣ, между другими деревьями, то нижніе сучья ея опадаютъ; если же на свободѣ, какъ напр. въ садахъ, то длинные, нѣсколько обвисшіе книзу сучья ели начинаются у самой земли и идутъ пирамидою кверху. У сосны нижніе сучья всегда усыхаютъ, а верхніе часто располагаются зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на старыхъ сучьяхъ этотъ оттѣнокъ усиливается. По свойству древесины сосна и ель сильно различаются. Древесина сосны смолиста и потому весьма прочна. Благодаря этому, сосна предпочтительно передъ другими хвойными деревьями употребляется на бревна и брусья для построекъ, на мачты и распиливается на доски. Изъ сосны дѣлаютъ ушаты,

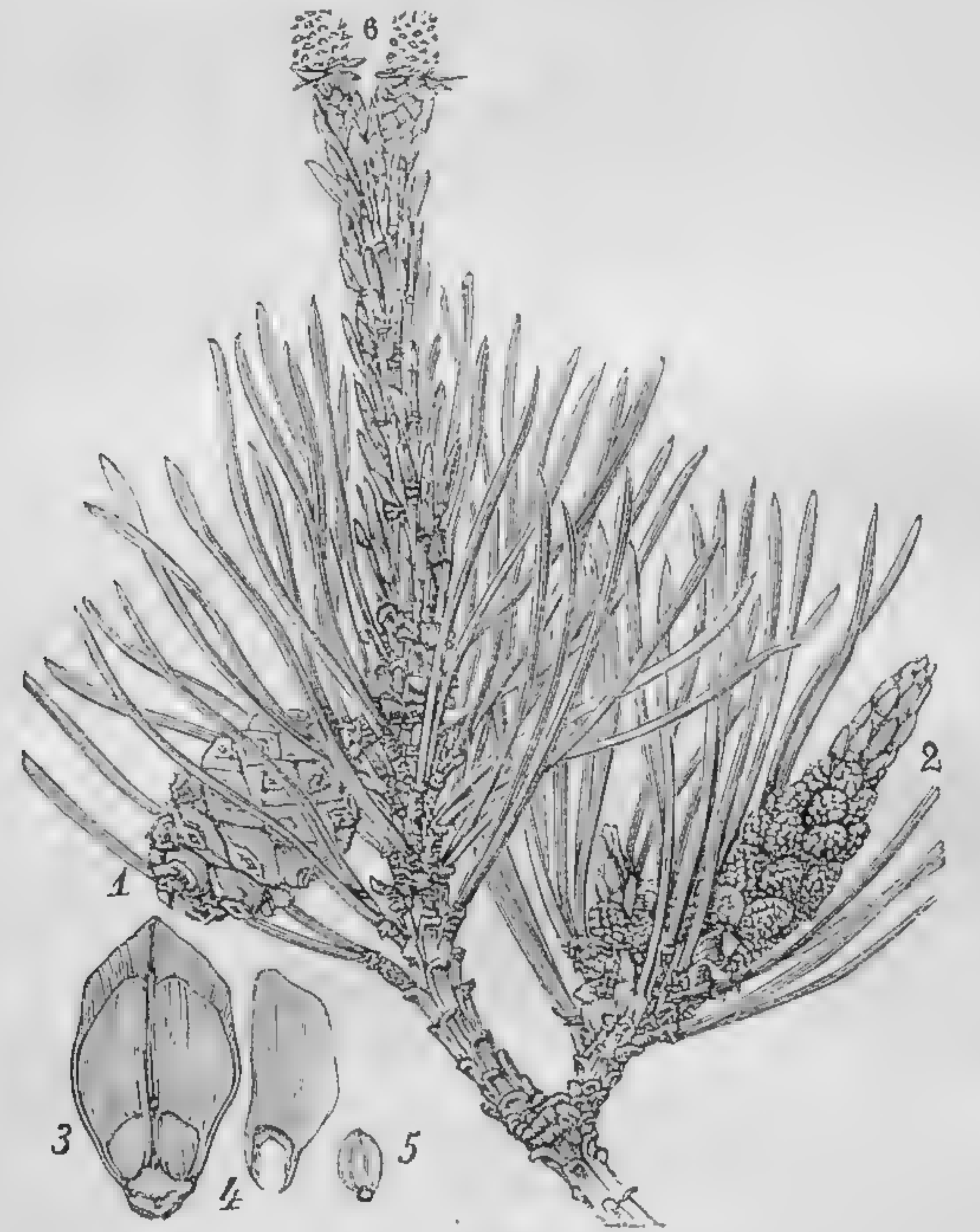

Еловыя шишки: плодниковая и тычинковыя.

ведра, кадки, лучину для корзинъ, а также дерево ея идетъ на дрова и уголь, и изъ него гонятъ смолу. Еловая древесина менѣе смолиста и не столь прочна, какъ сосновая. Она также идетъ на постройки, но доски изъ нея хуже сосновыхъ, и еловыя дрова цѣнятся не высоко. Изъ еловой смолы дѣлаютъ канифоль. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную; ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двѣнадцати и болѣе саженъ, а въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ *діаметрѣ*.

Цвѣты сосны и ели заключаются въ шишкахъ, изъ которыхъ

однѣ—тычинковыя, другія—плодниковыя. Тычинковыя шишки сосны желтаго цвѣта, а у ели онѣ красныя; какъ тѣ, такъ и другія состоятъ изъ нѣжныхъ чешуекъ, за которыми сидятъ тычинки. Плодниковыя шишки у нихъ состоятъ также изъ чешуекъ, и подъ каждой сидятъ по двѣ сѣмяночки. Во время оплодотворенія пыль падаетъ за чешуйки; тогда чешуйки закрываются, и почти подъ каждой начинаетъ вызрѣвать пара твердыхъ сѣмянъ, которыя лежатъ открытыя, *голыя*, а не скрыты въ завязи, какъ сѣмена клена, яблони и другія. Плодниковыя или сѣмянныя шишки на ели вызрѣваютъ въ продолженіе года, на соснѣ — въ продолженіе 18-ти мѣсяцевъ. Когда шишка созрѣетъ, то она раскрывается, изъ-за чешуекъ ея выпадаютъ сѣмена съ длинными крылышками.

Сосна. 1) Сѣмянная шишка. 2) Тычинковые цвѣты. 3) Крылатыя сѣмена сосны. 4) Крыло отдѣльно. 5) Сѣмя отдѣльно. 6) Плодниковые цвѣты.

Иглы свои и ель и сосна мѣняютъ точно такъ же, какъ и лиственныя деревья мѣняютъ листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество красноватыхъ, отжившихъ уже и опавшихъ иголъ. Но тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, слѣдовательно держатся на деревьяхъ только лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ теплое время года, хвои держатся на вѣтвяхъ по нѣскольку лѣтъ: у сосны напр. два года, а у ели семь лѣтъ. Поэтому новыя хвои весной

появляются, а старыя еще держатся на вѣткахъ. Вотъ почему оба эти дерева круглый годъ зелены.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не попарно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются у него вкусныя сѣмена, которыя мы называемъ орѣхами. *Лиственница* — самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягки, ярко зеленаго цвѣта, сидятъ пучками и на зиму опадаютъ; потому, быть можетъ, народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы, что она теряетъ зимою свои хвои, какъ лиственное дерево теряетъ листья. По своему пирамидальному виду лиственница походитъ на ель; древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и крѣпче даже, чѣмъ у сосны. Въ водѣ лиственница не гніетъ, и потому ее употребляютъ на постройку кораблей и на сваи, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ, а кора ея употребляется при выдѣлкѣ кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и по всей Сибири.

Прорастающее сѣмя сосны. Десять первыхъ листочковъ или иголъ.

Къ семейству хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также *пихта, кипарисъ,* дающій пахучее желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы и которое идетъ на обдѣлку карандашей; *можжевельникъ,* вѣтки и плоды котораго употребляются для окуриванія, и нѣкоторыя другія.

БѢЛАЯ ЛИЛІЯ.

Бѣлая лилія — прекрасный, душистый, величественный цвѣтокъ, служащій, по снѣжной бѣлизнѣ своей, эмблемою чистоты, — растетъ у насъ только въ цвѣтникахъ; но въ жаркомъ и сухомъ климатѣ, въ горахъ Персіи, Аравіи и Палестины, лилію встрѣчаютъ и въ дикомъ состояніи. Если мы не пожалѣемъ прекраснаго растенія и выдернемъ его изъ земли, то увидимъ, что зеленый стебель растенія выходитъ изъ большой луковицы желтоватаго цвѣта, которая

вся состоитъ изъ длинныхъ сочныхъ чешуекъ, наложенныхъ одна на другую, какъ черепица на кровлѣ. Разрѣзавъ луковицу вдоль, найдемъ, что чешуйки ея прикрѣплены къ стержню. Внизъ этотъ стержень, сросшись съ чешуйками, образуетъ *донце* луковицы, отъ котораго книзу виситъ пучекъ тоненькихъ корешковъ, а кверху идетъ стебель, круглый и довольно высокій.

Что такое луковица?—Корнемъ назвать ее нельзя, хотя она и въ землѣ, такъ какъ чешуи (тѣ же листья) на корняхъ никогда не бываютъ. Если сравнить ее съ знакомыми намъ частями растенія, то болѣе всего походитъ она на почку. Луковица, какъ и почка, представляетъ собраніе чешуй, т. е. не вполнѣ развитыхъ листьевъ, и стержня, т. е. стебля будущаго растенія. Когда луковицу посадятъ, то отъ донца ея пойдутъ корешки въ землю, чешуйки вытянутся въ листья, а стебель потянется кверху; потомъ луковица, давшая жизнь растенію, сгніетъ; но къ этому времени на донцѣ образуется нѣсколько молоденькихъ почекъ или молоденькихъ луковицъ, такъ называемыхъ *дѣтокъ,* изъ которыхъ каждая на будущее лѣто можетъ дать особое растеніе. Растенія, размножающіяся луковицами, называются *луковичными.* Нашъ обыкновенный лукъ есть тоже луковичное растеніе, и въ луковицѣ его ясно можно видѣть, какъ чешуйки или листья этой подземной почки вложены одинъ въ другой. Въ луковицѣ чеснока вы легко можете найти между чешуями маленькія луковицы.

Чешуйчатая луковица.

Картофелина, или *клубень* картофеля, какъ ее называютъ, есть толстый, округлый подземный стебель съ ямочками, такъ называемыми *глазками,* которые и есть почки. Картофель размножается клубнями, которые садятъ въ землю или цѣлыми, или разрѣзавъ ихъ на части, но такъ, чтобы на каждой части былъ глазокъ: иначе не изъ чего будетъ развиться стеблю съ листьями. Старая кортофелина, выгнавъ стебель кверху, на которомъ кромѣ листьевъ появятся современемъ лиловые цвѣточки, а затѣмъ и плоды съ сѣменами, и пустивъ подземные

стебли и мочковатый корень книзу, сама сгніетъ; но на подземныхъ стебляхъ образуется зато много новыхъ клубней.

Лукъ, чеснокъ и картофель полезны человѣку своими подземными стеблями; но морковь, рѣпа, свекла, рѣдька полезны своими корнями, почему эти послѣднія растенія называются *корнеплодными*. Картофель же и лукъ нельзя, по настоящему, назвать корнеплодными растеніями, хотя ихъ часто такъ называютъ. Корнеплодныя растенія размножаются не корнями, а сѣменами, вызрѣвающими на стебляхъ; сѣмя, посаженное въ землю, даетъ толстый, мясистый корень книзу, иногда длинный, какъ у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, какъ у брюквы и рѣпы, а кверху выгоняетъ небольшой пучекъ листьевъ, называемый ботвою. Въ первый годъ между листвой, или ботвой, вы не найдете ни цвѣтовъ, ни сѣмянъ; но если на другой годъ вы оставите въ землѣ корень моркови, свеклы или рѣпы, то онѣ дадутъ уже цвѣты и сѣмена. Во всякомъ большомъ огородѣ вы встрѣтите нѣсколько такихъ корнеплодныхъ растеній, посаженныхъ на сѣмена, и, пожалуй, по незнанію, можете принять ихъ за какія-нибудь другія, неизвѣстныя вамъ растенія.

Но возвратимся къ нашей бѣлой лиліи. Стебель лиліи подымается аршина на полтора въ вышину, и отъ него идутъ листья во всѣ стороны, которые внизу широки и довольно круглы, но чѣмъ выше, тѣмъ уже и острѣе. На верхушкѣ лилейнаго стебля появляется нѣсколько большихъ бѣлыхъ пахучихъ цвѣтовъ, сидящихъ на коротенькихъ цвѣточныхъ ножкахъ. У цвѣтовъ лиліи только одинъ бѣлый вѣнчикообразный цвѣточный покровъ, состоящій изъ шести большихъ покроволистиковъ, красиво отогнутыхъ назадъ. По числу листиковъ, составляющихъ цвѣточный покровъ, бываетъ въ цвѣткѣ лиліи шесть тычинокъ съ желтыми, большими, качающимися пыльниками. Тычинки эти нитями своими прикрѣплены къ листикамъ цвѣточнаго покрова, плодникъ же занимаетъ середину цвѣтка. Завязь плодника обращается потомъ въ плодъ-*коробочку* съ тремя внутренними гнѣздышками; въ каждомъ гнѣздышкѣ вызрѣваетъ по нѣскольку желтыхъ сѣмянъ; изъ сѣмянъ не такъ легко вырастить лилію; гораздо скорѣе разводится она луковицами.

КОНОПЛЯ, ЛЕНЪ И ХЛОПЧАТНИКЪ.

Кто бывалъ въ деревнѣ, тотъ вѣрно замѣтилъ на огородахъ высокое растеніе, извѣстное подъ именемъ конопли. Конопля растетъ густо, довольно толстыми стеблями, аршина въ два съ половиною вышины; она издаетъ особенный, очень сильный запахъ, любитъ жирную землю, и потому ее сѣютъ преимущественно на огородахъ и на такихъ поляхъ, гдѣ земля болѣе удобрена. Кто не видалъ самой конопли, тотъ вѣрно видалъ, по крайней мѣрѣ, конопляное сѣмя, которымъ кормятъ чижей и другихъ маленькихъ плѣнницъ нашихъ клѣтокъ. Конопляное сѣмя вызрѣваетъ на коноплѣ, помѣщаясь на верхушкѣ стеблей кистями. Оно такъ маслянисто, что изъ него выдѣлывается большое количество постнаго масла. Стебли конопли бываютъ двоякаго рода: одни съ плодничками, въ которыхъ вызрѣваютъ сѣмена, другіе, на которыхъ сѣмянъ не бываетъ, съ тычинковыми цвѣтами. Конопля, слѣдовательно, есть растеніе *двудомное*. Плодниковые стебли собственно и зовутся коноплею, а тычинковые называются *посконью* или замашкой. Посконь совершенно вырастаетъ при созрѣваніи тычинокъ, когда на плодниковыхъ стебляхъ конопляное зернышко только-что начинаетъ наливаться; а потому *посконь берутъ*, т. е. выдергиваютъ изъ земли, гораздо ранѣе конопли и, выдергивая, машутъ ею по воздуху, чтобы разсыпать изъ тычинокъ на плодники остальную плодотворную пыль, почему посконь и зовутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *замашкой*. Изъ поскони приготовляются веревки и самый грубый холстъ.

Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, тогда начинаютъ *братъ* коноплю, т. е. выдергивать ея стебли изъ земли и связывать ихъ въ небольшіе пучки. Просушивъ на солнцѣ пучки конопли, выколачиваютъ изъ нихъ сѣмена, или просто отрѣзываютъ снизу корни, а сверху кисти съ сѣменами, оставляя одни стебли, для выдѣлки изъ нихъ *пеньки*. Приготовленную такимъ образомъ коноплю кладутъ въ рѣку или въ прудъ, недалеко отъ берега, такъ однако, чтобы она вся покрылась водою; а для того, чтобы ее не унесло теченіемъ, накладываютъ на нее сверху камни или бревна, и оста-

вляютъ въ такомъ положеніи недѣли на двѣ. Это называется *мочить коноплю.* Для мочки обыкновенно выбираютъ неглубокія мѣста въ рѣчкахъ или прудахъ, и притомъ такія, которыя наиболѣе освѣщены солнцемъ. Мочатъ коноплю затѣмъ, чтобы размочить въ водѣ клейкое вещество, которымъ стебель пропитанъ, и отдѣлить полезный гибкій *лубъ* отъ коры, лежащей сверху, и сердцевины, лежащей внутри. Только изъ волокнистаго и мягкаго луба конопли и можетъ быть приготовлена пенька. Когда найдутъ, что конопля довольно размочена и что волокна ея отдѣляются легко, тогда вынимаютъ ее изъ воды и ставятъ снова *сушиться на солнцѣ.* При мочкѣ и при сушкѣ конопля издаетъ сильный, тяжелый и даже вредный запахъ. Когда конопля высохнетъ, тогда сердцевина ея растирается и разсыпается легко, а тонкія крѣпкія *волокна,* составляющія лубъ, легко раздѣляются между собою. Высушивъ коноплю, начинаютъ ее *мять* весьма не хитрою машиною, которой все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы искрошить высохшія сердцевину и кору конопли и приготовить *пеньку.* Помявъ пеньку, начинаютъ ее трепать и разсчесывать, стараясь, чтобы ея длинныя и тонкія волокна не путались и раздѣлялись по возможности тоньше. Чѣмъ лучше очищены волокна пеньки и чѣмъ тоньше они,—тѣмъ пенька лучше, и тѣмъ тоньше холстъ можно изъ нея сдѣлать. Изъ грубой, худо очищенной, толстой пеньки вьютъ веревки и канаты и ткутъ грубую дерюгу; изъ тонкой, мягкой пеньки выдѣлываютъ дорогія полотна и тончайшій батистъ.

Для льна не нужно такой жирной земли, какъ для конопли, а потому его сѣютъ на поляхъ. Ленъ растетъ гораздо ниже пеньки, но стебельки его тоньше; а чтобы стебли льна были какъ можно тоньше и длиннѣе, его сѣютъ густо. Ленъ цвѣтетъ маленькими голубоватыми цвѣточками, а маслянистыя маленькія сѣмена его вызрѣваютъ въ плодниковыхъ коробочкахъ. Его также берутъ осенью и почти такъ же мочатъ и обрабатываютъ, какъ пеньку. Изъ сѣмянъ льна также выдѣлываютъ масло.

Когда такимъ образомъ обработаютъ пеньку, или ленъ, тогда начинаютъ ихъ прясть на прялкахъ или машинами, и приготовляютъ

нитки, изъ которыхъ уже выдѣлывается полотно. Нитки суть не что иное, какъ ссученыя волокна конопли или льна. Если присмотрѣться къ куску даже самаго плотнаго полотна или тончайшаго батиста, то сейчасъ же можно замѣтить, что они состоятъ изъ нитокъ, переплетенныхъ между собою крестъ-на-крестъ. Приготовляется полотно на фабрикахъ, а также и отдѣльными ткачами. Ткачи ткутъ полотно на своихъ станкахъ, которые и называются ткацкими станками.

Выходя изъ рукъ ткача, полотно имѣетъ сѣрый цвѣтъ, и его надобно еще выбѣлить. Бѣлятъ полотно очень просто: его разстилаютъ на лугу, гдѣ чаще бываетъ солнце, и время отъ времени смачиваютъ водою, не давая полотну совершенно высохнуть. Отъ продолжительнаго дѣйствія солнца и воздуха холстъ черезъ нѣсколько дней дѣлается бѣлымъ, какъ снѣгъ. На фабрикахъ бѣленіе полотна производится химическимъ способомъ.

Изо льна и пеньки дѣлается много различныхъ предметовъ: нитки, веревки, канаты, полотна самой разнообразной доброты и цѣны, парусина, батистъ, достигающій поразительной тонины, салфетки и скатерти. Полотно называется также холстомъ, хотя подъ именемъ холста чаще разумѣютъ ткани, сдѣланныя изо льна. Лучшими полотнами за границею считаются голландскія и ирландскія, а у насъ славятся холсты ярославскіе.

Въ Россіи много производится льна и пеньки. Лучшимъ льномъ считается *псковскій*. Много льна и пеньки отправляется отъ насъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ требуется много пеньки для выдѣлки парусовъ, а также веревокъ и канатовъ для корабельныхъ снастей, потому что въ Англіи кораблей больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Ситецъ также матерія, употребляемая для одежды; но дѣлается не изъ пеньки и не изо льна, а изъ *хлопчатой бумаги,* которую также прядутъ и ткутъ. Хлопчатая бумага добывается изъ растенія, называемаго *хлопчатникомъ*. Это кустовое растеніе, растущее въ теплыхъ странахъ. Въ большихъ плодахъ-*коробочкахъ* лежатъ маслянистыя зерна, завернутыя въ длинные, мягкіе волоски бѣлаго, а

иногда слегка желтоватаго цвѣта. Когда сѣмена совершенно созрѣютъ, коробочка хлопчатника трескается, и показывается *хлопокъ,* такъ называютъ эти бѣлыя нити. Съ одного куста собирается иногда до двухъ фунтовъ хлопка, что́ по объему очень много, такъ какъ хлопокъ чрезвычайно легокъ. Этотъ-то хлопокъ и передѣлывается въ нитки, а потомъ въ матеріи разнаго рода, которыя потому и называются хлопчатобумажными матеріями. Сѣмена хлопчатника идутъ на выдѣлку изъ нихъ масла. Хлопчатобумажныхъ матерій, которыя отлично принимаютъ различныя краски, множество, и хлопчатникъ одѣваетъ гораздо большее число людей, чѣмъ ленъ и пенька. Наибольшее количество хлопка выдѣлывается въ Америкѣ, Индіи и Китаѣ; но теперь хлопокъ разводятъ и у насъ въ Россіи, въ Туркестанѣ и на Кавказѣ. Многія тысячи фабрикъ и милліоны работниковъ занимаются передѣлкою хлопка въ хлопчатобумажныя ткани, хотя его прядутъ и ткутъ очень искусными машинами.

Хлопчатникъ: 1) Цвѣтокъ. 2) Плодъ. 3) Сѣмя.

На одежду человѣкъ употребляетъ еще сукно. Сукно дѣлается уже не изъ растеній, а изъ овечьей шерсти, которую остригаютъ у овецъ, моютъ, чешутъ и потомъ также прядутъ и ткутъ. Изъ шерсти приготовляютъ многія шерстяныя матеріи.

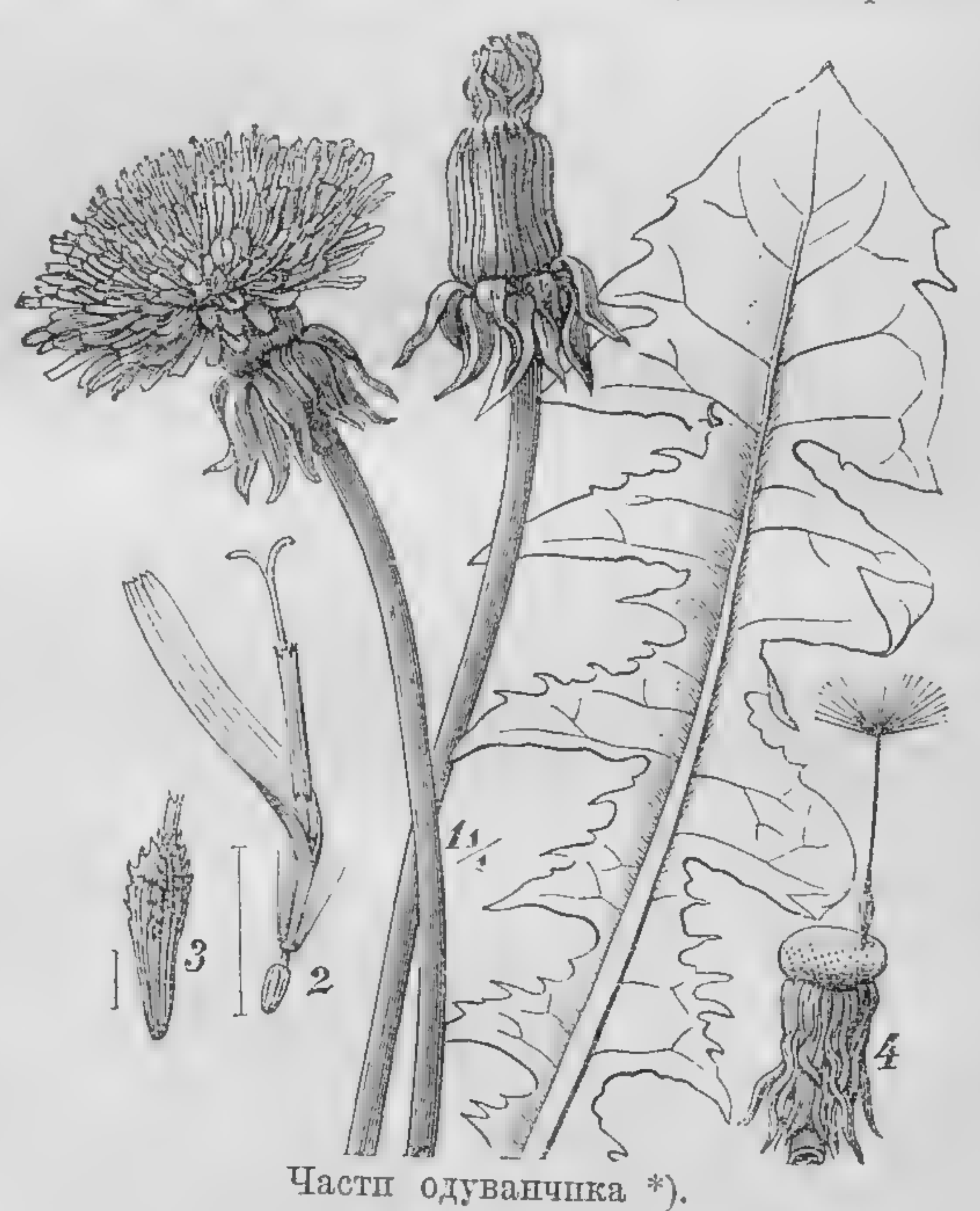
Шелковыя матеріи дѣлаются, какъ мы уже знаемъ, изъ шелку; а шелкъ дѣлаетъ шелковичный червякъ на шелковичныхъ деревьяхъ.

ОДУВАНЧИКЪ.

Признайтесь откровенно, сколько вы въ недолгій вашъ вѣкъ истребили одуванчиковъ? Сколько сорвали и разогнали по вѣтру тѣхъ пушистыхъ и бѣлыхъ шаровъ, которые появляются среди лѣта вездѣ, гдѣ только есть клочекъ земли, способный вырастить какую-нибудь травку: въ саду, на зеленой каймѣ цвѣтника, на лугу, по окраинѣ поля, засѣяннаго хлѣбомъ, даже посреди дороги, на тѣхъ узкихъ полоскахъ, которыя оставило нетронутыми колесо крестьянской телѣги, пробираясь по глубокой колеѣ? Сколько сорвали вы для вѣнковъ и цѣпочекъ тѣхъ желтыхъ цвѣтковъ, которые сидятъ на пустыхъ въ серединѣ, дудчатыхъ ножкахъ, и бѣлый, очень горькій сокъ которыхъ оставлялъ темныя пятна на вашихъ рукахъ и вашемъ платьѣ? Много, очень много! Много также вы потоптали зеленыхъ листьевъ одуванчика, почти стелющихся по землѣ, съ большими зубцами по краямъ, съ розовой жилкой по серединѣ. Но вы, можетъ быть, до сихъ поръ не обратили вниманія на то, что бѣлый пушистый шаръ, яркій желтый цвѣтокъ и пучекъ вырѣзныхъ листьевъ принадлежатъ одному и тому же растенію; можетъ быть не замѣтили даже, что дудчатая ножка выростаетъ изъ средины этого пучка листьевъ, и что пушистый бѣлый шаръ образуется изъ желтаго цвѣтка; а между тѣмъ это явленіе, повторяющееся передъ вашими глазами въ тысячахъ экземпляровъ, стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ ближе.

Сорвемъ же еще одинъ изъ желтыхъ цвѣтковъ одуванчика, и поищемъ въ немъ тѣхъ частей, которыя нашли въ вишневомъ цвѣткѣ: чашечки, вѣнчика, тычинокъ съ пыльниками и плодничка со столбикомъ и рыльцемъ. Всѣ эти части цвѣтка также находятся у одуванчика. Но будьте осторожны! Этотъ обыкновенный цвѣтокъ устроенъ очень хитро и можетъ ввести васъ въ ошибку. Съ перваго взгляда можно подумать, что зеленые листья, обнимающіе нижнюю часть цвѣтка, изъ которыхъ нижніе нѣсколько отворочены, составляютъ чашечку, а желтые язычки, которыхъ такъ много на цвѣткѣ и изъ которыхъ каждый внизу представляетъ трубочку, а вверху вы-

тянутъ въ язычекъ,—лепестки, т. е. вѣнчикъ цвѣтка. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Оборвемте-ка съ цвѣтка всѣ желтые язычки,—всѣ, кромѣ одного, который оставимъ для того, чтобы разсмотрѣть его было удобнѣе. Теперь разорвемъ полегоньку вдоль его трубочку, и мы увидимъ скрывающійся въ немъ плодничекъ, воткнутый острымъ нижнимъ концомъ завязи въ круглое цвѣтоложе цвѣтка, на которомъ сидѣли всѣ остальные желтые, сорванные нами, язычки. Отъ верхушки завязи идетъ кисточка, состоящая изъ тончайшихъ волосковъ, поднятыхъ кверху, и столбикъ, оканчивающійся раздвоеннымъ рыльцемъ. Столбикъ окружается желтымъ лепесткомъ, сидящимъ на завязи, и 5-ю тычинками, прикрѣпленными къ лепестку и сросшимися въ трубку пыльниками. Если осторожно выдернуть столбикъ, то останется трубочка, посреди которой онъ сидѣлъ, состоящая изъ сросшихся тычинокъ. И такъ, язычекъ, который можно принять за лепестокъ,

Части одуванчика *).

*) *Цвѣтокъ одуванчика:* 1) Сложный цвѣтокъ и листъ. 2) Отдѣленный отъ ложа одинъ изъ цвѣтковъ, представляющій снизу округленную завязь, пушистую чашечку и язычковый лепестокъ; изъ трубочки вѣнчика выставляется столбикъ съ раздвоеннымъ рыльцемъ. Около столбика 5 тычинокъ, сросшихся между собою пыльниками. 3) Плодъ одуванчика. 4) Цвѣточная ножка, поддерживающая расширенное цвѣточное ложе, на которомъ видны углубленія, гдѣ прикрѣплялись отдѣльные цвѣточки. Книзу отъ ложа висятъ отогнутые зеленые листочки, составляющіе общій цвѣточный покровъ—поволоку.

оказывается цѣлымъ цвѣткомъ. Мы нашли въ немъ завязь со столбикомъ и рыльцемъ, нашли тычинки, нашли и вѣнчикъ, т. е. трубочку, переходящую наверху въ язычекъ. Вѣнчикъ этотъ состоитъ не изъ пяти лепестковъ, какъ у вишни, но изъ одного. Впрочемъ, разсматривая подробнѣе этотъ вѣнчикъ, ботаники нашли, что онъ сросся изъ пяти отдѣльныхъ лепестковъ, что показываютъ оставшіяся на немъ полоски. Но гдѣ же чашечка этого маленькаго цвѣтка? Ботаники считаютъ за чашечку хохолокъ, состоящій изъ волосковъ, которые сидятъ на завязи подъ вѣнчикомъ. Вотъ и всѣ части цвѣтка.

Когда одуванчикъ отцвѣтетъ, тогда вѣнчики отдѣльныхъ цвѣтковъ его соцвѣтія завянутъ, спадутъ; столбикъ съ рыльцемъ и тычинками также отвалятся, а хохолокъ поднимется на своей ножкѣ и развернется; хохолки всѣхъ отдѣльныхъ цвѣтковъ вмѣстѣ составятъ тотъ бѣлый пушистый шаръ, какимъ является одуванчикъ послѣ цвѣтенія. Завязь, превратившаяся въ плодъ, въ сѣмянку, съ зрѣлымъ сѣмячкомъ внутри, едва держится своимъ острымъ концомъ въ мягкомъ цвѣточномъ ложѣ; подуетъ вѣтеръ—и плоды одуванчика, снабженные легкими хохолками, понесутся по воздуху, и гдѣ остановятся на землѣ, тамъ на будущій годъ, если что-нибудь не помѣшаетъ, выраститъ новое растеніе, новый одуванчикъ.

Всѣ летучіе плоды одуванчика разлетятся во всѣ стороны; что же отъ него осталось? Какой странный видъ имѣетъ теперь остатокъ отъ сложнаго цвѣтка! На дудчатой ножкѣ торчитъ бѣлая, мягкая, выпуклая подушечка со множествомъ черненькихъ точекъ, показывающихъ мѣсто, гдѣ были воткнуты острые носики завязей: точно рабочая подушка швеи, изъ которой повысыпались иголки. Это и есть общее цвѣточное ложе всѣхъ цвѣтковъ одуванчика, изъ которыхъ каждый далъ сѣмя, улетѣвшее теперь далеко. Такимъ образомъ мы видимъ, что желтая головка одуванчика не одинъ цвѣтокъ, какъ напримѣръ цвѣтокъ вишни, яблони, тюльпана или колокольчика, но цѣлое собраніе цвѣтовъ, сидящихъ на одномъ общемъ цвѣтоложѣ,— цѣлая *корзинка* цвѣтковъ. Такія растенія, у которыхъ на одномъ цвѣтоложѣ собрано множество цвѣтковъ,—называются *сложноцвѣт-*

пыми растеніями; таковы: ярко-синіе васильки, желтые большіе подсолнечники, красивыя астры и множество другихъ.

Но что это за зеленые листочки, составляющіе исподъ подушечки? Одни изъ нихъ обнимаютъ ее плотно, другіе отвернулись внизъ. Мы сочли ихъ было за чашечку одуванчика, но теперь знаемъ, что въ каждой головкѣ у одуванчика цвѣтковъ много и что каждый изъ нихъ имѣетъ свою чашечку. Ботаникъ выводитъ насъ изъ недоумѣнія, доказывая, что эти зеленые листья, обнимающіе цвѣтоложе сложнаго цвѣтка,—не чашечка, а дѣйствительно листья, хотя и не похожіе на тѣ зубчатые, которые у одуванчика почти лежатъ на землѣ. Листочки, появляющіеся у иныхъ растеній не тамъ, гдѣ обыкновенно бываютъ листья, а на цвѣточной ножкѣ и иногда подъ самымъ цвѣткомъ, какъ у одуванчика или подсолнечника, называются *прицвѣтниками*. У василька, напримѣръ, изъ такихъ листьевъ-прицвѣтниковъ составляется та чешуйчатая головка, изъ которой выходятъ ярко-синіе зубчатые колокольчатые цвѣточки.

Спустимся теперь внизъ отъ цвѣтка. Ножка, на которой держатся цвѣтки и которая потому называется цвѣточною ножкою, гораздо длиннѣе у одуванчика, чѣмъ у вишни, пуста въ серединѣ и идетъ почти изъ самой земли, изъ середины пучка зубчатыхъ листьевъ. Самый стебель, пускающій цвѣточную ножку и зубчатые листья кверху, а толстый, крѣпкій корень книзу, почти скрытъ въ землѣ. Цвѣточная ножка торчитъ еще нѣсколько времени по обсѣмененіи цвѣтка, но потомъ падаетъ и сгниваетъ; вянутъ также и листья, но коротенькій стебель съ толстымъ, почти прямымъ корнемъ, уходящимъ довольно глубоко въ землю, остается, и весною даетъ новыя ножки съ цвѣтами и новый пучекъ зубчатыхъ листьевъ.

Бѣлый сокъ одуванчика, оставляющій темныя пятна на нашихъ рукахъ, также замѣчателенъ. Наберите побольше этого соку въ тарелку, и черезъ нѣсколько дней вы замѣтите на немъ пѣнку; возьмите эту пѣнку между пальцами, и вы почувствуете, какъ она упруга: точно резина. Это она и есть; но только резины изъ одуванчика никто не добываетъ, а добываютъ ее изъ сока особыхъ деревьевъ, растущихъ въ жаркихъ странахъ! Изъ этого древеснаго сока

добывается и гуттаперча, изъ которой теперь дѣлаютъ столько прекрасныхъ вещей.

Вотъ сколько новаго разскажетъ вамъ одуванчикъ, если мы сумѣемъ съ нимъ заговорить. Но, чтобъ понимать рѣчь природы, должно много учиться; для человѣка необразованнаго все нѣмо вокругъ.

РОЖЬ.

Все, что очень полезно, почти всегда бываетъ и очень просто съ виду. Какимъ простымъ, незамѣчательнымъ покажется намъ колосъ ржи, если мы сравнимъ его съ прекрасною розою или пышнымъ тюльпаномъ! Но безъ розъ и тюльпановъ человѣкъ очень бы могъ прожить, а безъ ржи намъ, въ нашемъ холодномъ климатѣ, пришлось бы плохо. Впрочемъ, въ томъ, что кажется простымъ съ перваго взгляда, можно найти много новаго, если разсмотрѣть его повнимательнѣе: такъ и въ колосѣ ржи мы увидимъ много такого, чего не видали у другихъ, уже знакомыхъ намъ растеній.

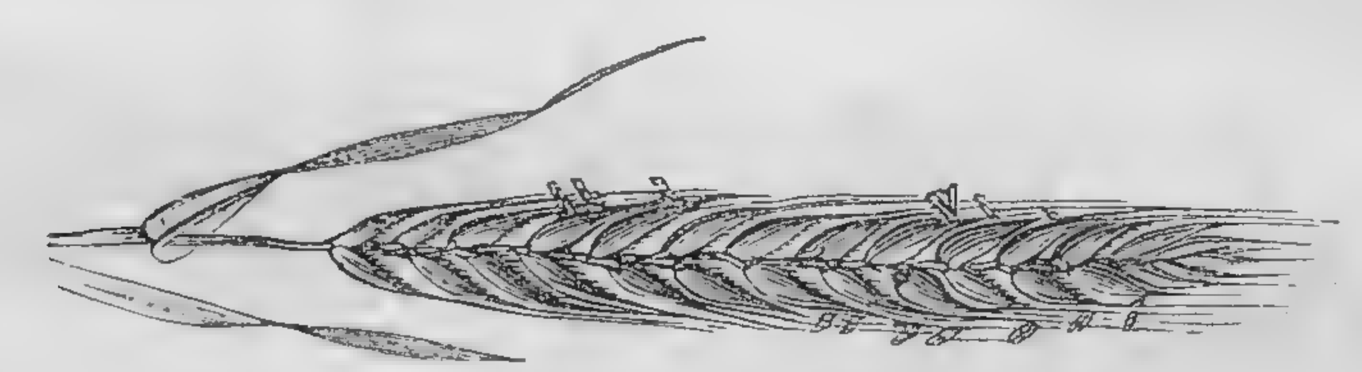
Выдернемъ стебелекъ ржи изъ земли—и мы увидимъ цѣлый пучекъ тоненькихъ корешковъ, расползающихся во всѣ стороны. Иногда изъ одного и того же пучка выходитъ три, четыре стебля. Особенно *кустится озимая* рожь, которая, лежа подъ снѣгомъ, успѣваетъ прочнѣе укорениться въ землю.

И стебель у ржи не такой, какъ у другихъ извѣстныхъ намъ растеній. Это—длинная, тоненькая *соломинка* съ нѣсколькими *кольцами* и *узелками*. Между узелками соломинка въ срединѣ пуста.

Но гдѣ же листья этого растенія? Теперь, когда уже колосъ налился и созрѣлъ, листьевъ на соломинкѣ нѣтъ, а прежде, весною, были. И какіе замѣчательные листья! Совсѣмъ не похожіе на тѣ, какіе мы видѣли у яблони, клена, земляники, одуванчика. У листьевъ ржи нѣтъ черешка, они выходятъ всей шириною нижняго конца своего изъ тѣхъ мѣстъ соломинки, гдѣ теперь видны только узелки. Жилки на этихъ узкихъ и длинныхъ листьяхъ не расползаются во всѣ стороны, какъ на листочкѣ яблони, а идутъ прямыми линіями, вдоль всего листа. Подобные листья находятся также у лиліи и

у обыкновеннаго лука. Своею нижнею частью безчерешковые листья ржи обхватываютъ соломинку, а верхняя часть ихъ заворачивается и, качаясь въ воздухѣ, вдыхаетъ изъ него тѣ газы, какіе нужны растенію, чтобы вырасти, образовать колосъ и наполнить его зерномъ. Когда листья, а также и корешки, высасывающіе изъ земли питательные соки, необходимые для растенія, сдѣлали свое дѣло, словомъ, когда рожь выколосилась, выцвѣла, налилась и вызрѣла, тогда листья засыхаютъ, и остается возлѣ узелка только нижняя часть каждаго листа, плотно обхватившая соломинку.

Да развѣ рожь цвѣтетъ? спросите вы. Цвѣтетъ; но только такими простенькими цвѣточками, что неудивительно, если вы ихъ не замѣтили. Сорвите колосъ ржи въ началѣ іюня, когда вамъ скажутъ, что рожь цвѣтетъ,—и вы увидите, что весь колосъ будто

Цвѣтущій ржаной колосъ; листочки еще держатся.

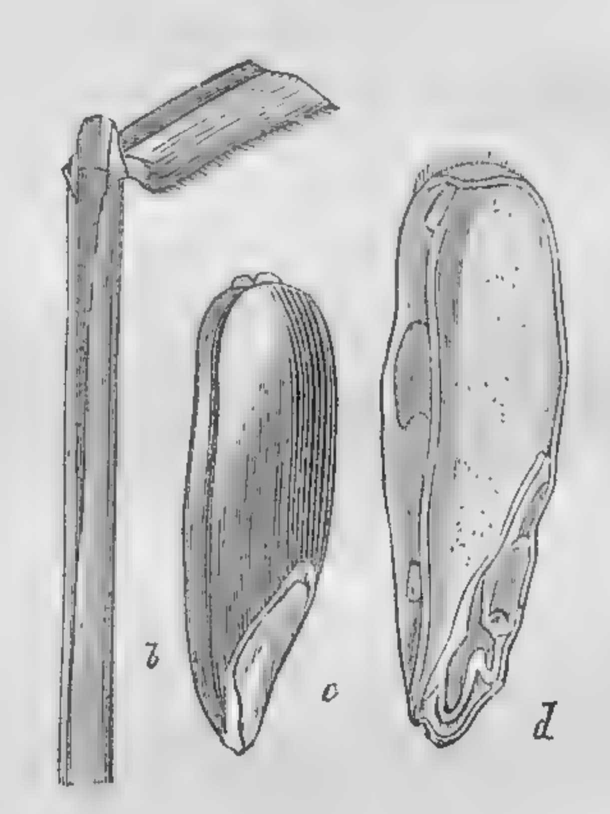
осыпанъ блѣдно-зеленымъ пухомъ. Если же посмотрите на этотъ пухъ въ увеличительное стекло, то убѣдитесь, что это тычинки съ мѣшочками, наполненными плодотворною пылью, высунувшіяся изъ маленькихъ цвѣточковъ, составляющихъ колосъ ржи. Въ глубинѣ же цвѣточковъ скрываются плоднички, въ которыхъ послѣ *опыленія* образуются зернышки; стало быть, въ каждомъ цвѣточкѣ ржи, составляющемъ большой колосъ, дѣлается то же, что и въ цвѣткѣ вишни.

Но вотъ рожь отцвѣла, зерна налились и созрѣли, и много ихъ на одной общей оси колоса. Полезное зернышко ржи также очень просто съ виду. Но если ему дать нѣсколько прорасти и потомъ посмотрѣть на него въ увеличительное стекло, то окажется, что оно не совсѣмъ похоже на зернышко клена, которое мы разсмотрѣли. И въ немъ, кромѣ мучнистаго бѣлка, который такъ питаетъ людей,

лежитъ зародышъ; но зародышъ не съ двумя *зародышевыми листиками,* какъ у клена, вишни, яблони, земляники и множества другихъ растеній, а съ *однимъ:* вотъ почему рожь и прорастаетъ совсѣмъ не такъ, какъ молодой кленъ или земляника. Зародышевые листики называются еще въ ботаникѣ *долями,* почему рожь называютъ *однодольнымъ* растеніемъ, тогда какъ кленъ, березу, землянику, розу называютъ растеніями *двудольными.* Кромѣ ржи, мы

Цвѣтокъ ржи, очень увеличенный.

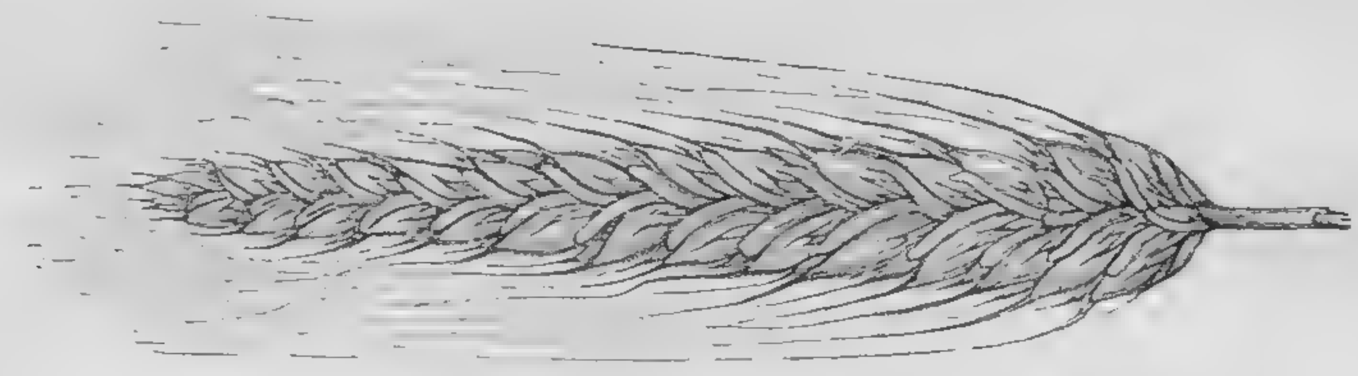
b) Часть стебля ржи съ обхватывающимъ его листикомъ. *c*) Плодъ или зерно, очень увеличенное. *d*) Зерно въ продольномъ разрѣзѣ.

знаемъ еще одно однодольное растеніе—лилію: вотъ отчего и листья лиліи, по жилкамъ своимъ, больше похожи на листья ржи, чѣмъ на листья другихъ знакомыхъ намъ растеній; но лилія луковичное растеніе, а у ржи луковицы нѣтъ.

ДРУГІЯ ХЛѢБНЫЯ РАСТЕНІЯ, НАШИ И НЕ НАШИ.

Если мы въ половинѣ лѣта выйдемъ на поле гдѣ-нибудь возлѣ Москвы, то навѣрное залюбуемся, какъ волнуются и точно бѣгутъ по отлогимъ холмамъ разноцвѣтныя полосы хлѣбовъ. Здѣсь желтѣетъ густая рожь, тамъ синѣетъ еще недозрѣвшій овесъ, возлѣ кланяется

до земли усатый ячмень, а за нимъ, подальше отъ дороги, зеленѣетъ курчавый горохъ.

Колосъ ячменя.

Пойдемъ осторожнѣе по межамъ и разсмотримъ поближе, что̀ растетъ на каждой нивѣ. При этомъ замѣтимъ мы, что всѣ эти растенія, кромѣ гороха, похожи одно на другое и своими колѣнчатыми соломинками, и своими длинными, узкими листьями, съ продольными жилками, и своими корнями, въ видѣ пучка нитокъ, и, наконецъ, своими колосьями, хотя у ячменя колосъ съ такими длинными *усами*, какихъ нѣтъ у ржи, а у овса вмѣсто колоса *метелка*.

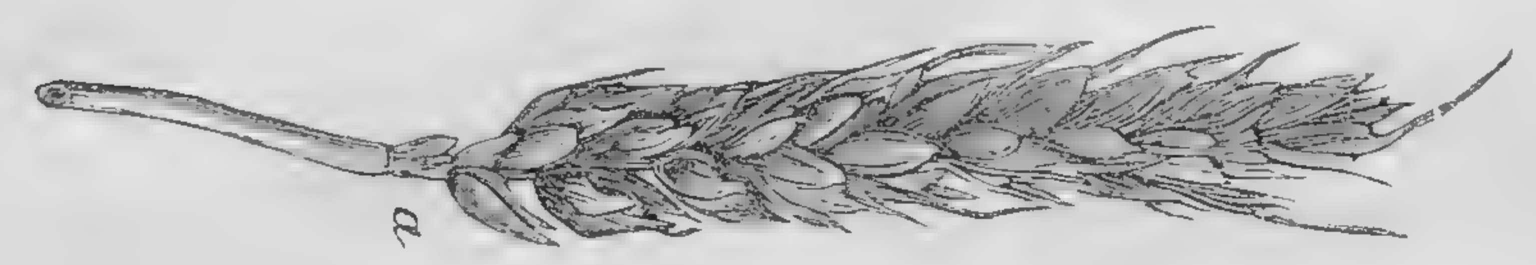

Метелка овса.

Только курчавый горохъ принадлежитъ къ другой семьѣ растеній: и листья у него не такіе, а круглые, и жилки на листьяхъ располагаются во всѣ стороны, и зернышки спрятаны въ ладьеобразные плоды, какъ у бобовъ, а хорошенькій синеватый или розоватый цвѣточекъ гороха похожъ на мотылька съ поднятыми крылышками. Потому-то и горохъ, и бобы причисляются къ семейству растеній *мотыльковыхъ*. Въ зернахъ гороха и бобовъ зародышъ также не съ однимъ, какъ у ржи,

овса и ячменя, а съ двумя зачаточными листьями, съ двумя *сѣмянными долями.*

Если бы мы вышли на поле гдѣ-нибудь поюжнѣе, въ Малорос-

Колосъ пшеницы.

сіи, то увидали бы еще болѣе разнообразія. Здѣсь, вмѣсто ржи и овса, огромныя поля покрываетъ *пшеница,* съ толстыми, будто гранеными колосьями и тучнымъ зерномъ, *просо,* со своими нарядными метелками, наклоняющимися почти до земли, и *гречиха,* съ красными стебельками и розовыми цвѣточками. Разсмотрѣвъ опять эти хлѣбныя растенія, найдемъ, что пшеница и просо, по формѣ своихъ листьевъ и соломинокъ, принадлежатъ къ одному семейству съ рожью. Одна только гречиха, со своими розовыми цвѣтами, своими трехгранными зернами и вьющимся стеблемъ, принадлежитъ къ другому семейству, даже къ другому отдѣлу растеній.

Кукуруза и маисъ.

Для жителя среднихъ губерній Россіи нѣтъ растенія милѣе ржи; онъ не даромъ зоветъ ее своею кормилицею и говоритъ, что *рожь кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеничка по*

выбору, и что *ржаной хлѣбушка пшеничному калачу дѣдушка*. Но въ южной, *черноземной* полосѣ Россіи сѣютъ больше пшеницу и развозятъ ее оттуда по всѣмъ губерніямъ, вывозятъ и въ чужія государства.

Спустимся еще поюжнѣе—въ Бессарабію, Молдавію, Турцію, Италію, и увидимъ тамъ на поляхъ новое хлѣбное растеніе—*кукурузу* или *маисъ*. Большіе длинные листья кукурузы, несмотря на свою величину, опять напомнятъ намъ своею формою и продольными жилками листья ржи, овса, ячменя и пшеницы. Но куда же дѣвался колосъ? Наверху растенія какая-то метелка безъ зеренъ, а изъ-промежъ большихъ листьевъ, сильно прижатыхъ одинъ къ другому, словно вываливаются какія-то бѣлыя, шелковистыя кисти. Наверху растенія колосья съ тычинками, а между листьями сидятъ *початки* съ плодниками, подхватывающими цвѣточную пыль. Ежели развернемъ листья въ концѣ лѣта, то найдемъ, что между ними сидятъ большія желтыя шишки, плотно покрытыя крупными зернами, похожими на приплюснутыя горошины. Кто бывалъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, какъ вкусна молодая *пшеничка* *) со свѣжимъ масломъ, когда ее отварятъ въ соленой водѣ,—какъ питательны ея мучнистыя зерна и какой сладкій сокъ въ ея сердцевинѣ. Но въ Малороссіи пшеничка только лакомство, а въ странахъ болѣе южныхъ изъ зеренъ ея дѣлаютъ муку и пекутъ хлѣбъ. Осенью въ Италіи всѣ дома завѣшаны высыхающимъ на солнцѣ желтымъ, какъ золото, маисомъ. Кукуруза чрезвычайно плодовита. Нашъ мужичокъ доволенъ, если на одно посѣянное зерно ржи получитъ шесть или семь; пшеница въ южныхъ плодородныхъ странахъ дастъ

Рисъ.

*) Такъ зовутъ въ Малороссіи кукурузу, которую тамъ разводятъ только на огородахъ.

самъ тридцать, а маисъ въ тепломъ и жаркомъ климатѣ Америки приноситъ 800 зеренъ на одно, посаженное въ плодородную землю.

Въ жаркихъ и влажныхъ странахъ Азіи и Америки есть еще одно растеніе, сродное нашей ржи: это *рисъ.* Мы знаемъ рисъ только по рисовой кашѣ; но для азіатцевъ онъ также важенъ, какъ для насъ рожь. Рисъ любитъ теплый воздухъ и влажную почву. Его садятъ на поляхъ, заливаемыхъ ежегодно водою, или проводятъ воду на поле канавами, такъ что въ иное время рисовыя поля всѣ потоплены. Много за рисомъ ухода: надобно прокопать канавы и провести на поле воду; надобно топтаться по колѣна въ мокрой землѣ; надобно садить зерна рядами; надобно безпрерывно полоть и очищать поле отъ *сорныхъ травъ* и при этомъ дышать вреднымъ болотнымъ воздухомъ, пропитаннымъ сыростью. Но за всѣ эти труды рисъ вознаграждаетъ богатѣйшими урожаями, и болѣе ста милліоновъ народу кормится его зернами.

Ячмень и *овесъ,* выносящіе холодъ нашего сѣвера,—котораго не выноситъ уже и *рожь,—пшеница, просо,* угощающее и насъ желтою кашею, плодородный *маисъ,* болотный *рисъ*—всѣ эти растенія принадлежатъ къ одному семейству *злаковъ.* Плохо пришлось бы людямъ безъ этого благословеннаго семейства, которое распространилъ человѣкъ по всему лицу земли.

НА ЛУГУ.

Пойдемте на лугъ, покрытый высокою густою травою, уляжемся на немъ и станемъ разсматривать травинку за травинкою. Вотъ душистый *клеверъ* съ красненькими головками, за которыми такъ прилежно ухаживаютъ пчелы; вотъ вьющійся *мышиный горошекъ;* вотъ *кукушкинъ цвѣтъ:* все это травы, но не злаки. А вотъ *лисій хвостъ* со своимъ пушистымъ колосомъ, очень похожій на злакъ; его колосъ, соломинка и листья напомнятъ намъ рожь; напомнитъ намъ рожь и *золотой колосокъ,* который такъ хорошо пахнетъ, что придаетъ всему сѣну прекрасный запахъ. Вотъ *овсяница, мятликъ, трясунка, медовая трава, райграсъ:* они по своему виду тоже напоминаютъ намъ то рожь, то овесъ, то просо. И дѣйствительно, все

Букетъ изъ луговыхъ злаковъ: 1) Лисій хвостъ. 2) Мятликъ. 3) Ежа. 4) Полевица. 5) Тимофеевка. 6) Гребникъ. 7) Бородачъ. 8) Трясунка. 9) Овсяница. 10) Золотой колосокъ (душистый). 11) Медовая трава. 12) Метелка (заячій овесъ).

это—*злаки* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличныя *кормовыя травы.* Но не всѣ злаки полезны—есть между ними и *сорныя травы,* портящія наши луга и поля: *плевелъ* особенно портитъ посѣвы овса; *костырь* встрѣчается во ржи; *серебристый ковыль* занимаетъ большія пространства въ нашихъ степяхъ.

Пойдемъ теперь на берегъ нашей рѣчки: она почти вся заросла густымъ высокимъ *тростникомъ.* Изъ колѣнцевъ этого тростника, пустыхъ въ срединѣ, вы не разъ дѣлали брызгалки и дудки; присмотритесь же теперь къ листьямъ этого растенія и къ чернымъ шишкамъ, что́ появляются осенью на его верхушкахъ, и вы согласитесь, что тростникъ тоже злакъ, хотя его соломина гораздо толще и выше, чѣмъ у ржи и пшеницы. Не правда ли, было бы не дурно, если бы этотъ тростникъ былъ не простой, а сахарный? Но хотя *сахарный тростникъ,* какъ и нашъ, любитъ также болотистую почву, однако ему нуженъ климатъ гораздо теплѣе. Онъ растетъ дико только въ болотистыхъ мѣстахъ Восточной Индіи, очень похожъ на нашъ тростникъ, но бываетъ въ вышину до 5 арш. Крѣпкая и толстая соломина его наполнена сладкою, сочною мякотью. Изъ этой мякоти выжимаютъ сладкій сокъ, а изъ сока дѣлаютъ сахаръ. У насъ нѣтъ сахарнаго тростника; но сахаръ также добываютъ, только изъ корней свеклы.

Сахарный тростникъ.

Есть въ жаркихъ странахъ злакъ еще гораздо выше сахарнаго тростника: это *бамбукъ,* который растетъ въ Индіи цѣлыми рощами, растетъ такъ скоро, что въ какіе-нибудь 30 или 40 дней дѣлается громаднымъ растеніемъ въ 6 и 7 саженъ высоты. Колѣнчатый, пустой въ серединѣ стволъ бамбука—тоже соломина; но онъ такъ крѣпокъ, что изъ него дѣлаютъ лодки и строютъ дома, особенно въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ боятся землетрясеній. Такой легкій домъ, если и упадетъ, то не надѣлаетъ большой бѣды. Въ пищу употребляютъ сѣмена бамбука и его молодые отпрыски.

Но не будемъ завидовать жаркимъ странамъ и ихъ диковинкамъ. Правда, тамъ растутъ растенія, дающія сахаръ, кофе, мускатный орѣхъ, корицу, финики и апельсины; но зато нѣтъ тамъ нашихъ бархатныхъ зеленыхъ луговъ. Въ жаркомъ климатѣ всякая травка какъ бы старается сдѣлаться огромнымъ деревомъ или кустомъ; колючія растенія готовы разорвать не только одежду, но и тѣло человѣка; стада не могутъ пробраться въ эти травы, разросшіяся лѣсомъ; львы, тигры и барсы залегли въ гущинѣ и выжидаютъ добычи; ядовитыя змѣи ползаютъ промежъ корней и вѣтвей. А на нашемъ-то лугу какое приволье! Иди, куда хочешь, и ложись, гдѣ вздумается; увидишь развѣ дождевого червяка или какого-либо жучка,—выглянетъ кротъ изъ норы или промелькнетъ вдали трусливый зайчикъ; а прекрасныя стада пасутся безопасно и передѣлываютъ въ себѣ сочную траву въ молоко, сливки и питательное мясо. Произведенія же жаркихъ странъ намъ привезутъ купцы: привезутъ они апельсины и лимоны изъ Италіи, мускатъ, перецъ и корицу изъ Индіи, финики и кофе изъ Аравіи; привезутъ и душистый чай изъ Китая.

ПАЛЬМА.

Въ нѣкоторомъ родствѣ съ рожью находится великолѣпнѣйшее и также полезнѣйшее растеніе жаркихъ странъ, а именно *пальма*. Это—не *злакъ*, какъ рожь, но тоже *однодольное* растеніе. У насъ пальму можно видѣть только маленькую, и то гдѣ-нибудь въ теплицѣ, но въ жаркихъ странахъ пальма по большей части огромное дерево, саженей 16 и больше въ вышину. Стволъ, никогда не раздѣляющійся на сучья, какъ у нашихъ деревьевъ, кажется зубчатымъ отъ остатковъ листьевъ, а на верхушкѣ раскидывается зеленымъ шатромъ пучекъ громадныхъ листьевъ, сажени по двѣ и болѣе въ длину. Эти деревья такъ непохожи на наши, что если морякъ завидитъ издали на морскомъ берегу высоко подымающуюся

вершину пальмы, то знаетъ уже, что подъѣзжаетъ къ тропическимъ странамъ, гдѣ растутъ такія растенія и живутъ такія животныя, о которыхъ мы знаемъ только по картинкамъ. Впрочемъ, вы знакомы съ плодомъ одной прекрасной пальмы, если вамъ удавалось ѣсть сладкіе финики.

Пальма, на которой созрѣваютъ финики, любитъ жаркій и сухой климатъ: она растетъ въ Аравіи, возлѣ Іерусалима, въ Африкѣ и въ Индіи. Громадный стволъ *финиковой пальмы* украшенъ наверху пучкомъ длинныхъ *перистыхъ* листьевъ. Между этими ли-

Кокосовая пальма. Капустная пальма. Вѣерная пальма.
Бананъ *). Призсмистая пальма.

*) Бананъ, или райское дерево, даетъ около 100 питательныхъ плодовъ, по формѣ похожихъ на огурцы, которые всѣ вмѣстѣ вѣсятъ пуда полтора. Бананами кормится множество жителей жаркихъ странъ.

стьями, *въ продолженіе цѣлаго года,* появляются большими кистями цвѣты и сладкіе плоды съ твердыми косточками. Молодые листья этой пальмы употребляются въ пищу, старые идутъ на покрышку хижинъ; изъ сока этой пальмы приготовляютъ отличное сладкое вино; древесина идетъ на постройки и топливо.

Едва ли не еще полезнѣе финиковой пальмы такая же громадная и такая же красивая *кокосовая* пальма. Ни одна часть этого растенія не пропадаетъ даромъ: изъ ея огромнаго орѣха, величиною съ дѣтскую голову, добываютъ прохладительный напитокъ; изъ жирнаго зерна выжимаютъ кокосовое масло, употребляемое на мыло, помаду и освѣщеніе; изъ твердой скорлупы дѣлаютъ посуду; изъ крѣпкихъ волоконъ, въ которыя закутанъ орѣхъ, плетутъ веревки, канаты и ткутъ разныя ткани; изъ сока молодыхъ завязей добываютъ сахаръ и вино; молодыя почки пальмы очень вкусны; листья идутъ на покрышку хижинъ, высокій стволъ — на мачты и постройки, корень—на корзины. Такъ же почти полезны *капустная* и *вѣерная* пальма, каждый листокъ которой похожъ на громадный вѣеръ.

Одно такое дерево можетъ пропитать, одѣть и укрыть отъ непогоды цѣлую семью дикарей. Но не потому ли дикарь дикаремъ и остается, что ему не нужно было трудиться? Въ такомъ случаѣ, наша простенькая рожь лучше великолѣпной пальмы. Она заставила насъ сдѣлаться образованными людьми.

Въ Европѣ, только въ самыхъ жаркихъ ея краяхъ, успѣли развести финиковую пальму. Дико же растетъ въ Италіи, Сициліи и Испаніи одна *приземистая* пальма, напоминающая не ростомъ, но листьями, своихъ дальнихъ сестеръ. Видовъ пальмъ множество.

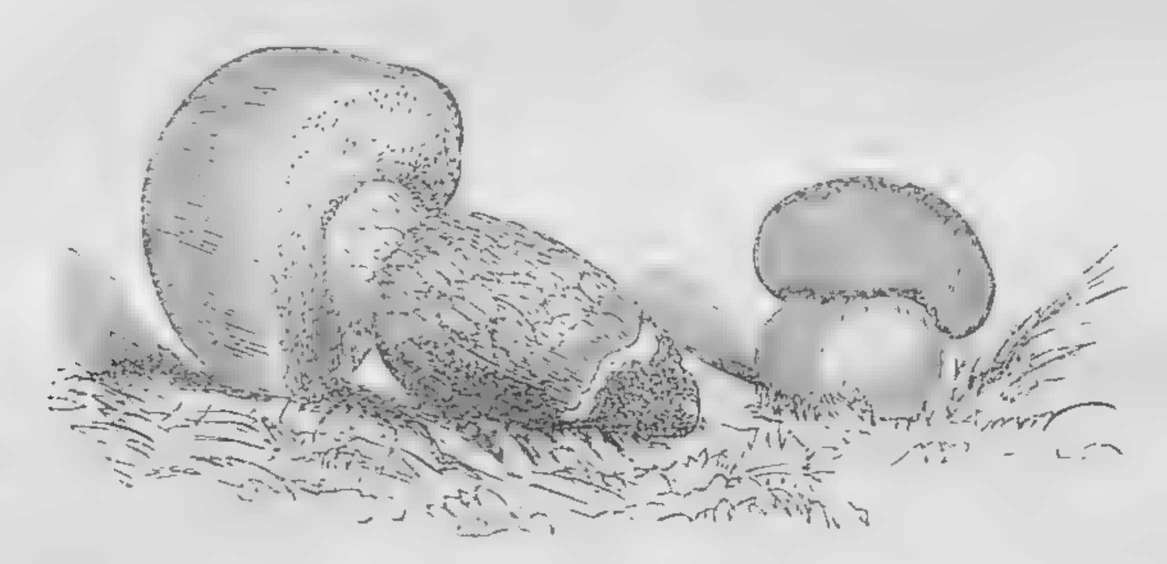
ГРИБЫ.

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ-нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рыжикомъ или съ бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена; у рыжика мы отличаемъ только округленный *пенекъ,* или ножку, ко-

торая поддерживаетъ *шляпку* гриба. Зеленый цвѣтъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ; но они отличаются довольно разнообразными и иногда яркими цвѣтами, несмотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожъ найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и ощущенія; слѣдовательно, оба они растенія.

Яблоня и грибъ различаются между собою способомъ размноженія. У яблони мы различаемъ цвѣтки, самую существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плодничкн. Изъ цвѣтовъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣмянъ, которыя, въ свою очередь, являются зародышами будущихъ поколѣній.

Бѣлые грибы.

У грибовъ цвѣтовъ нѣтъ; они размножаются *крупинками,* которыя во много разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для отличія отъ настоящихъ сѣмянъ, называются *спорами.* Споры, у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. у рыжика или сыроѣжки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, на тонкихъ и нѣжныхъ пластинкахъ, идущихъ отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч. нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усѣяна маленькими дырочками, которыя суть не что иное, какъ отверстія весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, расположенныхъ отвѣсно и плотно примы-

кающихъ одна къ другой, отчего вся нижняя часть гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются споры, служащія для размноженія грибовъ.

Когда сѣмячко яблони попадаетъ въ сырую и теплую землю, то, по прошествіи нѣкотораго времени, появляются изъ него два сѣмянные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, изъ которой впослѣдствіи разовьется стебель съ листьями, цвѣтами и плодами. Грибъ, послѣ кратковременной своей жизни, весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цвѣтковыхъ растеній, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самого гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во всѣ стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Эта сѣтка и составляетъ собственно растеніе гриба и называется *грибницей*. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ скучиваются болѣе, нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли въ видѣ маленькихъ бугорковъ. Пенекъ и шляпка молоденькаго грибка, представляющаго бугорокъ, при его появленіи на свѣтъ, по большей части, бываютъ покрыты одною общею перепонкою и запрятаны какъ-бы въ мѣшкѣ; впослѣдствіи перепонка эта разрывается, и шляпка гриба высвобождается изъ-подъ нея. На пенькѣ и на шляпкѣ иногда можно замѣтить остатки этой общей разорванной оболочки, которая, напримѣръ, очень ясно видна на ножкѣ опенка въ видѣ воротничка и на красной шляпкѣ мухомора въ видѣ бѣлыхъ пятенъ.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно; грибы же, напротивъ, растутъ необыкновенно быстро, такъ что нѣкоторые виды грибовъ въ одну ночь успѣваютъ вырости и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По причинѣ такого быстраго роста, большая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы: рыжики, березовики, масленники, подосиновики, бѣлые (боровики) грибы и

проч., которые имѣютъ шляпку, укрѣпленную на пенькѣ или ножкѣ, попадаются грибы весьма разнообразные по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидные, величиною съ картошку, прикрѣпленные къ землѣ очень коротенькою ножкою; они наполнены черною пылью—спорами. Есть грибы микроскопическіе, т. е. такіе, которые едва замѣтны простымъ глазомъ и могутъ быть хорошо разсмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Классъ грибовъ очень обширенъ: число видовъ грибовъ, извѣстныхъ до сихъ поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты: таковъ, напримѣръ, мухоморъ.

Всѣ грибы растутъ на гніющихъ веществахъ и питаются ими, а не сокомъ изъ земли, какъ обыкновенныя растенія. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гніющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, гнилыхъ щепкахъ, бревнахъ и на стѣнкахъ въ сырыхъ погребахъ, есть также грибъ. Плѣсень произвести очень не трудно: стоитъ только густо разведенный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ покоѣ; на вторыя или третьи сутки замѣтимъ на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ или пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибковъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся сверху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся споры, служащія для размноженія. Безъ сомнѣнія, нѣсколько такихъ споръ, плавающихъ въ воздухѣ, попало на поверхность крахмала и, найдя тамъ начало гніенія, произвело новую колонію едва замѣтныхъ въ отдѣльности грибковъ. Микроскопическія споры чужеядныхъ грибовъ попадаютъ на растенія и, развиваясь въ нихъ, производятъ болѣзни этихъ растеній: такъ, напр., есть болѣзни картофеля, винограда и проч. Чужеядные микроскопическіе грибки чернаго цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто, покрываютъ собою колосья ржи и овса какъ бы сажею; грибки эти, высасывая сокъ изъ колосьевъ, совершенно пріостанавливаютъ ростъ сѣмянъ

Микроскопическіе чужеядные грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошковатаго налета на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растеній, и нерѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его силы.

Теперь даже стало извѣстно, что нѣкоторыя болѣзни у человѣка происходятъ отъ сильнаго развитія микроскопическихъ грибковъ.

КЛАССИФИКАЦІЯ РАСТЕНІЙ.

Давно уже люди стали считать, сколько есть на свѣтѣ различныхъ *видовъ* растеній; насчитывали болѣе 200 тысячъ—и не сочли всѣхъ. Трудно было бы найтись и ученому человѣку въ такомъ множествѣ растеній, если бы онъ не постарался привести ихъ въ порядокъ и, подмѣчая сходные признаки, не раздѣлилъ бы всего растительнаго *царства* такъ же, какъ раздѣлилъ царство животное: на отдѣлы, классы, отряды, семейства, роды и виды. Мы разсмотрѣли съ вами довольно немного растеній, но и тѣ перезабудемъ скоро, если не приведемъ ихъ въ порядокъ, не распредѣлимъ ихъ по группамъ, какъ сдѣлали это съ животными.

Мы замѣтили уже, что въ сѣменахъ однихъ растеній лежитъ зародышъ съ двумя *зародышевыми листиками,* или *долями*, а въ сѣменахъ другихъ — только съ *одною сѣмянною долею.* Наконецъ есть еще растенія со *многими сѣмянными долями* (сосна). Вотъ у насъ готовы три большіе класса растеній: 1) классъ растеній *однодольныхъ,* 2) классъ растеній *двудольныхъ* и 3) классъ растеній *многодольныхъ.*

Въ классѣ *двудольныхъ* мы узнали нѣсколько растеній, принадлежащихъ къ различнымъ *семействамъ.*

Всѣ сорты яблонь и грушъ (различныхъ сортовъ этихъ плодовыхъ деревьевъ садовники насчитываютъ до 2 т.) составляютъ особое семейство—*яблонныхъ.* Къ этому семейству относятъ ботаники и знакомую намъ рябину, по устройству ея цвѣтка и плода.

Различные виды клена составляютъ семейство *кленовыхъ.* Въ Америкѣ растетъ кленъ, изъ сока котораго приготовляютъ сахаръ.

Вишня принадлежитъ также къ особому семейству *костянко-*

выхъ. Она, по своему цвѣтку и плоду съ косточкою, сродни черешнѣ, сливѣ, персику, абрикосу, черемухѣ и миндалю. У миндаля ѣдятъ, какъ вы знаете, только зернышко, которое покрываетъ твердая и невкусная кожа.

Земляника принадлежитъ также къ особой семьѣ; она въ родствѣ съ клубникой, малиной, ежевикой, костяникой, куманикой, морошкой, шиповникомъ и розою. Не правда ли, какое пріятное семейство? Зовутъ его семействомъ *розоцвѣтныхъ* растеній.

Мы уже знаемъ, что береза, ольха, дубъ, букъ, орѣхъ и каштанъ принадлежатъ, по расположенію цвѣтовъ, къ семейству *сережчатыхъ* растеній, а по различному строенію сережекъ, *плодниковыхъ* и *тычинковыхъ*.—къ растеніямъ *однодомнымъ*. Ива, осина, тополь и осокорь тоже *сережчатыя* растенія, но *двудомныя*. Одуванчикъ со сборнымъ цвѣткомъ причисляется къ обширному семейству *сложноцвѣтныхъ* растеній, въ которомъ ботаники насчитываютъ болѣе 9 т. видовъ. Такіе же сложные цвѣты у синяго василька, у красивой георгины, маргаритки, бархатки, астры и другихъ хорошенькихъ растеній, украшающихъ наши цвѣточныя клумбы. Выдергивая вкусныя сѣмечки изъ огромнаго донца подсолнечника, вы, вѣроятно, и сами замѣтите, что подсолнечникъ тоже сложноцвѣтное растеніе. Къ этому же семейству принадлежатъ употребляемые въ лѣкарствахъ: ромашка, тысячелистникъ, мать-и-мачиха и горькая полынь.

Мы упоминали еще о бобахъ, горохѣ и клеверѣ, и замѣтили, что у всѣхъ этихъ растеній красивые цвѣточки похожи на мотыльковъ. Къ семейству *мотыльковыхъ* относятся также фасоль и нѣкоторыя кормовыя травы; мышиный горошекъ и люцерна съ фіолетовыми цвѣточками.

Семействъ *двудольныхъ* растеній еще очень много; но вы познакомитесь съ другими, когда будете учиться ботаникѣ.

Изъ класса *однодольныхъ* растеній мы познакомились только съ представителями трехъ семействъ: семейства *лилейныхъ*, семейства *злаковъ* и семейства *пальмовыхъ*. Къ семейству *лилейныхъ* относятся лилія и лукъ, также тюльпанъ и спаржа. Семейство *злаковъ* и семейство *пальмъ* вы еще, конечно, не успѣли забыть.

Многодольныя растенія отличаются еще тѣмъ, что у нихъ сѣмена не заключаются въ завязи, какъ у яблони и вишни, а лежатъ *голыя*, какъ, напр., сѣмена сосны или ели, которыя лежатъ за чешуйками своей шишки. Изъ этого отряда *голосѣмянныхъ* или *хвойныхъ* растеній мы узнали только два семейства: *еловыхъ*—куда относятся сосна, ель, сибирскій кедръ, и *кипарисовыхъ*—куда относятся кипарисъ и можжевельникъ.

У всѣхъ этихъ растеній есть одинъ общій признакъ: всѣ эти растенія *цвѣтутъ*. Но есть и такія растенія, которыя никогда не цвѣтутъ и размножаются не сѣменами, а маленькими крупинками—*спорами*. Изъ такихъ не цвѣтущихъ, *споровыхъ* растеній наиболѣе намъ извѣстны: *папоротники, грибы* и *мхи*.

Напрасно бы вы, послушавшись народнаго повѣрья, пошли въ лѣсъ ночью, подъ Ивановъ день, дожидаться, когда расцвѣтетъ *папоротникъ*. Видно, нашъ народъ замѣтилъ, что папоротникъ никогда не цвѣтетъ, и подшутилъ надъ легковѣрными людьми, желавшими разбогатѣть сразу, безъ всякаго труда. Вы легко найдете въ лѣсу кустъ *папоротника;* сорвите же его *перистый* листъ и посмотрите на оборотную сторону. Тамъ вы увидите правильные ряды маленькихъ бугорковъ: вотъ въ этихъ-то бугоркахъ и развиваются тѣ маленькія крупинки—*споры,* которыми размножается папоротникъ.

Грибы принадлежатъ также къ числу споровыхъ растеній; споры скрываются у нихъ подъ шляпками или на шляпкахъ, въ углубленіяхъ (у сморчка).

Мховъ очень много видовъ. Они любятъ сырыя мѣста, растутъ большими обществами, и такъ одѣнутъ иной участокъ земли, что превратятъ его въ мягкій коверъ.

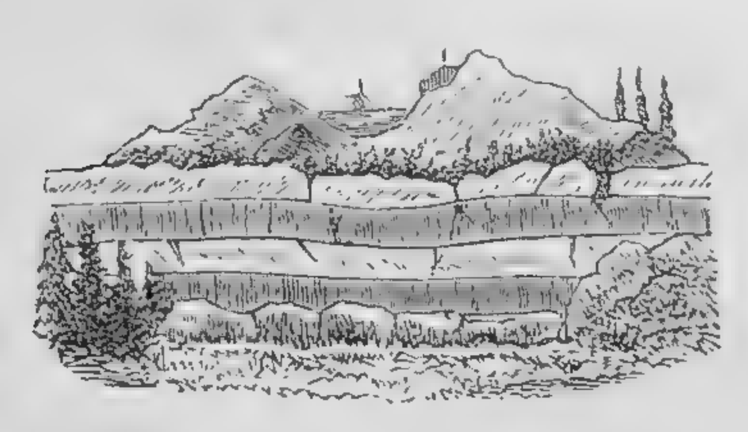
Къ отдѣлу *споровыхъ* растеній относятся еще *водоросли,* названныя такъ потому, что растутъ всегда въ водѣ; въ нашихъ прудахъ и канавахъ мы находимъ ихъ часто и называемъ обыкновенно тиной. Къ споровымъ же растеніямъ относятся и *хвощи,* имѣющіе видъ или темнозеленыхъ, суставчатыхъ палочекъ, торчащихъ изъ воды, или маленькихъ свѣтлозеленыхъ елочекъ, растущихъ на влаж-

ныхъ мѣстахъ. Сюда же нужно отнести *лишаи,* которые въ видѣ пленокъ или невысокихъ кустиковъ сѣраго цвѣта растутъ на деревьяхъ, камняхъ и землѣ. Между ними слѣдуетъ замѣтить олений лишай, которымъ питаются сѣверные олени.

Итакъ, мы узнали съ вами четыре большія группы растеній: 1) растенія *двудольныя,* 2) *однодольныя,* 3) *многодольныя,* или *голосѣмянныя* и 4) *споровыя.* Разскажите же теперь, какія вы знаете семейства въ каждой группѣ и какія растенія въ каждомъ семействѣ?

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играютъ важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоцѣнные каменья, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и прозѣ; но на скромный шиферъ немногіе обратили вниманіе. Однакоже, несмотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, что все равно, грифельная доска не мало способствуетъ къ образованію людей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнать ея исторію.

Ломка шифера.

Вотъ тропинка, ведущая въ горы по берегу ручья. Замѣтьте, какъ темна въ немъ вода; это отъ того, что ручей бѣжитъ по руслу изъ чернаго шифернаго камня. Но вотъ и горы; мы слышимъ уже стукъ молотовъ, шумъ падающихъ каменьевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ — и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой; наверху немножко земли, въ которой расползлись во всѣ стороны корни громадныхъ вѣковыхъ сосенъ.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣги и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ они разрѣзываютъ его на мелкіе куски и выскабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее пескомъ. Наконецъ, угольнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцовитость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянныя рамки, конечно, ужъ не трудно.

Разсказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Это никто навѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шифернаго камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня, желѣзной охры и угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы, вѣроятно, замѣтили, что иногда грифель проводитъ по доскѣ красную черточку: это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ попалось побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня, но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно разсмотрѣть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только ученый минералогъ можетъ разыскать составныя части шифера, разъединить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное время, когда земля здѣсь еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ илъ, который осаждался слоями гдѣ-нибудь въ спокойной бухтѣ; допотопныя морскія растенія, въ которыхъ было такъ же много угля, какъ и теперь въ каждомъ растеніи, дали, по всей вѣроятности, угольныя частицы, а желѣзо и другія составныя частицы шифера были принесены водою. Такимъ образомъ, изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образо-

вали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ теперь его находятъ. Если же мы не видимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растеній, какъ въ другихъ слоистыхъ породахъ камней, происшедшихъ отъ осадка въ водѣ, то это, можетъ быть, потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь, и, въ то же время, помогъ соединиться тѣснѣе всѣмъ составнымъ частямъ кремня. Шиферъ употребляется не только на грифельныя доски. Въ западной Европѣ, гдѣ его много, шиферомъ кроютъ крыши домовъ, дѣлаютъ изъ него панели и обкладываютъ имъ стѣны такихъ зданій, гдѣ постоянно идетъ вода.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУНЪ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ, каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, если бы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ состоитъ. Онъ не похожъ на шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Въ булыжникѣ вы не видите такихъ слоевъ, какъ въ шиферѣ; напротивъ, онъ какъ будто весь слѣпленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко —это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое стекловидное зернышко—это кусочекъ *кварца;* а вотъ и свѣтлая блестка—это *слюда,* которую также находятъ иногда отдѣльными, довольно большими кусками. Итакъ, булыжникъ составленъ изъ нѣсколькихъ частей и долженъ считаться не минераломъ, а *горной породой.* Горная порода, состоящая изъ вышеупомянутыхъ минераловъ, называется *гранитомъ.*

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плотную массу? Этого также никто хорошенько не знаетъ; но видно только, что тутъ работалъ страшно сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди,

занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь царитъ внутри земного шара, и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканѣ съ водою, и дадите смѣси спокойно отстояться, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ на днѣ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ котораго сдѣланы наши доски, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ не замѣтно,—силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня и потому называется *огненною* породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ вырости здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ бы могъ выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи, или, можетъ быть, даже Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ, вѣроятно, идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно, подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленныя, расплавленныя вышли онѣ оттуда, и потомъ, мало-по-малу, застыли въ воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человѣкъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то въ видѣ громадныхъ куполовъ.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоитъ взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы, стоящей и теперь гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или въ Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу верстъ? Конечно, никто не привезъ на лошадяхъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привезти для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся высѣчена изъ одного такого камня, найденнаго невдалекѣ отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, разсказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, разскажетъ намъ и о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской гранитной скалы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою: скала казалась все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Солнце, вѣтеръ, дождь и морозъ постепенно разрушаютъ и твердыя скалы: на нихъ появляются сначала незамѣтныя трещины, въ которыя попадаетъ вода, замерзаетъ тамъ и тѣмъ самымъ раздвигаетъ частицы камня все дальше и дальше. Наполните бутылку водою, закупорьте и выставьте ее на морозъ; когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ. И вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, рухнулся со скалы и покатился внизъ; а тамъ уже лежало много подобныхъ ему камней, и лежали бы они вѣки вѣковъ. Но вотъ мало-по-малу климатъ сталъ мѣняться, становилось все холоднѣе и холоднѣе, обильно выпадавшій снѣгъ уже не таялъ, а вѣками скоплялся и постепенно покрылъ всю сѣверную Европу. Отъ сильнаго давленія верхнихъ слоевъ, снѣгъ внизу смерзался и образовалъ сплошной ледъ, имѣвшій толщину, какъ предполагаютъ геологи, около двухъ верстъ и болѣе. Этотъ великій и мощный ледникъ имѣлъ видъ выпуклаго щита и простирался на тысячи верстъ; своими размѣрами онъ значительно превосходилъ извѣстные намъ современные ледники (глетчеры), какъ, напр., альпійскіе и обширный Гренландскій. Вершина великаго ледника была на Скандинавскихъ горахъ, и оттуда онъ спускался къ югу и въ стороны, и захватывалъ всю сѣверную часть Европы, а слѣдовательно и вся полоса нынѣшней сѣверной и средней Россіи была тогда подо льдомъ. Но этотъ великій ледникъ не лежалъ на землѣ покойно, а постоянно двигался отъ своего центра къ окраинамъ, вслѣдствіе сильнаго напора съ сѣвера, гдѣ постоянно прибавлялся снѣгъ, на окраинахъ же своихъ онъ постепенно таялъ. Такое же движеніе наблюдается и нынѣ въ современныхъ намъ ледникахъ: они

текутъ подобно рѣкамъ, но очень медленно, и замѣтить это теченіе можно только посредствомъ разстановки на нихъ вѣхъ. Наблюденія, произведенныя надъ Гренландскимъ ледникомъ, показали, что въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ онъ течетъ со скоростью одного метра ($1^1/_2$ арш.) въ сутки. Великій ледникъ, двигаясь, разрушалъ скалы, увлекалъ за собою ихъ обломки, а также и камни, находившіеся на днѣ ледника; камни эти отъ сильнаго тренія округлялись и даже растирались въ песокъ. Впослѣдствіи, черезъ много вѣковъ, когда климатъ сталъ измѣняться и опять становилось теплѣе, ледникъ таялъ и, постепенно уменьшаясь, отступалъ все больше и больше на сѣверъ, обнажая землю, покрытую камнями; вода же, происходившая отъ таянія ледника, образовала озера, болота и рѣки. Такъ вотъ какъ попалъ сюда нашъ камень!

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человѣкъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчистить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему строить фундаментъ для дома, тамъ ограду изъ камней, а тамъ сложить изъ нихъ цѣлую избу, тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дошло дѣло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось ужъ очень плохо. Тщательно разыскивали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мхомъ; отыскали, свезли въ кучи, и тысячи молотковъ принялись усердно колотить твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы, что при желѣзныхъ дорогахъ могли отдохнуть камни, но не тутъ-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиной; опять бьютъ камень на куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ, чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысячепудовая машина.

Такъ заботился Всемогущій Господь о человѣкѣ, когда еще человѣка не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ—водѣ, вѣтру и огню—приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ; хотя

долго еще послѣ этого человѣкъ не имѣлъ понятія ни о шоссе, ни о желѣзныхъ дорогахъ, и передвигался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлать лошадь. Но Всемогущій Творецъ подарилъ человѣку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что разскажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы сумѣемъ заставить его говорить; и если бы люди забыли Бога, то самые камни могли бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человѣку.

ИЗВЕСТЬ.

Отецъ давно хотѣлъ показать дѣтямъ, какъ добываютъ и обжигаютъ известь, и наконецъ повелъ ихъ за городъ, гдѣ, въ крутомъ и высокомъ берегу рѣки, множество работниковъ ломали известковый камень, разбивали его на мелкіе кусочки и складывали въ телѣги.

„Теперь вы видѣли, откуда добывается известковый камень, но этого мало, сказалъ дѣтямъ отецъ: пойдемъ за телѣгами и посмотримъ, куда это везутъ известковый камень и что съ нимъ дѣлаютъ“.

Телѣги, проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженей, остановились у громадной печи.

„Въ этой печи обжигаютъ известь, сказалъ отецъ: въ нее, какъ вы видите, кладутъ известковые камни такъ, чтобы между ними оставались пустоты, въ которыя могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводятъ сильный огонь и поддерживаютъ его нѣсколько дней сряду. Пламя, проникая между камнями, раскаливаетъ ихъ дотого, что изъ нихъ въ видѣ пара выходитъ вся находившаяся въ нихъ вода, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое и легкое, какъ воздухъ, но только не воздухъ: это вещество называется *углекислымъ газомъ* или просто *угольною кислотою*. Когда вся вода испарится, и вся угольная кислота улетитъ, тогда гасятъ огонь и вынимаютъ изъ печи *известь*, которая получила новое, удивительное свойство. Дотроньтесь влажною рукою или губами до куска обожженой извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходитъ отъ того, что известь съ необыкновенною жад-

ностью потянетъ въ себя влагу, которою покрыта ваша рука или ваши губы“.

Отецъ взялъ кусокъ обожженой извести и, положивъ на землю, сталъ на него лить понемногу воду: вода кипѣла и испарялась, какъ будто бы ее лили на горячую плиту; кусокъ извести, бывшій до того холоднымъ, сильно разгорячился и, наконецъ, разсыпался въ мелкій порошокъ.

„Это значитъ—гасить известь, сказалъ отецъ дѣтямъ.—Возьмите этотъ порошокъ въ руки: вы чувствуете, что онъ совершенно сухъ, хотя въ немъ довольно много воды. Если на три фунта выжженой извести налить фунтъ воды, то мы получимъ четыре фунта такого бѣлаго порошка; слѣдовательно, въ этомъ сухомъ порошкѣ находится фунтъ воды, хотя ее совершенно не замѣтно. Такое стремленіе къ соединенію двухъ тѣлъ, при которомъ они образуютъ одно новое, называется *химическимъ сродствомъ*. Негашенная известь и вода имѣютъ между собою химическое сродство. Большая часть тѣлъ—сложныя тѣла и состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ *простыхъ тѣлъ,* т. е. такихъ, которыхъ химики не могли уже *разложить* на какія-нибудь другія тѣла. Вы знаете нѣсколько простыхъ тѣлъ: золото, желѣзо, ртуть, мѣдь, уголь; но дерево, вода, соль и многія другія тѣла—тѣла сложныя. Наука, которая показываетъ свойства простыхъ тѣлъ и изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ составлены всѣ тѣла, называется *химіей,* а люди, занимающіеся ею,—*химиками.*

„Замѣтивъ въ негашеной извести сильное сродство къ водѣ, люди пользуются этимъ свойствомъ, чтобы извлекать воду отвсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть; такъ, напримѣръ: если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько кусковъ негашеной извести, и хотя вода сродна со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно, но съ известью она еще роднѣе, а потому оставляетъ спиртъ и соединяется съ известью. Если оставить обожженую известь на воздухѣ, то она скоро потеряетъ свое жгучее свойство, потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известь соединяется. Вотъ почему—когда хотятъ сохранить известь негашеною, то складываютъ

и закрываютъ ее такъ, чтобы къ ней не прикасался воздухъ. Я также сказалъ вамъ, что огонь выгналъ изъ известковаго камня газообразное, похожее на воздухъ вещество, называемое угольною кислотою. Въ воздухѣ всегда довольно угольной кислоты, и потому, если известь долго оставлять на воздухѣ, то она химически соединится съ угольною кислотою и превратится въ углекислую известь. Добываемый изъ земли мѣлъ есть не что иное, какъ химическое соединеніе извести и угольной кислоты, т. е. *углекислая известь.* При быстромъ гашеніи извести, когда на нее льютъ много воды, изъ нея образуется тѣсто, которое каменщики употребляютъ какъ цементъ, чтобы связать кирпичи, изъ которыхъ строятся дома. Но кирпичъ съ кирпичемъ и песокъ съ известью соединяются не *химически,* а *механически.* Механическимъ это соединеніе называется потому, что въ немъ каждая песчанка остается песчинкою и каждый кусочекъ извести— известью; тогда какъ изъ воды и обожженой извести составляется новое тѣло, равно какъ изъ извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезаютъ для глазъ такъ, что ихъ можно выдѣлить только посредствомъ сильнаго огня".

РУЧЕЙ.

Много я слышалъ о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что̀ такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, пробивающійся изъ-подъ большого камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что такое онъ болтаетъ. Безчисленныя маленькія волны, перегоняя другъ друга и журча, пробиваются между камнями и пескомъ, подымая и кругя его бѣлыя зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, разскажите мнѣ, зачѣмъ вы такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О! залепетали волны, насъ много и очень много: тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть невозможно; мы всѣ хотимъ выйти на Божій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ!

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли же вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь, какъ знакъ, что воды снова скрылись въ землю?

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—залепетали волны, перебивая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ спѣшила разсказать свою исторію, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиночкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразсказали мнѣ.

— Мы, сказали двѣ капли, были снѣжинками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ, на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залепетали другія капли, и, увы, согрѣшили: положили на землю тяжелый колосъ.—А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ новыя капли.—Мы носили корабли на морѣ; мы утолили жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вспѣнивалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы—вкуснымъ виномъ; мы—лѣкарствомъ; мы—ядомъ; мы—молокомъ... звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы, съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ:—я была когда-то слезою, прошептала она; я—каплей пота, сказала вслѣдъ за ней другая, падая на землю; а я уже была въ твоемъ сердцѣ, прозвенѣла третья,—была теплой капелькой крови, а потомъ, когда ты дохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ, и стряхнулъ обратно въ рѣку остальныя капли, не слушая болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: разскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра и будутъ лежать тамъ вѣчно; развѣ человѣкъ выкопаетъ ихъ и построитъ изъ нихъ дома? Но какъ же я удивился, когда ручей сталъ говорить диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывши дождемъ или

снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже вашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самые затѣйливые ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ разсказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и гномахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охраняютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти гномы и духи—мы, маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малыми и безсильными, но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слыхалъ, что капля, падая за каплей, пробиваетъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не подъ-силу маленькой каплѣ, и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ извести и гипса блестящіе, красивые кристаллы. Такъ же мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленый и голубой кусочекъ мѣднаго купороса, и раскрашиваемъ ими другіе каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но милліоны водяныхъ капель растворили въ себѣ эту соль и унесли ее куда-нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть, въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ той пещерѣ намъ привольно работать; звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимые нами кусочки камня, строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на ваши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнышкѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту: только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки (сталактиты), сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ подземныя озера; потомъ выбѣгаютъ оттуда въ разсѣлины скалъ и прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Если на дорогѣ попадается кусокъ дерева, мы начнемъ хлопотать изо всѣхъ силъ: каждую клѣточку наполнимъ кремнемъ или известкой,

дерево же разломаемъ и унесемъ прочь; въ этомъ случаѣ мы сдѣлаемъ то, что̀ вы называете окаменѣлымъ деревомъ, но называете его такъ совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать изъ камня каждую трубочку, каждую ячейку!

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ раз-

Пещера.

сказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало-по-малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, съ деревьями, которыя росли на землѣ, рухнула въ долину и засыпала четыре деревни съ людьми и животными. Но я прервалъ печальный разсказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Разскажите-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много растворяютъ въ себѣ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣ-

нія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и маленькій камешекъ, и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несутъ твои хлопотливые работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки: насъ уже давно ждутъ милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища, а для жилищъ этихъ нужно много известки.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растеній ждутъ насъ давно; даже травка на берегу, и та проситъ, чтобы мы дали ей частичку.—Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли,—воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни другія водяныя животныя.—Мы несемъ угольную кислоту; мы—гипсъ; мы—желѣзо; мы—фосфоръ; мы—множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ—людямъ. Не вы ли приходите лѣчиться къ намъ и рады-радехоньки, когда почуете, что въ насъ есть или сѣра, или желѣзо, или какой-нибудь другой минералъ, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете отъ сору, устраиваете для насъ красивые бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостинницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ, или другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, зажурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покоя и даже трудолюбивѣе муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно сус-

тятся, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. Наработавшись вволю въ облакахъ и въ травѣ, которую мы такъ освѣжаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки; изъ ручья бѣжимъ мы въ рѣку, изъ рѣки въ широкое, безбрежное море; тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъ устали и не скучаемъ: намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божьемъ мірѣ и поимъ неисчислимые милліоны растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобы и я не прожилъ безъ пользы, а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

КЛАССИФИКАЦІЯ МИНЕРАЛОВЪ.

Минералы, или ископаемые, какъ ихъ называютъ, потому что они выкапываются изъ земли, отличаются одинъ отъ другого формою кристалловъ, поверхностью излома, твердостью, цвѣтомъ, блескомъ и проч. Всѣ минералы мы можемъ раздѣлить на четыре группы: въ 1-ю помѣстимъ металлы, во 2-ю—земли и камни, потому что камень, размельчившись, дѣлается составною частью земли; въ 3-ю—соли, въ 4-ю—горючіе минералы.

Металлы—тѣла простыя, по виду отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, тяжелы, ковки, плавятся и удобно принимаютъ различныя формы. Металлы мы раздѣлимъ съ вами на два разряда: въ первый помѣстимъ такъ называемые *драгоцѣнные* или *благородные* металлы; во второй—металлы простые, которые также называютъ *неблагородными*, хотя для человѣка нѣкоторые изъ нихъ гораздо полезнѣй самого золота. Къ благороднымъ металламъ относятся золото, серебро, платина: изъ нихъ дѣлаютъ монету (изъ платины мо-

неты теперь уже не дѣлаютъ) и разныя дорогія вещи и украшенія. Къ простымъ или неблагороднымъ металламъ относятся: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, ртуть, которая такъ же металлъ, хотя и въ жидкомъ видѣ, цинкъ, который входитъ, какъ составная часть, во множество сплавовъ, и многіе другіе, которыхъ мы не знаемъ.

Земли и *камни* не имѣютъ ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются въ водѣ, не горятъ и не тянутся. Нѣкоторые изъ камней состоятъ изъ знакомаго намъ кремнезема, какъ, напримѣръ, кремень, горный хрусталь, кварцъ, халцедонъ, опалъ и проч.; въ другихъ главною составною частью бываетъ вещество, содержащееся въ глинѣ, какъ, напримѣръ, въ сапфирѣ, рубинѣ, изумрудѣ и друг.; третьи содержатъ въ себѣ известь, какъ, напримѣръ, известковый камень, плитнякъ, мѣлъ, мраморъ, гипсъ. Нѣкоторые камни какъ бы слѣплены изъ кусковъ различныхъ земель и камней, какъ, напримѣръ, гранитъ, порфиръ и песчаникъ, который состоитъ весь изъ песчинокъ. Камни, какъ и металлы, раздѣляются на драгоцѣнные и простые. Самый драгоцѣнный камень—алмазъ: онъ весь состоитъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ вовсе не драгоцѣнный уголь и графитъ, употребляемый въ карандашахъ. Бриліантомъ называется тотъ же алмазъ, только отшлифованный особеннымъ образомъ. Къ драгоцѣннымъ же камнямъ, кромѣ алмаза, относятся красный рубинъ, синій сапфиръ, зеленый изумрудъ, золотистый топазъ, зеленоватый бериллъ, малиновый гранатъ, фіолетовый аметистъ, молочный опалъ и другіе.

Къ недрагоцѣннымъ камнямъ и землямъ относятся всѣ тѣ, которые попадаются въ большомъ количествѣ и большими массами. Изъ земель мы знаемъ съ вами глину и известку. Песокъ состоитъ изъ крошечныхъ песчинокъ, которыя, смѣшавшись, напримѣръ, съ глиною, образуютъ песчаную землю. Черноземомъ называется земля, въ которой много остатковъ сгнившихъ растеній: такая земля очень плодородна; она покрываетъ огромныя пространства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Къ *солямъ*, кромѣ извѣстной намъ поваренной соли, относятъ также селитру, которая идетъ на выдѣлку пороха и на солку говядины; горькосоленую глауберову соль, употребляемую какъ лѣкарство; поташъ, идущій на выдѣлку стекла и мыла, и друг.

Къ горючимъ минераламъ причисляются каменный уголь, который есть не что иное, какъ обуглившіеся въ водѣ остатки допотопныхъ лѣсовъ, которые росли на сушѣ, а когда суша опустилась, то они покрылись водою и были занесены осадками. Къ горючимъ же ископаемымъ веществамъ относятъ также торфъ, образующійся изъ растеній въ нашихъ болотахъ, и янтарь, который есть не что иное, какъ смола допотопныхъ деревьевъ.

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божію; но человѣка на ней еще не было, и некому было любоваться ея красотою. Днемъ яркое солнце всходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали миріады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, высоко вздымался чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы подымали выше облаковъ свои блестящія серебряныя вершины; повсюду лились полныя, синія рѣки, кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады, журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ драгоцѣнные камни, носились въ воздухѣ; соловей пѣлъ свою громкую пѣсню; — но человѣка еще не было, и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Солнце, луна и звѣзды, блестящія, но безчувственныя, текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не услаждала ничьего слуха. Животныя, хотя и видѣли и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось; не требуя красоты, оно искало только пищи и, пожи-

рая премудрыя созданія Божіи, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностью: „Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ, какъ я люблю Тебя!“ Все, что было создано, жило по законамъ Создателя и не могло жить иначе; не имѣя своей воли, не могло грѣшить; зато не могло дѣлать и добра, не зная, что такое зло и добро.

Увидя, какъ хорошъ міръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое бы, по безсмертному духу своему, было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной, — которое бы исполняло Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, не понимая ихъ мудрость и благость, а стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію, и убѣгало бы лжи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

„Создадимъ человѣка по образу и по подобію Нашему“, сказалъ Господь и, сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ безсмертную, разумную и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ: съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на міръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастія, благодарности и любви къ Создателю.

„Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному“, подумалъ Господь и, желая увеличить счастіе человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: „Любите другъ друга, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вамъ!“

Мѣсто, гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ,—тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаютъ свои воды. Но, увы, теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня. Видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердно—и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

———

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

(Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый, сѣдой, какъ лунь, монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій, спитъ).

Пименъ. Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя, исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ: когда-нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безымянный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, и пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ, да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу, своихъ царей великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу, за добро—а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу; минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось событій полно, волнуяся, какъ море-океанъ? Теперь оно безмолвно и спокойно: немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходитъ до меня, а прочее погибло невозвратно! Но близокъ день, лампада догораетъ—еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ)*.

Григорій *(пробуждается)*. Все передъ лампадой старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой, знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, когда, душой въ минувшемъ погруженный, онъ лѣтопись свою ведетъ! И часто я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ: о темномъ ли владычествѣ татаръ, о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна, о бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ, о славѣ ли отечества? — Напрасно! ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:

все тотъ же видъ смиренный, величавый... Такъ точно дьякъ *), въ приказахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

А. Пушкинъ.

ОСЛѢПЛЕНІЕ ВАСИЛЬКА.

(1097).

Въ 1097 году князья русскіе рѣшились уладить свои распри миромъ и собрались на съѣздъ въ Любечѣ, на берегу Днѣпра. Тутъ были внуки Ярослава: Святополкъ — великій князь Кіевскій, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Олегъ и Давидъ Святославичи и правнукъ Ярослава, Василько Ростиславичъ. Здѣсь снова раздѣлили они между собою русскія области и цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы жить имъ мирно, не обижать другъ друга и всѣмъ идти на того, кто первый подыметъ ссору.

Но тутъ же одинъ изъ удѣльныхъ князей — Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, захотѣлъ увеличить его на счетъ своего сосѣда, Василька Ростиславича, и задумалъ противъ него злое дѣло. Пріѣхавъ въ Кіевъ, онъ напугалъ великаго князя Святополка тѣмъ, что будто Василько съ Владиміромъ Мономахомъ думаютъ отнять у него Кіевскую область, и когда Василько, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева со своею дружиною и остановился подъ Кіевомъ ночевать, то поутру Святополкъ прислалъ къ нему, говоря: „не уходи отъ именинъ моихъ". Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой; но тутъ прислалъ къ нему и Давидъ, говоря: „не ходи, братъ; не ослушайся брата старѣйшаго". Василько не послушалъ и Давида. „Видишь ли", сказалъ тогда Давидъ Святополку: „Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата; увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станетъ отнимать у тебя твои города; тогда вспомнишь слова мои, да будетъ поздно. Созови-ка лучше кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ". Святополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Ва-

*) Такъ назывался въ старыя времена главный чиновникъ въ судѣ.

сильку: „если не хочешь дожидаться именинъ моихъ, то приди, по крайней мѣрѣ, проститься и побесѣдовать со мною и Давидомъ“. Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ. На дорогѣ встрѣтилъ его отрокъ и сказалъ ему: „Не ходи, князь, въ Кіевъ: хотятъ тебя схватить“. Но Василько подумалъ: „какъ же имъ хотѣть схватить меня, когда они цѣловали мнѣ крестъ, чтобъ намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!“ перекрестился — и поѣхалъ.

Когда Василько съ малой дружиной въѣхалъ на княжескій дворъ, то Святополкъ встрѣтилъ его и повелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. „Останься съ нами на праздникъ“, сказалъ Святополкъ Васильку; но тотъ отвѣчалъ: „не могу остаться, братъ; я уже приказалъ моему обозу отправиться впередъ“. —„Позавтракай же, по крайней мѣрѣ, съ нами“, сказалъ Святополкъ; „посидите здѣсь немного съ братомъ, а я пойду распоряжусь“, и вышелъ вонъ. Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ было заговаривать съ нимъ, но Давидъ не отвѣчалъ ни слова (у него на сердцѣ было злое дѣло) и, посидѣвъ немного, всталъ и вышелъ. Тогда вошли воины, заковали Василька въ оковы, заперли въ горницу и приставили къ ней на ночь стражу. Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и кіевлянъ и, разсказавъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Василькѣ, спросилъ ихъ совѣта. „Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову“, отвѣтили кіевляне: „если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если же нѣтъ — то Богъ отомститъ Давиду“. Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ: „если пустишь — то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ“, и подговаривалъ на ослѣпленіе. Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ, небольшой городъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева, и засадили его въ тѣсную горницу, куда, спустя немного, вошелъ торчинъ и сталъ точить ножъ. Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. За торчиномъ еще вошли два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолѣть, потому что онъ защищался изо всѣхъ силъ. Тогда

пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, такъ что кости его захрустѣли, и ослѣпили. Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый; его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли во Владиміръ. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Воздвиженьѣ, провожатые князя остановились обѣдать; сняли съ него окровавленную сорочку и отдали вымыть попадьѣ. Попадья одѣла князя въ чистую сорочку и, сидя возлѣ, плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Но князь очнулся и спросилъ: „гдѣ я?" ему отвѣчали: „въ Воздвиженьѣ"; тогда онъ попросилъ напиться: напился и пришелъ въ себя: ощупалъ, что на немъ была чистая сорочка, и сказалъ: „зачѣмъ меня переодѣли? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ". Отобѣдавши, провожатые князя повезли его далѣе по дурной и тряской дорогѣ, по грудѣ, потому что тогда была осень, и грязь на дорогахъ взялась комьями. На шестой день привезли Василька во Владиміръ и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ, одинъ изъ внуковъ Ярослава, прозванный Мономахомъ, услышалъ объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, то горько заплакалъ и сказалъ: „такого зла не было еще въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ", и послалъ другимъ князьямъ сказать: „братья! исправимъ скорѣе это дѣло. Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю!" Нѣкоторые князья пристали ко Владиміру, и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку: „что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виновенъ, то ты могъ обличить его передъ нами". Святополкъ началъ извиняться, сваливая всю вину на Давида: „Давидъ", говорилъ онъ, „сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ убить меня, занять мои города, и что онъ и Владиміръ поклялись другъ другу выгнать меня изъ Кіева. Я долженъ былъ поневолѣ защищать свою голову; да и не я его ослѣпилъ, а Давидъ; онъ же и увелъ его къ себѣ".—„Это не извиненіе", отвѣчали послы Владиміровы: „не въ Давидовомъ городѣ взятъ и ослѣпленъ Василько, а въ твоемъ", и, сказавши это, ушли. На другой день, утромъ, войска Владиміра и его братьевъ стали переправляться черезъ Днѣпръ. Святополкъ испугался и хотѣлъ уже

бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру знатныхъ пословъ, говоря: „Умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской; если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее". Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ: „по истинѣ такъ", сказалъ онъ: „отцы и дѣды наши соблюли Русскую землю, а мы ее губимъ!" и согласился на миръ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида, такъ какъ Давидъ первый поднялъ весь этотъ раздоръ.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василіемъ, котораго Василько зналъ и любилъ. Этотъ-то Василій и описалъ страшное злодѣйство, котораго былъ отчасти очевидцемъ, а мы съ его словъ разсказали вамъ. „Мнѣ говорили", сказалъ Давидъ Игоревичъ Василію, „что Василько изъявилъ желаніе послать къ Владиміру и уговорить его воротиться. Поди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то я дамъ ему любой городъ", и перечислилъ при этомъ нѣсколько городовъ, принадлежавшихъ Васильку.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ слова Давида. „Не обѣщалъ я посылать къ Владиміру", отвѣчалъ Василько, „но, пожалуй, пошлю, чтобы изъ-за меня не проливать кровь; удивляюсь только, какъ это Давидъ дастъ мнѣ мои же города". Выславъ слугъ вонъ, сказалъ Василько монаху: „слышалъ я, что хочетъ Давидъ выдать меня ляхамъ; видно, не насытился онъ моею кровью— хочется еще! Я же ляхамъ много сдѣлалъ зла, хотѣлъ сдѣлать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюсь я смерти; но вотъ что скажу тебѣ: справедливо наказалъ меня Господь за мою гордость, потому что когда пришла ко мнѣ вѣсть, что могутъ придти ко мнѣ на помощь жиренди, печенѣги и торки, то я подумалъ: скажу-ка я братьямъ своимъ Володарю и Давиду—дайте мнѣ только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Самъ же думалъ: пойду зимою на ляшскую землю, а къ лѣту и возьму ее; а потомъ пойду на болгаръ дунайскихъ, захвачу ихъ и посажу на мои земли; потомъ

пойду войною на половцевъ и либо сложу свою голову, либо добуду себѣ славы. На братьевъ же моихъ, клянусь Богомъ! я не умышлялъ ничего злого; за гордость мою низложилъ меня Господь и смирилъ".

Однакоже Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы, а далъ ему волю только тогда, когда братъ Василька, Володарь, принудилъ его къ тому силою.

Выпущенный на волю, Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся мстить Давиду и принудилъ его выдать тѣхъ людей, которые подучили Давида на злое дѣло. Василько повѣсилъ этихъ людей и велѣлъ разстрѣлять ихъ стрѣлами. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Изъ этого разсказа объ ослѣпленіи Василька мы уже можемъ заключить, что Владиміръ, прозванный Мономахомъ, былъ очень умный, справедливый и добрый князь, любилъ народъ и заботился о благѣ всей Русской земли. Вотъ почему, по смерти Святополка (1113 г.), кіевляне, собравшись на совѣтъ, объявили, что не хотятъ имѣть другого князя, кромѣ Владиміра, и послали звать его на престолъ великокняжескій.

ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

(1113—1125).

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Владиміръ, прозванный Мономахомъ, много послужилъ Русской землѣ еще при отцѣ своемъ, Всеволодѣ Ярославовичѣ, и потомъ въ княженіе своего брата Святополка. По всей Руси извѣстенъ былъ Мономахъ своимъ миролюбіемъ, вѣрностію своему слову, любовью къ народу, милосердіемъ къ бѣднымъ, справедливостью ко всѣмъ, гостепріимствомъ, дѣятельностью, благочестіемъ, великимъ умомъ и великимъ мужествомъ. Не разъ отражалъ онъ набѣги половцевъ, не разъ билъ ихъ и въ самыхъ степяхъ; болѣе ста половецкихъ хановъ полонилъ и выпустилъ на волю, болѣе двухъ сотъ перебилъ и утопилъ. Такъ, въ 1103 году сошелся Владиміръ съ великимъ княземъ Святополкомъ и сталъ думать съ нимъ, какъ бы имъ напасть на половцевъ, которые во время раздоровъ дѣтей и внуковъ Ярослава разорили много городовъ, построенныхъ по

окраинамъ степи, врывались и въ самый Кіевъ. Дружина Святополка стала говорить, что не годится весною отнимать земледѣльцевъ отъ пашни и отбирать отъ нихъ лошадей. „Странно мнѣ, сказалъ на это Владиміръ, что жалѣете вы лошади, которою пашетъ пахарь, а того не думаете, что начнетъ пахарь орать, а половчанинъ пріѣдетъ, убьетъ пахаря стрѣлою, возьметъ и лошадь, а въѣхавъ въ село, возьметъ и жену пахаря, и дѣтей его, и все его имѣніе. Вамъ жаль лошади пахаря, а самого его, видно, не жаль!" На это ничего не могла отвѣчать дружина Святополка, а Святополкъ всталъ и сказалъ: „Я готовъ идти съ тобою".—„Великое добро сдѣлаешь, братъ, ты землѣ Русской", отвѣчалъ ему Владиміръ. И послали они приглашать другихъ князей, изъ которыхъ одни согласились идти съ ними, а другіе отказались.

Однакоже войска собралось довольно, и пошли русскіе внизъ по Днѣпру, на коняхъ и въ лодкахъ, и остановились пониже пороговъ, у острова Хортицы, который не разъ былъ сборнымъ мѣстомъ нашихъ степныхъ походовъ. Отсюда пошли они въ глубь степей, къ самому Дону, куда заходилъ только одинъ Святославъ. На берегахъ Сала, рѣчки, впадающей въ Донъ, русскіе сошлись съ главными толпами половецкими. Половцевъ было такъ много, что нельзя было и обозрѣть, и полки половецкіе, какъ боровы, двинулись на русскихъ. Но русскіе дрались мужественно, такъ что ужасъ нашелъ на половцевъ, и разбѣжались они куда попало. Русскіе же преслѣдовали ихъ по степи и убили до 20 пановъ, а одного изъ нихъ, Бельдюзя, взяли въ плѣнъ и привели къ Святополку. И началъ Бельдюзь давать за себя и золота, и серебра, и камней, и скота много; но Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. „Ты вѣдь зналъ", сказалъ хану Владиміръ, „что вы клялись не воевать Русской земли; зачѣмъ же ты не уговаривалъ людей своихъ и племя свое не преступать клятвы; а еще и самъ проливаешь кровь христіанскую?" и велѣлъ убить его.

Слухъ объ этой побѣдѣ разнесся не только по Руси, но и въ чужихъ земляхъ, и еще болѣе возвеличилъ имя Владиміра.

Вотъ почему, когда умеръ Святополкъ, кіевляне никого не хотѣли имѣть своимъ княземъ, кромѣ Владиміра Мономаха, и въ

Кіевѣ сдѣлался даже бунтъ, такъ какъ Владиміръ медлилъ принять Кіевскій престолъ.

При Владимірѣ Мономахѣ Русь успокоилась: междоусобія прекратились, потому что младшіе князья повиновались Владиміру, какъ отцу, а кто пытался заводить междоусобія, того онъ наказывалъ, отнимая удѣлъ.

Владиміръ оставилъ дѣтямъ своимъ длинное поученіе, изъ котораго можно видѣть, какъ жилъ этотъ дѣятельный князь.

„Всѣхъ большихъ походовъ моихъ, пишетъ Владиміръ, было 83, а меньшихъ и не упомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я миръ съ половцами еще при отцѣ, а потомъ безъ отца; сто князей половецкихъ выпустилъ изъ плѣна, а до двухъ сотъ перебилъ и потопилъ. Много трудился я на охотѣ, по сту туровъ (зубровъ) угонивалъ въ лѣто, вязалъ дикихъ коней своими руками по десяти и двадцати. Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ; олень бодалъ; одинъ лось топталъ ногами, а другой бодалъ; дикій кабанъ сорвалъ у меня мечъ; медвѣдь прокусилъ попону у самаго колѣна; лютый звѣрь вскочилъ на меня и опрокинулъ коня подо мною; — но Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Сколько разъ падалъ я съ коня! дважды разбилъ себѣ голову; повреждалъ руки и ноги и не берегъ головы своей съ юности. Что нужно было дѣлать отрокамъ моимъ, то я дѣлалъ самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ зной и холодъ, не давая себѣ покою. Не надѣялся я ни на посадниковъ, ни на бирючей, а самъ дѣлалъ все, что было надобно. Не давалъ я обидѣть убогой вдовицы и бѣднаго пахаря; самъ заботился о церковной службѣ. Но не думайте, дѣти, или тотъ, кто прочтетъ мое завѣщаніе, что я хвастаюсь: нѣтъ, только хвалю Бога и прославляю милость Его, что Онъ столько лѣтъ соблюдалъ меня грѣшнаго отъ всякой смертельной опасности и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всякое дѣло, потребное человѣку. Такъ и вы, дѣти мои, смерти не бойтесь ни на войнѣ, ни па охотѣ; но творите всякое дѣло, приличное мужчинѣ, какъ вамъ Богъ дастъ. Если не суждено Богомъ, то не погибнете вы ни па войнѣ, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни съ коня упавши; а если смерть назначена отъ Бога, то не спасутъ васъ ни отецъ, ни мать, ни братья!“

Кромѣ того, Владиміръ въ поученіи своемъ даетъ дѣтямъ разные совѣты, изъ которыхъ видно, какъ этотъ князь смотрѣлъ на обязанности князя и человѣка. „Нигдѣ и никогда, говоритъ онъ, не забывайте Господа и уповайте на Него; покаяніе, слезы и милостыня— не тяжкая заповѣдь Божія, а сю вы избавитесь отъ грѣховъ и царствія Божія не лишитесь. Больше же всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ, сколько можете, и одарите сироту, а вдовицу оправдайте сами, не отдавая ее во власть сильнаго человѣка. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго и не повелѣвайте убить, если даже будетъ повиненъ смерти: не губите ни одной христіанской души. Не клянитесь попапрасну; а давши клятву, соблюдайте ее строго. Уважайте духовенство: оно молится за насъ; но болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ. Всѣ мы смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что есть у насъ, не наше, а дано намъ Богомъ на малое время; а потому не хороните вашихъ богатствъ въ землю— это великій грѣхъ. Старика уважайте, какъ отца; молодого, какъ брата. Дома сами за всѣмъ смотрите, не полагаясь на другихъ, чтобы тотъ, кто приходитъ къ вамъ, не посмѣялся надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ вашимъ. Выйдя на войну, не полагайтесь на воеводу, не думайте о снѣ, пищѣ и питьѣ, а сами разставляйте стражу и не ложитесь спать прежде, чѣмъ все устроите. Ложитесь тутъ же съ воинами и не снимая съ себя оружія: отъ безпечности нерѣдко гибнетъ человѣкъ. Проходя по селамъ, не позволяйте своимъ людямъ никого обижать, чтобы васъ не проклинали. Кормите странника, чествуйте гостей: они разносятъ о насъ добрую и худую славу. Больного посѣтите, мертвеца проводите, и всякому встрѣчному человѣку скажите привѣтливое слово. Что̀ знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь: отецъ мой, сидя дома, выучился пяти языкамъ. За знаніе славятъ насъ въ чужихъ земляхъ;—лѣнивый же забудетъ и то, что̀ знаетъ. Пусть не застаетъ васъ солнце въ постели. Такъ дѣлалъ отецъ мой: отслушавъ заутреню и встрѣтивъ солнце хвалой Господу, садился думать съ дружиною, или давать судъ людямъ, или ѣхалъ на охоту, а въ полдень ложился отдыхать. Спанье уже отъ Бога

присуждено полдню, и въ полдень спитъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ".

Мономахъ скончался въ 1125 году, оставивъ по себѣ многочисленную и сильную семью, изъ которой вышли князья Владимірскіе, а потомъ князья и цари Московскіе.

НАШИ ДРЕМУЧІЕ ЛѢСА.

Все лѣсъ, да лѣсъ: и вчера, и сегодня, и завтра, и цѣлую недѣлю лѣсъ, безъ перерыву, надоѣлъ смертельно! И тоска невольно схватываетъ душу въ этой лѣсной пустынѣ.

Я ѣхалъ верхомъ по грязной лѣсной дорогѣ. Лошадь моя то едва вытаскивала ноги изъ грязи, то спотыкалась о корни деревьевъ, то останавливалась передъ громадною сосною, которой вздумалось улечься поперекъ самой дороги. Ямщикъ мой ѣхалъ въ телѣгѣ; но я давно уже отказался отъ этого удовольствія, потому что тряска измучила меня. Особенно, какъ застучатъ колеса по сгнившей бревенчатой мостовой, то подумаешь, что душа съ тѣломъ разстается. Такіе мосты, вѣроятно, мостили изъ Кіева въ Новгородъ, когда Владиміръ собирался на непокорнаго Ярослава.

Но вдругъ въ глуби лѣса слышно журчанье ручья, и мы скоро выѣзжаемъ на утлый бревенчатый мостикъ, подъ которымъ свѣтлая струйка воды шумитъ по каменному *перебору;* такъ называютъ здѣсь маленькіе порожки изъ большихъ булыжниковъ, между которыми пробиваются лѣсные рѣчки и ручьи.

Слава Богу! Несносный лѣсъ, кажется, начинаетъ рѣдѣть. Промежду толстыхъ, прямыхъ, какъ колонны, стволовъ сосенъ и лиственницъ проглядываетъ небо, которое давно уже я вижу только надъ собою. Тороплю лошадь и выѣзжаю на большую *луговину,* поросшую ярко-зеленой травой; но отчего это лошадь моя косится на эту бархатную траву?—Увы! Этотъ зеленый лугъ—не больше какъ бездонное болото, только сверху поросшее мхомъ и травой.

Дорога идетъ по высохшимъ кочкамъ и по наброшенному *фашиннику;* но я слышу, какъ она качается подъ ногами лошади. Вдали, посреди болота, видна открытая вода. Вотъ это наши

русскіе *ледники*—источники нашихъ безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Лѣсъ своими вершинами привлекаетъ облака, а съ ними и дожди, и защищаетъ влажную землю отъ изсушающаго вліянія солнца и вѣтра. Вырубите лѣсъ—й черезъ нѣсколько лѣтъ болото превратится въ кочковый лугъ, ручьи начнутъ мелѣть и многіе потомъ совсѣмъ изсякнутъ; въ Божіемъ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе: безъ дремучихъ лѣсовъ, которые мнѣ такъ надоѣли, не было бы тѣхъ рѣкъ, по которымъ плаваютъ безчисленныя барки.

Но вотъ лѣсъ опять поглотилъ меня и моего проводника, спокойно дремавшаго на телѣгѣ, подпрыгивающей на поларшина. Какая глушь! Даже птицъ не слыхать ни одной; только бѣлка иногда перепрыгнетъ съ вѣтки на вѣтку, да вдали что-то затрещитъ: видно Мишка пробирается къ себѣ домой, въ берлогу. Дорога видимо поднимается въ гору; но отъ этого нисколько не становится суше, напротивъ, еще грязнѣе. Мы подымаемся на одинъ изъ тѣхъ *уваловъ,* которые ползутъ, какъ вѣтки, отъ Уральскаго хребта, покрытые болотистыми лѣсами, и поятъ безчисленныя рѣки и рѣчки. Вотъ мы и на вершинѣ увала. Мой проводникъ не даромъ говоритъ, что здѣсь дрались лѣшіе. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ вокругъ лежатъ громадныя деревья, вывороченныя съ корнемъ, перепутанныя вершинами и сучьями. По здѣшнему это называется *ломомъ.* Вѣроятно, эти ломы происходятъ отъ того, что лѣсъ на увалахъ выдвигается своими вершинами изъ общаго лѣсного уровня и представляетъ удобный упоръ для вѣтра. Сколько гигантскихъ мачтовыхъ деревьевъ гніетъ здѣсь понапрасну! Но куда и какъ ихъ вывезти? Много *подстойнаго* лѣсу гибнетъ даромъ въ нашихъ сѣверовосточныхъ лѣсныхъ трущобахъ, тогда какъ въ степи, за неимѣніемъ дерева, топятъ соломой или *кизякомъ* и лѣпятъ мазанки изъ глины и тростника.

Благодаря огромному лому и вершинѣ увала, передо мной открылся далекій горизонтъ, котораго я давно уже не видѣлъ. И что за оригинальный видъ! Все лѣсъ да лѣсъ кругомъ, куда ни посмотришь: то поднимается, то опускается по уваламъ до самаго горизонта—цѣлое зеленое море лѣса! А вонъ на *лысинѣ* раскинулось по берегу рѣчки и то село, куда я ѣду. Село большое, съ красивою

каменною церковью. Вокругъ видно нѣсколько выселковъ или *починковъ,* какъ ихъ здѣсь называютъ; иной починокъ и весь-то изъ трехъ-четырехъ вновь срубленныхъ избъ. Когда-то и это село было такимъ же починкомъ, а современемъ и эти починки превратятся въ такія же села и разошлютъ отъ себя по лѣсу новые выселки и починки. Топоръ, коса и соха прилежно работаютъ вокругъ каждаго поселенія; можетъ быть, лѣтъ черезъ сто или побольше, населеніе расползется и въ этомъ мѣстѣ. Разноцвѣтныя нивы разлягутся по уваламъ, зеленые луга по берегамъ рѣчекъ; между селами и поселками пробѣгутъ дороги и дорожки, а лѣсъ превратится въ зеленые *острова,* боры и рощи. Словомъ, можетъ быть, лѣтъ черезъ сто или больше наши внуки увидятъ здѣсь то же, что̀ мы видимъ теперь въ серединѣ Россіи, гдѣ-нибудь на берегахъ Оки. Вѣдь и тамъ прежде стояли такіе же непроглядные лѣса, по которымъ бродили чудскія племена, промышлявшія охотою. Пришелъ русскій крестьянинъ и, мало-по-малу, превратилъ дремучіе лѣса въ поля и луга, а лѣсную глушь въ населенную, оживленную мѣстность.

Отъ увала дорога пошла по берегу порядочной рѣчки, и стало замѣтно посуше. Рѣчки въ лѣсахъ служатъ вмѣсто осушающихъ каналовъ, а потому возлѣ нихъ всегда можно отыскать сухое мѣстечко.—Однакоже пора на почлегъ: и лошадь пристала, и мнѣ сильно захотѣлось отдохнуть.

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

(1159—1174).

Самое древнее поселеніе славянъ въ Россіи было, вѣроятно, въ плодоносной приднѣпровской равнинѣ. Но наши предки любили жить широко и, размножаясь, стали разселяться на сѣверъ и на востокъ. На сѣверъ разселились они по берегамъ Западной Двины, Ловати, Ильменя и Волхова, гдѣ хотя климатъ былъ суровѣе и почва не такъ плодоносна, но зато многочисленныя озера и рѣки представляли большое удобство для судоходства и торговли.

На востокъ распространились Славяне вверхъ по Деснѣ, притоку Днѣпра, и внизъ по Окѣ, притоку Волги. Уже Святославъ нашелъ на Окѣ славянское племя Вятичей и обложилъ его данью.

Съ Оки и съ береговъ Ильменя, изъ Новгородской области, славянскія поселенія распространились по верхнему теченію Волги.

Но чѣмъ далѣе отъ Днѣпра къ сѣверо-востоку, тѣмъ населеніе было скуднѣе, города и села рѣже, лѣса гуще, а болота непроходимѣе. По лѣсамъ бродили чудскія племена, занимались звѣроловствомъ; иныя же построили кое-какіе города и вели съ новгородцами торговлю. Скоро однако славяне повсюду вытѣснили Чудь, которая или уходила дальше, или, оставаясь возлѣ русскихъ, русѣла: принимала русскій языкъ и русскіе обычаи. Однакоже эта сѣверо-восточная область, названная Суздальскою, по главному своему городу Суздалю, считалась самымъ бѣднымъ удѣломъ, а потому и досталась младшему сыну Владиміра Мономаха, Юрію.

Юрій былъ князь дѣятельный: строилъ въ своей области города, прокладывалъ по лѣсамъ дороги; обращалъ язычниковъ въ христіанство и переселилъ въ свою область жителей изъ южной Россіи или добровольно, или плѣнныхъ. Однакоже Юрій, котораго прозвали *Долгорукимъ* за то, что онъ изъ Суздаля добивался и добился наконецъ Кіева, переѣхалъ туда, какъ только сдѣлался великимъ княземъ, оставивъ Суздальскую область своему сыну Андрею.

Андрей, по смерти отца, принялъ титулъ великаго князя, остался жить въ Суздальской области и сумѣлъ оттуда владѣть Кіевомъ и смирить Великій Новгородъ. Взявъ Кіевъ приступомъ, Андрей, первый изъ русскихъ князей, отдалъ его на разграбленіе войску и поручилъ тамъ управлять своему брату.

Андрей былъ самовластнаго характера; онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ своимъ, ни племянникамъ, — вездѣ управлялъ самъ, и не позволялъ вмѣшиваться ни боярамъ, ни городскимъ вѣчамъ въ свои дѣла. Вотъ почему не взлюбилъ Андрей и старыхъ городовъ, гдѣ старинные бояре и городскія вѣча привыкли вмѣшиваться въ дѣла управленія. Андрей не захотѣлъ жить не только въ Кіевѣ, но даже въ Суздалѣ и Ростовѣ, а переѣхалъ въ новый городъ Владиміръ. Здѣсь, проживая по большей части около Владиміра въ монастырѣ Боголюбовѣ, заботился онъ объ усиленіи

и украшеніи Владиміра, и хотѣлъ его сдѣлать такимъ же городомъ, какъ Кіевъ: построилъ въ немъ Золотыя ворота и храмъ Богоматери, на подобіе кіевскихъ, и не жалѣлъ денегъ на украшеніе церквей. Духовенство его очень любило; но не любили Андрея Боголюбскаго старинные бояре и рады были отъ него избавиться, потому что князь былъ строгъ съ ними.

Одинъ изъ братьевъ жены князя, Якимъ Кучковичъ, узнавъ, что Андрей велѣлъ за какое-то преступленіе схватить его брата и казнить, сталъ говорить своимъ родственникамъ и друзьямъ: „Сегодня князь казнитъ одного, а завтра дойдетъ очередь и до насъ; слѣдуетъ намъ подумать, какъ бы отъ него отдѣлаться". Составился заговоръ изъ 20 человѣкъ, которые всѣ были близки къ князю и осыпаны его милостями. Въ день празднованія памяти апостоловъ Петра и Павла, заговорщики ночью пришли въ село Боголюбово, гдѣ жилъ тогда великій князь, вломились въ монастырскій дворъ, перебили стражу и подошли къ великокняжеской спальнѣ, дверь которой была заперта. Когда убійцы стали выламывать дверь, князь вскочилъ и сталъ искать меча своего, но меча не было. Ключникъ великаго князя, бывшій въ заговорѣ, унесъ мечъ; а былъ то мечъ замѣчательный: принадлежалъ онъ прежде святому мученику Борису. Убійцы толпою ворвались въ спальню; но князь былъ силенъ, защищался, и началась страшная свалка, такъ что заговорщики убили одного изъ своихъ. Потомъ, однако, узнавъ князя, стали рубить мечами и саблями, и, думая, что онъ уже мертвъ, подобрали убитаго товарища и ушли. Но князь еще былъ живъ. Онъ поднялся, началъ стонать и, истекая кровью, сталъ спускаться съ лѣстницы. Убійцы услышали стоны князя, воротились назадъ, зажгли свѣчку, по кровавымъ слѣдамъ отыскали Андрея подъ лѣстницею, за столбомъ, и здѣсь докончили его. Такъ погибъ этотъ умный и мужественный князь.

Можно думать, что если бы Андрей пожилъ подольше, то удѣльная система, приносившая столько вреда Россіи, еще при немъ была бы подкопана. Но по смерти Андрея немедленно же начались междуусобія между его братьями и племянниками. За племян-

никовъ стояли старинные города: Ростовъ и Суздаль, желавшіе отнять первенство у молодого города Владиміра, который изъ пригорода сдѣлался стольнымъ городомъ. „Владимірцы наши холопы и каменщики, говорили Ростовцы: и мы опять дадимъ имъ посадника“. Но Владимірцы отстояли свое первенство и права братьевъ Андрея. Одинъ изъ этихъ братьевъ, Всеволодъ III, одолѣлъ всѣхъ соперниковъ и сдѣлался самымъ могучимъ княземъ въ сѣверо-восточной Руси. Однакоже власть надъ Кіевомъ была уже навсегда утрачена, и съ тѣхъ поръ южная или малая Россія стала отдѣляться отъ восточной.

Всеволодъ III, по отцу Юрьевичъ, по дѣду Мономаховичъ, получилъ прозваніе *„большого гнѣзда“*, потому что имѣлъ многочисленное семейство; и изъ этой-то семьи вышли великіе князья, а потомъ и цари московскіе.

НАШИ СТЕПИ.

Отличительный признакъ степи — отсутствіе деревьевъ; ѣдешь десятки, сотни верстъ, и взоръ, скользя по степи до самаго горизонта, не встрѣчаетъ нигдѣ не только синей, зубчатой полосы лѣса, но даже купы деревьевъ, даже какой-нибудь уединенной вербы или березы. Скучна покажется степь для человѣка, привыкшаго жить въ Малороссіи, гдѣ возлѣ каждаго бѣло-набѣло вымазаннаго домика есть и старая липа, и десятка два плодовыхъ деревьевъ; гдѣ городки и села точно купаются въ зелени. Скучна покажется она и для жителей Великой Россіи, гдѣ поля безпрестанно смѣняются рощами, луга перелѣсками, и на горизонтѣ непремѣнно тянется синій лѣсъ. Только въ степи начинаешь понимать, какъ украшаетъ вѣтвистое дерево всякій ландшафтъ.

Степная деревня не выглядываетъ на васъ изъ-за лѣсу или рощи, но какъ-то безпріютно разлеглась она на степи и окружена со всѣхъ сторонъ тою же степью. Вы слѣдите далеко за извивами степной рѣки, и нигдѣ не видите на берегу ея высокихъ, наклонившихся въ воду деревьевъ. Степное озеро открыто со всѣхъ сторонъ: какъ будто на ладони лежитъ оно передъ вами, а по бере-

гамъ торчатъ кусты высокой степной полыни и шуршатъ камыши. Посреди озера гуляетъ цѣлое стадо утокъ, но охотнику трудно подкрасться къ нимъ.

Однакоже и степь степи рознь. Иная степь вся покрыта роскошною, высокою травою, въ которой дребезжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; надъ степью то и дѣло вспархиваютъ перепелки, трепещутся звонкіе жаворонки, а высоко, въ синемъ воздухѣ, плавно носятся зоркіе орлы и коршуны. Милліоны цвѣтовъ разсыпаны по такой степи, рѣдко по одиночкѣ, а больше коврами — синими, красными, желтыми, или серебристыми, если гдѣ разволась ковыль. Таковы многія изъ нашихъ тучныхъ, черноземныхъ Новороссійскихъ степей. Холмистою равниною тянутся онѣ къ югу отъ береговъ Десны и Сулы и доходятъ до побережья Чернаго и Азовскаго морей, пропитанныхъ солью, несчаныхъ и безплодныхъ. Таковы наши Воронежскія степи и степи по обоимъ берегамъ Дона, гдѣ раскиданы станицы Донскихъ казаковъ.

Но за Дономъ, до Волги, начиная съ того мѣста, гдѣ обѣ эти рѣки такъ близко подошли одна къ другой, что ихъ связала желѣзная дорога въ 60 верстъ, и до береговъ Чернаго и Азовскаго морей и предгорій Кавказа, видъ степи сильно измѣняется: она здѣсь несчастнѣе, пустыннѣе, безплоднѣе. Здѣсь часто можно заѣхать въ такую глушь, что куда ни взглянешь, повсюду песокъ да песокъ — поднимается и опускается холмами, будто волны песчанаго моря. Если вѣтеръ разгуляется по такой степи,— а ему есть гдѣ разгуляться, — то эти волны песку переносятся съ мѣста на мѣсто, и плохо приходится путнику въ такое время. Иногда, вмѣсто мелкаго песку, степь покрыта крупнымъ, каменистымъ *хрящемъ*, который рѣжетъ ноги лошадей и верблюдовъ. Есть въ этой мѣстности и травянистыя мѣста, особенно тамъ, гдѣ весною разливаются рѣки и рѣчки; но, къ несчастію для кочующихъ здѣсь калмыковъ, такихъ рѣкъ и рѣчекъ не очень много.

Такова же степь и за Волгой до Урала; но здѣсь она пропитана солью, и часто попадаются блестящіе на солнцѣ *солончаки* и

соляныя озера. Самыя замѣчательныя изъ этихъ озеръ — *Баскунчакское* и *Елтонское*. Поселеній мало по этимъ степямъ, а больше кочуютъ киргизы и калмыки.

Сѣвернѣе, ближе къ *Общему Сырту*, тамъ, гдѣ эти отроги Уральскихъ горъ входятъ въ степи, характеръ степей измѣняется. Здѣсь гораздо больше травы, хотя не высокой, но хорошо питающей многочисленныя башкирскія стада. Вы взбираетесь съ горы на гору, и видите повсюду ту же безграничную, безлѣсную степь. Она вѣчно одна и та же, подымается на вершины и опускается внизъ: какъ будто какая-нибудь подземная сила взволновала эту зеленую скатерть, не разорвавъ ее нигдѣ.

Чѣмъ дальше вверхъ по Волгѣ, тѣмъ больше встрѣчается селъ и обработанныхъ полей. У Саратова степь уже превращается въ луга и тучныя поля, покрытыя пшеницей.

Вся юго-западная часть Сибири, отъ Урала до Алтая, и вся средняя Азія, отъ Алтайскихъ горъ на сѣверѣ до Гималайскихъ на югѣ, за которыми лежитъ богатая Индія, отъ Каспійскаго моря на западѣ до Китайской стѣны на востокѣ — одна степь, кое-гдѣ перерѣзанная высокими горными хребтами; есть гдѣ разгуляться кочевымъ пастушескимъ народамъ! По горнымъ склонамъ, оживленнымъ ручьями и рѣками, теряющимися потомъ въ пескахъ, есть и города, и плодородныя мѣстности; но чѣмъ дальше отъ горъ въ степную глушь, тѣмъ рѣже попадаются покрытые травою острова и оазисы, и тѣмъ бо̀льшіе переходы должна дѣлать кочевая орда, когда, вытравивъ одну зеленую степь, ищетъ другой для своихъ многочисленныхъ стадъ. Стада же составляютъ все для кочевого человѣка; и когда киргиза уговариваютъ распахать землю и посѣять хлѣбъ, то онъ съ гордостью отвѣчаетъ: „траву Богъ создалъ для скота, а скотъ создалъ для человѣка“.

ПОХОДЪ ИГОРЯ, КНЯЗЯ НОВГОРОДСѢВЕРСКАГО.
(1185).

Въ 1184 и 1185 годахъ половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиваемы кіевскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ

славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ;—не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ* (такъ зовутъ лѣтописцы половцевъ): „не дай Богъ отрекаться", говорилъ Игорь: „поганые намъ общій врагъ!"—но единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Поѣхалъ было даже князь, несмотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко, и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильные степные туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что половцы уже ушли въ степь.

Побѣды Святослава не давали покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ.

„Развѣ мы также не князья?" сказалъ Игорь: „пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!" и сталъ готовиться къ походу; велѣлъ своему юному сыну Владиміру вести къ нему дружину изъ Путивля; велѣлъ племяннику своему Святославу спѣшить изъ Рыльска; выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ; оповѣстилъ и своего младшаго брата Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго *буйнымъ туромъ* за свою неукротимость въ битвахъ; не далъ только Игорь знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кіевскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода, или захочетъ самъ принять въ немъ участіе.

Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода Трубчевскаго.

— Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ Игорь: оба мы съ тобою Святославичи! извѣщаетъ Игоря Буй-Туръ-Всеволодъ: сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы стоятъ у Курска. Куряне, мои молодцы, тебѣ извѣстны. Ихъ споивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степные овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены; сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищутъ себѣ чести, а князю славы.

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ; Игорь вступилъ въ свое золотое стремя, съѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ онъ уже на берегахъ Малаго Донца, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, волы ревутъ въ стадахъ, кони ржутъ и подымаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо—и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ.

— Что это значитъ, братцы? спрашиваетъ князь у своей дружины.

— Не добрый знакъ, князь! говорятъ старѣйшіе изъ дружины, печально опуская головы: не добро сулитъ намъ это небесное знаменіе.

На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго знаменія, и когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ:

— Чему быть, тому не миновать! Богъ — Господинъ всѣмъ намъ и этому знаменію; посмотримъ, что пошлетъ Онъ намъ, добро или зло. Сядемте жъ, братцы, на своихъ добрыхъ коней и пойдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломать копье мое о край половецкой земли! Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона.

Двинулись русскіе далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соединившись съ своимъ братомъ Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше. Вотъ уже Игорева дружина за границею Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ: за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь — степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только-что одѣтыхъ весеннею зеленью; а степные орлы уже носятся надъ Игоревой

дружиною и клекотомъ своимъ будто сзываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣдятъ за русскими, чуя кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь вдали, лаютъ на красные щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы.

Послали удальцовъ впередъ, въ степь—развѣдать, что дѣлаютъ половцы. Развѣдчики, воротясь, сказали князьямъ: „половцы всполошились, ихъ много, и они готовятся къ битвѣ: или идите скорѣй, или воротитесь назадъ,—теперь не наше время".

— Нѣтъ, отвѣчалъ Игорь и другіе князья, ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше; что Богъ дастъ, то и будетъ.

Ѣхали не быстро: кони у русскихъ были слишкомъ тучные; ѣхали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась не долго; перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погоню за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ половцы свои кибитки, укладываются наскоро, какъ попало, гонятъ скотъ, и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрипятъ по степи, словно распуганное стадо лебедей. Бѣгутъ половцы, а русская дружина въ погоню за ними,—разсыпалась стрѣлами по полю: ловитъ плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дня пировали русскіе, пировали и хвалились: „братья наши съ княземъ Святославомъ били половцевъ, озираясь на Переяславль, не смѣя идти въ землю половецкую; мы же сами зашли сюда, въ самую середину половецкой земли, поганыхъ пере-

били, женъ и дѣтей ихъ переловили; а теперь пойдемъ за Донъ, дойдемъ до самаго моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣды наши; перебьемъ поганыхъ до одного и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь".

Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далеко, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ!

Ханъ половецкій Гзакъ рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, сбирая отовсюду своихъ распуганныхъ половцевъ; ханъ половецкій Кончакъ правитъ ему путь къ великому Дону.

На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, подымаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы — на рѣкѣ на Каялѣ, у великаго Дона.

Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбомъ стоитъ на степи: половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи, облекли они русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.

— Что жъ, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю, сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ; если побѣжимъ, то простыхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ ли живы, — но вмѣстѣ.

И началась кровавая сѣча.

Буй-Туръ-Всеволодъ со своими курянами впереди всѣхъ; онъ прыщетъ на половцевъ стрѣлами, гремитъ объ ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоится Буй-туръ, когда онъ все забылъ для славы, и родимый городъ — Черниговъ, и золотой престолъ своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну?

Тяжело раненъ въ руку Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ.

Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ каленыя стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальныя копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей; усѣяна она трупами, полита кровью... тяжелая печаль взойдетъ надъ ней для всей Русской земли!

Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды; половцы не пускаютъ ихъ зачерпнуть воды изъ рѣки Каялы. Пробились русскіе къ водѣ, но дорого это имъ стало: половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ самому берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ.

Бились день, бились другой—на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые половцы, пересаживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется. Но уже окружили его половцы со всѣхъ сторонъ; и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили въ степь; схватили и молодого сына Игорева. Разлучились братья надолго на берегу быстрой рѣки Каялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже кому принести печальную вѣсть на родину.

Такъ-то кончился этотъ пиръ! Недостало у васъ кроваваго вина, храбрые русскіе воины; сватовъ напоили вы до-сыта и сами легли головами за Русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь нагнетаетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, а онъ горько вспоминаетъ, что подѣломъ наказалъ его Господь: вспоминаетъ, какъ, взявши на щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую.

Не случилось бы такой бѣды, если бы князья, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на половцевъ дружно; если бы

Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушолъ въ степь тайкомъ отъ него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаль. Святославъ кіевскій уже собиралъ въ это время войска на половцевъ и, проходя мимо Новгородсѣверска, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался сѣдой Святославъ на Игоря; но когда услыхалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: „Какъ прежде сердитъ былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю“.

Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ—стонъ, въ Черниговѣ—скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ! А половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ подъ Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары повсюду; князья же наши и тутъ еще ссорятся и считаются между собою. Услыхавъ, однако, что Святославъ съ своею дружиною уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по собѣ развалины, трупы, плачъ и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря? кто отомститъ половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками. Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотые шлемы не забрызганы вражескою кровью? Что бы вступиться за Русь хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? Не онъ ли сидитъ высоко на златокованномъ престолѣ, подперъ горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко, далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на вра-

говъ? Что бы ему послать хотя одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кащею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалого Святославича? Но всѣ забыли Игоря, и дѣлятъ уже его города и села.

Не забыла удалого Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ, все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый; смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица:

„Полечу я голубкою по степи, омочу мой бобровый рукавъ въ Каялѣ-рѣкѣ, утру князю его кровавыя раны".

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь; зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять на горахъ подъ облаками, лелѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?"

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на путивльской стѣнѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменныя горы, ворвался въ землю половецкую; ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ: принеси же ко мнѣ, лелѣючи, моего милаго".

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, плачетъ, приговариваетъ:

„О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго? въ безводной степи и такъ изсохли ихъ луки, разсыпались колчаны!"

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну,—тяжело, хотя и самые половцы, устыдясь его удальства, держатъ его въ чести: приставили къ нему крѣпкую стражу, но позволяютъ тѣшиться княжеской забавой, соколиной охотой. Въ чести держатъ половцы и сына Игорева, молодого князя Владиміра; сильно онъ приглянулся

степной красавицѣ, дочери хана половецкаго Кончака; полюбилъ его за удальство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска по святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ осенній вѣтеръ катитъ серебристые легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Но сжалилися люди—сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между половцами одинъ добрый человѣкъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ русскимъ, бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ половцевъ. Но вѣрный конюшій, бывшій съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

— Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь въ Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ, русскихъ князей, и истребить всю землю Русскую; не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлурь взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; половцы перепились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлурь даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва: „Господи сердцевѣдче! спаси меня недостойнаго!“ сказалъ Игорь, и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ; горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ— и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночною тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ

Авлурь, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоняя на смерть легкаго коня; спѣшатъ они къ берегамъ Донца.

Проснулись по утру половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалого князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали—пошли пѣшкомъ: ночью—прямо по степи, а днемъ въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ.

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говоритъ Кончаку:

— Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.

Но старому Кончаку стало жаль молодого Игорева сына и сказалъ онъ злому Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею, отвѣчалъ Гзакъ, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ.

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородсѣверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородсѣверску безъ князя Игоря. Но не долго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ, къ Святой Богородицѣ Пирогощей: молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ-дочери стараго хана Кончака и черезъ нѣсколько времени воротился на родину, вмѣстѣ съ дядей своимъ, Буй-Туръ-Всеволодомъ.

БИТВА СЪ ТАТАРАМИ НА РѢКѢ КАЛКѢ.

(1224 г.).

Разнесся слухъ въ Русской землѣ, что пришелъ изъ Азіи какой-то невѣдомый народъ и сильно бьетъ половцевъ. Одни говорили, что это татары, другіе называли ихъ таурменами, третьи печенѣгами; но никто не зналъ навѣрное, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у нихъ за языкъ, что за вѣра. Слышно было только, что они покорили много уже народовъ и много странъ. Скоро прибѣжали половцы къ границамъ русскимъ, Днѣпру и валу Половецкому, прибѣжали уже не грабить, но съ просьбою о помощи. Князья ихъ съ ужасомъ говорили о новыхъ пришельцахъ; разсказывали, какъ татары убили ихъ старшаго хана, сына Кончакова, Юрія; перебили множество половцевъ, загнавъ ихъ на берегъ Азовскаго моря; покорили уже семь сильныхъ народовъ. Ханъ половецкій Котянъ, тесть галицкаго князя Мстислава Удалого, щедро дарилъ русскихъ князей, прося у нихъ подмоги противъ татаръ: „помогите намъ“, говорилъ онъ русскимъ князьямъ: „если же не поможете, то сегодня они побили насъ, а завтра побьютъ васъ“.

Русскіе князья съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ. Тутъ были три старшіе князя, три Мстислава: Мстиславъ галицкій, прозванный удалымъ за свое мужество въ битвахъ; Мстиславъ кіевскій, князь добрый, но слабый; Мстиславъ черниговскій. Много здѣсь было и молодыхъ князей: Даніилъ Романовичъ волынскій, 18-ти лѣтній князь, сильный, смѣлый и прекрасный собою, у котораго, по словамъ лѣтописца, отъ головы до ногъ не было порока; Всеволодъ, сынъ кіевскаго князя; Михаилъ, племянникъ князя черниговскаго, и много другихъ князей. Мстиславъ галицкій сильно настаивалъ на томъ, чтобы помочь половцамъ: „если не поможемъ имъ“, говорилъ онъ: „то они пристанутъ къ татарамъ, и тогда намъ будетъ еще труднѣе бороться съ ними“. Долго совѣщались князья, и наконецъ порѣшили на томъ, что лучше имъ встрѣтить татаръ на половецкой землѣ, чѣмъ въ своей; оповѣстили другихъ князей, оповѣстили великаго князя владимірскаго; назначили всѣмъ

войскамъ сойтись на Днѣпрѣ, у Варяжскаго острова, и выступили изъ Кіева. Тутъ пришли къ нимъ десять пословъ татарскихъ и сказали: „слышали мы, что вы, послушавъ поганыхъ половцевъ, нашихъ холопей и конюховъ, идете на насъ; но мы земли вашей не трогали, ни селъ, ни городовъ вашихъ не занимали. Половцы дѣлали много вамъ вреда: бейте же ихъ оттуда, какъ мы бьемъ отсюда, и добро ихъ берите себѣ“. Но Русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, думая, что татары обманываютъ ихъ, какъ обманули прежде половцевъ, которыхъ они сначала пригласили въ союзники, а потомъ стали бить.

Русскіе князья уже стояли на Днѣпрѣ, у Олешья, когда явились новые татарскіе послы. „Вы послушали половцевъ“, сказали они, „пословъ нашихъ перебили и идете противъ насъ; идите же, но помните, что мы васъ не трогали,—и пусть Богъ насъ разсудитъ“. Этихъ пословъ князья отпустили.

Скоро на правомъ берегу Днѣпра, у Варяжскаго острова, собралось много бодраго русскаго войска: черниговцы, кіевляне, смольняне, волынцы, куряне, трубчане, путивльцы,—всѣ пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодкахъ по Днѣстру въ Черное море, вошло потомъ въ Днѣпръ и прибыло на сборное мѣсто. На Днѣпрѣ, у устья рѣчки Хортицы, собралось такое множество лодокъ, что по нимъ можно было перейти съ одного берега на другой, не замочивъ ногъ. Скоро наши сторожевые извѣстили, что вдали показались татары и желаютъ, вѣроятно, осмотрѣть русское войско. Даніилъ волынскій, а съ нимъ и другіе молодые князья кинулись на лошадей и поскакали впередъ, любопытствуя посмотрѣть, что такое за народъ татары. Татарскіе наѣздники, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, скрылись въ степи, а русскіе молодые князья, воротившись назадъ, толковали о томъ, что видѣли. Одни говорили, что это народъ пустой, еще хуже половцевъ; другіе замѣчали, что татары хорошо стрѣляютъ. „Это добрые воины“, сказалъ опытный галицкій воевода Юрій.

„Нечего же здѣсь стоять“, говорили молодые князья старымъ: „пойдемъ на нихъ“. Старшіе согласились, и все русское войско

двинулось въ половецкія степи. Скоро русскіе встрѣтили татарскихъ стрѣлковъ; ударили, прогнали и захватили много скота.

На девятый день пришли русскіе къ берегамъ рѣки Калки, за которою стояли уже татары. Мстиславъ Удалой приказалъ половцамъ, Даніилу волынскому и другимъ войскамъ перейти за рѣку, а самъ пошелъ за ними. Осмотрѣвъ же татарскій станъ, немедленно началъ битву, не увѣдомивъ о своемъ рѣшеніи двухъ другихъ Мстиславовъ, съ которыми была у него ссора.

Даніилъ волынскій, сильный, смѣлый и пылкій, ворвался со своею дружиною въ ряды татаръ и сгоряча не замѣчалъ даже, что тяжело раненъ въ грудь; Олегъ курскій со своими курянами не отставалъ отъ Даніила; Мстиславъ Удалой готовился также кинуться въ битву. Но вдругъ половцы, послѣ первой же стычки съ татарами, обратили тылъ и въ безпорядкѣ, съ крикомъ, бросились бѣжать отъ татаръ, топча и смѣшивая русскія войска; ворвались даже въ русскій станъ и все привели въ безпорядокъ. Измѣнники половцы дали побѣду татарамъ. Даніилъ, видя, что татары одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ, что раненъ въ грудь. Все побѣжало.

Мстиславъ кіевскій, стоя съ дружиною на каменной горѣ надъ рѣкою Калкою, видѣлъ бѣгство русскихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ велѣлъ обгородить станъ свой тыномъ изъ кольевъ и приготовился защищаться. Татары раздѣлились: одна часть ихъ облегла станъ Мстислава, а другая помчалась въ погоню за убѣжавшими къ Днѣпру русскими дружинами. Убійство было страшное: едва десятый человѣкъ изъ русскаго войска спасся; Мстиславъ черниговскій съ сыномъ были убиты; семьдесятъ славныхъ богатырей погибли, а наши друзья, половцы, добивали раненыхъ и сдирали съ убитыхъ одежду. Мстиславъ Удалой, достигнувъ Днѣпра съ небольшою дружиною, кинулся въ лодки, переѣхалъ на другую сторону и велѣлъ лодки сжечь, чтобы татары не могли за нимъ гнаться.

Три дня отбивался Мстиславъ кіевскій отъ татаръ, и татары не могли взять укрѣпленнаго стана; наконецъ татары прибѣгнули къ

хитрости и предложили Мстиславу отпустить его съ дружиною домой, если онъ дастъ выкупъ за себя и за дружину. Но едва только русскіе вышли изъ укрѣпленія, какъ татары бросились на нихъ, всѣхъ перебили, а трехъ князей, изловивъ, положили подъ доски и усѣлись на доскахъ обѣдать.

Татары дошли до самаго Днѣпра, убивая всѣхъ, кто попадался имъ навстрѣчу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко: защищать предѣловъ было некому; но неожиданно повернули назадъ и скрылись въ свои степи такъ же быстро, какъ и пришли. Племянникъ Юрія, великаго князя владимірскаго, Василько, велъ сѣверныя дружины на помощь южнымъ князьямъ; но, услышавъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ, повернулъ назадъ.

Русскіе не знали, откуда налетѣла на нихъ эта грозная туча и куда она скрылась; но черезъ тринадцать лѣтъ татары снова появились въ Россіи, уже въ большей силѣ.

НАШЕСТВІЕ БАТЫЯ.
(1237—1241 г.).

Послѣ битвы на рѣкѣ Калкѣ не было въ Руси слуха о татарахъ. Но черезъ тринадцать лѣтъ они снова появились изъ средне-азіатскихъ степей, на этотъ разъ уже въ числѣ 300,000. Ханъ Октай, наслѣдникъ Чингисъ-хана, основателя татарскаго могущества, царствовавшій въ глуби азіатскихъ степей, послалъ своего племянника Батыя покорить земли по Волгѣ и за Волгою. Одно уже появленіе татаръ повсюду наводило ужасъ: лица у нихъ были звѣрскія, скулы широкія, глаза узкіе, носы приплюснутые. Татары были вооружены копьями, мечами, луками, стрѣлами, топорами и веревками. Съ ними ѣхало множество телѣгъ, нагруженныхъ всякими запасами, лѣстницами, стѣнобитными машинами и войлочными кибитками. Маленькія рѣчки татары переходили въ бродъ, большія переплывали на кожанныхъ мѣшкахъ, привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ. Впереди шли легкіе отряды и, убивая каждаго встрѣчнаго, зажигая села и деревни, старались навести ужасъ на жителей, которые обыкновенно уходили въ лѣса. Сзади

двигалась главная сила, не давая ни чему пощады. Встрѣчаясь съ непріятелемъ, татары пускали кучу стрѣлъ, — а стрѣляли они мѣтко, — и потомъ уже, перебивъ сколько можно больше людей, вступали въ рукопашный бой. Укрѣпленные города окружали со всѣхъ сторонъ; строили тынъ, чтобы укрываться за нимъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ, и понемногу подвигали его къ городу отводили рѣку отъ города или затопляли ею городъ, какъ было имъ удобнѣе, а городскія стѣны разбивали тяжелыми бревнами, висящими на цѣпяхъ; одинъ отрядъ смѣнялъ другой, не давая осажденнымъ покою. Обыкновенно сначала татары предлагали жителямъ осажденнаго города сдаться добровольно; но если тѣ соглашались, то годныхъ для работы брали въ плѣнъ, а остальныхъ убивали. Взявши же городъ приступомъ, они не щадили никого: ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей, предавая все мечу и огню. Покоряя какой-нибудь народъ, татары брали себѣ десятую часть людей и имущества, а остальныхъ переписывали и облагали данью.

На Волгѣ татары встрѣтили богатое и торговое царство волжскихъ болгаръ, разорили его до тла и потомъ вступили въ область князей рязанскихъ.

Рязань, напрасно просившая помощи у великаго князя владимірскаго, защищалась упорно, но не долго. По одному рязанцу приходилось на сто татаръ. Взявъ Рязань приступомъ, татары убили князя рязанскаго и жену его, а жителей рубили мечами, разстрѣливали стрѣлами, бросали въ огонь; самый же городъ сожгли.

Разоривши Рязань, татары пошли далѣе. У Коломны разбили войско, высланное великимъ княземъ, и сожгли Москву—тогда еще маленькій, недавно выстроенный городокъ. Въ Москвѣ татары захватили въ плѣнъ сына Юрія—Владиміра.

Узнавъ о гибели своего войска, великій князь Юрій Всеволодовичъ (племянникъ Андрея Боголюбскаго и сынъ Всеволода *Большое гнѣздо*) поѣхалъ на Волгу собирать новое войско. А въ это время татары, многочисленные какъ саранча, со всѣхъ сторонъ обложили городъ Владиміръ, гдѣ оставалась жена великаго

князя и два его сына: Всеволодъ и Мстиславъ. Подъѣхавъ къ „*Золотымъ воротамъ*“, татары спросили: „въ городѣ ли великій князь?“ Вмѣсто отвѣта, владимірцы пустили въ нихъ стрѣлами. Отвѣтивъ тѣмъ же, татары сказали: „погодите, не стрѣляйте!“ и, подъѣхавъ ближе къ воротамъ, показали владимірцамъ плѣннаго сына Юріева, Владиміра. Бѣдный княжичъ такъ исхудалъ въ плѣну, что братья насилу его узнали. Много было слезъ, но пособить было нечѣмъ.

Когда собралось все татарское войско, часть котораго въ это время разграбила и сожгла Суздаль, татары начали готовиться къ приступу, окружили городъ тыномъ и подвезли стѣнобитныя орудія. Не видя никакой возможности защищаться, князь Всеволодъ, жена его и многіе бояре приготовились къ смерти и постриглись въ монахи.

7-го февраля начался приступъ, и, несмотря на упорную защиту русскихъ, татары вломились въ городъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною заперлись въ среднемъ городѣ, а супруга Юріева, дочь его, снохи и внучата, множество бояръ и народу—въ соборѣ. Когда татары зажгли соборъ, и дымъ наполнилъ церковь, то епископъ Митрофанъ, благословляя всѣхъ на смерть, сказалъ: „Господи, простри руку Твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ“. Скоро татары отбили двери собора, и началось страшное убійство. Великокняжеская семья, скрывавшаяся на верху, въ ризницѣ, задохлась отъ дыму. Князья же Всеволодъ и Мстиславъ положили свои головы за городомъ.

Великій князь стоялъ въ это время съ собравшимся войскомъ недалеко отъ Волги, на рѣкѣ Сити. Узнавъ о судьбѣ жителей Владиміра и своей семьи, онъ горько заплакалъ. „Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ, сказалъ онъ; зачѣмъ я остался одинъ!?“ Скоро ему дали знать, что татары обходятъ его войско. Началась жестокая сѣча; русскіе не устояли. Великій князь былъ убитъ, а племянникъ его Василько взятъ въ плѣнъ. Это былъ замѣчательный князь; прекрасный лицомъ, добрый

сердцемъ, онъ былъ мужественъ, отваженъ, но ласковъ, особенно къ бѣднымъ, такъ что всѣ его любили. „Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами Великаго Батыя“, сказали Васильку татары, вѣроятно, оцѣнивъ его необычайное мужество. — „Враги моего отечества и Христа не могутъ быть мнѣ друзьями, сказалъ Василько: какъ ни велико мое горе, но и вамъ не принудить меня сражаться противъ христіанъ! Придетъ и твоя гибель, о глухое и скверное царство!“ Скрежеща зубами отъ злости, татары убили Василька и бросили его тѣло въ лѣсу. Послѣ уже русскіе отыскали тѣла великаго князя и Василька и похоронили ихъ въ Ростовскомъ соборѣ. Великаго князя узнали по одеждѣ, потому что голову нашли въ другомъ мѣстѣ.

Истребивъ великокняжеское войско, татары взяли и сожгли всѣ города по Волгѣ и приближались уже къ Великому Новгороду. Но за 100 верстъ отъ него повернули назадъ, вѣроятно, испугавшись, что наступающій разливъ рѣкъ можетъ помѣшать имъ воротиться домой. Однако на возвратномъ пути ихъ долго задержалъ маленькій городокъ Козельскъ (въ нынѣшней Калужской губерніи). Семь недѣль защищались козельцы противъ безчисленныхъ полчищъ татарскихъ, защищали себя и своего маленькаго князя, который потомъ, когда городъ былъ взятъ, пропалъ безъ вѣсти: говорятъ—утонулъ въ крови. Татары не могли безъ досады вспомнить о маленькомъ Козельскѣ и назвали его „злымъ городомъ“.

Возвратившись въ степь, Батый прогналъ изъ нея половцевъ и на слѣдующій же годъ отправился покорять Южную Россію. И здѣсь не встрѣтили татары дружнаго сопротивленія: видя страшнаго врага предъ собою, князья продолжали ссориться и не хотѣли помогать другъ другу. Всякій городъ защищался упорно, геройски; но всѣ дѣйствовали поодиночкѣ, тогда какъ татары безпрекословно повиновались своему предводителю и дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ. Татары взяли и сожгли Переяславль и Черниговъ, и подступили къ Кіеву. Даніилъ Галицкій, только-что отнявшій тогда Кіевъ у Михаила Черниговскаго, при приближеніи татаръ отпра-

вился въ Венгрію за помощью, а защиту города поручилъ храброму боярину Димитрію.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1240 года несмѣтная татарская сила облегла Кіевъ, любуясь на красивый городъ. Татаръ было такъ много, что отъ скрипа татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія лошадей нельзя было разслышать другъ друга въ городѣ. Скоро стѣнобитныя орудія проломили кіевскія ворота; началась страшная сѣча въ самомъ городѣ. Русскіе заперлись въ Софійскомъ соборѣ и оборонялись, что было силъ; но скоро и это послѣднее убѣжище пало. Раненаго Димитрія татары взяли въ плѣнъ, но не убили, уваживъ его великое мужество.

Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ на Волынь, на Галицію, на Польшу и, перейдя Карпаты, вторгнулся даже въ Венгрію. Вся Европа была въ ужасѣ; папа уже призывалъ противъ татаръ крестовый походъ, но, къ счастью для западной Европы, въ это самое время умеръ татарскій ханъ Октай, и Батый долженъ былъ воротиться въ приволжскія степи, чтобы принять участіе въ избраніи новаго хана.

Не вдалекѣ отъ устьевъ Волги, на берегу притока ея, Ахтубы, устроилъ себѣ Батый степную столицу—Сарай. Вокругъ, въ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ, отъ Урала до Дона, привольно было кочевать татарскимъ ордамъ, и отсюда-то онѣ болѣе 200 лѣтъ распоряжались судьбами Россіи; ставили и низводили князей, судили ихъ, собирали дань съ народа или черезъ своихъ баскаковъ, или черезъ откупщиковъ, а время отъ времени вторгались въ Русь, грабили ее и разоряли.

Братъ Юрія Всеволодовича, Ярославъ, поѣхалъ на поклонъ къ Батыю, и тотъ призналъ его старшимъ княземъ надъ князьями русскими.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Великимъ княземъ 1252—1263.),

Тяжелое зрѣлище представляла Россія послѣ Батыева нашествія! Сожженные города и села, повсюду кучи развалинъ и труповъ; торговля и земледѣліе прекратились; населеніе уменьшилось;

остатки народа безъ пристанища бродили по лѣсамъ; татарскіе баскаки ѣздили повсюду, переписывая людей и облагая ихъ данью. Ярославъ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрія, убитаго татарами при Сити, былъ утвержденъ Батыемъ въ великокняжескомъ достоинствѣ. Грустное княженіе выпало на долю Ярослава: ему приходилось собирать разбѣжавшееся населеніе, очищать отъ труповъ города, ѣздить на поклонъ въ орду, чтобы избавить Русь отъ новыхъ набѣговъ.

На сѣверо-востокѣ въ то время жить было получше: Новгородъ былъ не тронутъ татарами, и въ немъ княжилъ сынъ Ярослава, Александръ, прославившійся своими побѣдами надъ шведами, приплывшими изъ-за моря, нѣмцами, приходившими на Новгородъ изъ Ливоніи (нынѣшнія Остзейскія губерніи), и надъ Литвою, которая въ это время тоже начала выходить изъ своихъ лѣсовъ и нападать на ослабѣвшую Русь.

Въ 1240 году, подученные папою, шведы собрали большое войско, посадили на суда и, подъ начальствомъ Бюргера, пришли въ Неву, къ устью Ижоры, думая взять Ладогу, а потомъ и Новгородъ.

Мужественный Александръ, не успѣвшій даже увѣдомить отца и собрать подкрѣпленіе изъ новгородской области, помолился усердно Богу въ храмѣ св. Софіи и съ небольшимъ войскомъ поспѣшилъ отразить сильнаго непріятеля.

Разсказываютъ, что въ ночь передъ битвою одинъ ижорецъ, старшина языческаго чудскаго племени, но самъ уже христіанинъ, имѣлъ чудное видѣніе. Стоя на ночной стражѣ, видѣлъ онъ на зарѣ, что по рѣкѣ плыветъ лодка, одѣтая утреннимъ туманомъ; на лодкѣ сидѣли гребцы, а посреди стояли Борисъ и Глѣбъ въ блестящихъ ризахъ. И сказалъ Борисъ: „братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе; поможемъ сроднику нашему Александру“.

Старшина поспѣшилъ разсказать князю свое видѣніе; но тотъ приказалъ ему сохранить его въ тайнѣ.

Александръ быстро напалъ на шведовъ и, сражаясь самъ какъ простой воинъ, собственнымъ копьемъ своимъ „положилъ печать“ на лицо шведскаго полководца Бюргера. Воины Александровы не

отставали отъ князя: одинъ, преслѣдуя Бюргера, верхомъ на конѣ наскакалъ на шведскій корабль по доскѣ, и хотя шведы опрокинули его съ лошадью въ воду, но онъ выбрался на берегъ и опять врубился въ самую середину враговъ; другой—съ пѣшею дружиною потопилъ три шведскія судна; а третій—наѣхалъ на златоверхій шатеръ самого Бюргера, подрубилъ шатерный столбъ — и шатеръ рухнулъ при радостныхъ крикахъ русскихъ.

Три полныхъ корабля наклали шведы трупами своихъ лучшихъ людей и потопили въ морѣ, а прочихъ безъ числа побросали въ яму, выкопанную на берегу.

За эту-то побѣду на берегахъ Невы и прозвали Александра *Невскимъ*. Почти 500 лѣтъ послѣ этой побѣды, когда Петръ Великій навсегда уже отнялъ Неву у шведовъ и при устьяхъ ея заложилъ Санктъ-Петербургъ (въ 1703 г.), мощи Александра Невскаго были перенесены изъ Владиміра въ новую столицу и положены въ Александро-Невской лаврѣ.

Побѣдилъ Александръ и нѣмцевъ, напавшихъ на псковскую землю, и много перебилъ ихъ на льду Чудскаго озера, такъ что льда не было видно изъ-за труповъ. Смирилъ онъ и литовцевъ, которые потомъ боялись имени Александра; но противъ татаръ не рѣшился возстать. Когда Батый, слыша объ Александрѣ и его мужествѣ, послалъ сказать ему: „Богъ покорилъ мнѣ многихъ народовъ: ты ли одинъ хочешь противиться? Если желаешь сохранить свою землю, то приди ко мнѣ и увидишь честь и славу моего царства“.—Александръ пошелъ въ орду и былъ отпущенъ съ богатыми дарами.

Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, Александръ смирился передъ ханомъ, и умною покорностію не разъ спасалъ Русь отъ новаго татарскаго погрома. Даже скончался Александръ, возвращаясь изъ орды и проведя въ ней тяжелую зиму. Ѣздилъ же онъ въ орду умилостивить хана, разсерженнаго тѣмъ, что въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ русскіе перебили безжалостныхъ сборщиковъ татарской дани, бесерменскихъ (восточныхъ) купцовъ, взявшихъ эту дань на откупъ.

ВОЗВЫШЕНІЕ МОСКВЫ.

Еще сыну Мономаха, Юрію Владиміровичу Долгорукому, понравилось хорошее мѣстоположеніе на берегу Москвы-рѣки, на холмахъ, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ заложилъ здѣсь городокъ Москву, въ 1147 году. Въ Батыево нашествіе Москва была сожжена, а по смерти Александра Невскаго досталась въ удѣлъ младшему его сыну, Даніилу. Удѣлъ былъ незавидный, и никто вѣрно не думалъ тогда, какая славная доля предстоитъ этому маленькому городку!

Даніилъ былъ князь умный, и при немъ уже Московскій удѣлъ устроился. Даніилъ получилъ отъ племянника по завѣщанію хорошій городъ Переяславъ-Залѣсскій и отнялъ у рязанцевъ Коломну.

Сынъ Даніила, Юрій, женился на сестрѣ хана, Кончакѣ, и разными неправдами добился великокняжескаго достоинства, погубивъ клеветою въ ордѣ своего дядю Михаила, князя тверского. Но и самъ Юрій погибъ отъ руки сына Михаила, Димитрія *Грозныя очи*, который, встрѣтившись съ Юріемъ въ ордѣ, не выдержалъ и убилъ убійцу отца своего.

Угождая татарамъ, получилъ великокняжескій престолъ братъ Юрія, Іоаннъ Даниловичъ Калита. При Калитѣ митрополитъ Петръ переѣхалъ изъ Владиміра въ Москву, которая съ этихъ поръ и сдѣлалась навсегда великокняжеской столицею Восточной или Великой Руси. Южная же или Малая Россія, съ своимъ старымъ Кіевомъ, подпала въ это время подъ власть литовцевъ, а потомъ, вмѣстѣ съ Литвою, присоединилась къ Польшѣ.

Іоаннъ І-й, Калита, умеръ въ 1340 году. Послѣ него княжили въ Москвѣ, одинъ за другимъ, два его сына: Симеонъ Гордый и Іоаннъ ІІ-й. При Іоаннѣ ІІ-мъ, князѣ кроткомъ и миролюбивомъ, значеніе Москвы поддерживалъ митрополитъ Алексѣй. Онъ такъ прославился даже между татарами своимъ умомъ и святою жизнью, что когда у хана Чанибека заболѣла жена, то ханъ написалъ великому князю и просилъ его послать въ орду митрополита, чтобы тотъ испросилъ у Бога здоровье ханшѣ. Святой Алексѣй поѣхалъ въ орду, и ханша выздоровѣла. Когда слѣдующій затѣмъ ханъ началъ

грозить новымъ разореніемъ Русской землѣ, то митрополитъ Алексѣй опять поѣхалъ въ орду и укротилъ злобу хана, найдя покровительство въ матери его, Тайдулѣ.

Сынъ же Іоанна II-го, Димитрій Іоанновичъ Донской, былъ уже такъ силенъ, что отважился попробовать вступить въ открытую борьбу съ татарскими ханами.

Такъ, мало-по-малу, выростало въ Москвѣ единовластіе и подготовлялось освобожденіе Руси отъ татарскаго ига.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380 г.).

6 сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами: тамъ ли ожидать монголовъ или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надо оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій — шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе литовскаго князя Ягайла съ ханомъ Мамаемъ. Великій князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ тотъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣтились съ татарами и гнали ихъ. Димитрій, собравъ воеводъ и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ“, велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду Государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая

руки къ златому образу Спасителя, сіявшему въ дали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, помолился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и *милыми братьями,* утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противника: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя“ — говорили они — „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды“. Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *Братья! умремъ за отечество!* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ“. Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила,* первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили монголовъ, индѣ монголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими, если бы вѣрная дружина не отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опыт-

нымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня, — сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время". Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣвъ общее бѣгство своихъ, терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!" и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, доверщивъ побѣду, сталъ *на костяхъ,* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ мой братъ и *первоначальникъ* нашей славы?" Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „государь! ты побѣдилъ враговъ!" Димитрій всталъ; видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ; Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчислен-

ныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собой дружину свою. Димитрій, сопровождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

IОАННЪ III.
(1462—1505 г.).

Куликовская битва показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, но не сбросила съ Россіи татарскаго ига. Тохтамышъ, новый татарскій ханъ, заступившій мѣсто Мамая, уже при Димитріи Донскомъ ворвался въ Россію, разграбилъ и сжегъ Москву. При Василіи I-мъ, сынѣ и наслѣдникѣ Димитрія Донского, новый страшный завоеватель, Тамерланъ или Тимуръ, вышелъ изъ степей средней Азіи и, преслѣдуя Тохтамыша, также ворвался въ Россію; но, къ счастію, отъ Ельца неожиданно поворотилъ назадъ. За Тамерланомъ мурза Едигей показалъ русскимъ, что татары еще сильны. При Василіи II, *Темномъ,* сынѣ и наслѣдникѣ Василія I, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ: такъ называлось татарское царство, столицею котораго былъ Сарай, основанный татарами при устьяхъ Волги. Отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: царство *Казанское* и ханство *Крымское.* Казань и Крымъ дѣлали много зла Россіи, пока не были окончательно покорены ею. Былъ въ это время у юнаго Московскаго государства и еще одинъ сильный врагъ—Литва, подчинившая себѣ надолго Кіевъ и всю юго-западную Русь; былъ еще и буйный Великій Новгородъ, не хотѣвшій признать надъ собою власти московскихъ князей; были еще и удѣлы, мѣшавшіе русскимъ сосредоточить свои силы для отпора внѣшнихъ враговъ. При Василіи II, Темномъ, кровавыя удѣльныя усобицы еще разъ напомнили Россіи времена ослѣпленія Василька. Между Василіемъ II и его дядею Юріемъ, сыномъ Димитрія Донского, завязалась распря о томъ, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ и быть великимъ княземъ. Эти семейные раздоры про-

должались и при дѣтяхъ Юрія: Василіи Косомъ и Димитріи Шемякѣ. Василій II-й ослѣпилъ своего двоюроднаго брата, Василія Косого, но во время своей поѣздки въ Троицко-Сергіевскую Лавру попался въ руки Димитрія Шемяки и былъ ослѣпленъ въ свою очередь, отчего и получилъ прозваніе *Темнаго*.

Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь случайностямъ войны, сколь возможно щадя кровь и силы народа, умѣлъ сосредоточить въ рукахъ своихъ всѣ силы Россіи; таковъ былъ Іоаннъ III, сынъ и наслѣдникъ Василія II-го, *Темнаго*. Въ продолженіе своего 43-хъ лѣтняго царствованія онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Великій Новгородъ, уничтоживъ въ немъ вѣче и народное правленіе; присоединилъ Тверское великое княженіе, еще нѣсколько малыхъ удѣловъ и сдѣлался самодержавнымъ государемъ всей тогдашней Восточной Руси.

Іоаннъ III-й былъ, конечно, несравненно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему московскихъ государей; однако, по крайней осторожности своей, не вступалъ въ открытую борьбу съ Ордою и продолжалъ платить ей унизительную дань; но между тѣмъ старался воспользоваться раздѣленіемъ ея на части и ненавистью однихъ татарскихъ хановъ къ другимъ. Онъ подружился съ сильнымъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и, только увѣрившись въ его помощи, отказался платить обычную дань сарайскому хану Ахмату и выгналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ спѣшилъ мстить Іоанну и смирить своего возмутившагося данника: собралъ значительное войско и пошелъ къ Москвѣ. На берегахъ Угры встрѣтилъ его Іоаннъ; но, несмотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, несмотря на убѣжденія духовенства, не рѣшился вступать въ битву съ татарами, которые также медлили. И хорошо сдѣлалъ Іоаннъ, потому что Ахматъ самъ поворотилъ назадъ, узнавъ, что Менгли-Гирей, соединившись съ отрядомъ москвичей, грабитъ и разоряетъ его столицу, Сарай, оставленную безъ всякой защиты.

Такимъ образомъ, 1480 годъ мы можемъ считать годомъ, въ который окончилось татарское иго, тяготѣвшее надъ Россіей болѣе

двухъ столѣтій. Болѣе 200 лѣтъ продолжалось это тяжелое иго, и въ то время, когда другія европейскія государства устраивались, образовывались, дѣлали быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, мы боролись съ татарами. Сообразивъ это, мы не будемъ удивляться, что тогдашняя Россія отстала далеко въ образованіи отъ другихъ европейскихъ государствъ, и что иностранные послы, пріѣзжая въ Москву, удивлялись нашимъ татарскимъ обычаямъ, грубости нашихъ нравовъ и нашему невѣжеству.

Съ уничтоженіемъ татарскаго ига не все еще кончилось. Россіи предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцевъ, вынести тяжелые годы междуцарствія, поставить предѣлы распространенію на востокъ Литвы и Польши, отбиться отъ ливонцевъ и шведовъ, проникавшихъ въ Россію съ сѣверо-запада, завоевать хоть одинъ портъ на Балтійскомъ или Черномъ морѣ, чтобъ имѣть возможность войти въ непосредственныя сношенія съ образованными государствами Европы,—и тогда только думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Для этого нужно было еще два съ половиною столѣтія и цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

(Въ 1552 г.).

Заря освѣтила небо ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ, россіяне—предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслись вверхъ въ обла-

кахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви; Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго,—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглись, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось, многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили, спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Тайнъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

НАРОДНАЯ ПѢСНЯ ПРО ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старики, будемъ сказывати про грознаго царя Ивана Васильевича; какъ онъ, нашъ царь-государь, подъ Казань-городъ ходилъ, подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ, за Сулай-рѣку бочки съ порохомъ катилъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А татары по городу похаживають и всяко грубіянство оказываютъ; они грозному царю насмѣхаются: а не быть нашей Казани за бѣлымъ царемъ!

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался, что подрывъ такъ долго медлился: приказалъ онъ за то пушкарей казнить, подкопщиковъ и зажигальщиковъ; какъ всѣ тутъ пушкари призадумались, а одинъ пушкарь поотважился: „прикажи, государь-царь, слово выговорить!" Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить, тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи, и вдругъ разрывало бочки съ порохомъ, какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку. Всѣ татары тутъ, братцы, устрашилися, они бѣлому царю покорилися.

ВАСИЛІЙ ШИБАНОВЪ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ, съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный. Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ — какъ быть среди ночи туманной? Но рабскую вѣрность Шибановъ храня, своего отдаетъ воеводѣ коня: „Скачи, князь, до вражьяго стану, авось я пѣшой не отстану".

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ опальный сидитъ воевода; стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,—безъ шапокъ толпятся у входа. Всякъ русскому витязю честь воздаетъ; не даромъ дивится литовскій народъ, и ходятъ ихъ головы кругомъ: „Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!"

Но князя не радуетъ новая честь, исполненъ онъ желчи и злобы; готовится Курбскій царю перечесть души оскорбленной зазнобы: „Что долго въ себѣ я таю и ношу, то все я пространно царю напишу: скажу напрямикъ, безъ изгиба, за всѣ его ласки спасибо!"

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ, перо его местію дышетъ; прочтетъ, улыбнется и снова прочтетъ, и снова безъ отдыха пишетъ; и злыми словами язвитъ онъ царя, и вотъ ужъ, когда занялася заря, поспѣло, ему на отраду, посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова отвезть Іоанну возьмется? Кому не люба на плечахъ голова? Чье сердце въ груди не сожмется?

Невольно сомнѣнья на князя нашли... Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли: „Князь, служба моя не нужна ли? вишь, наши меня не догнали!“

И въ радости князь посылаетъ раба, торопитъ его въ нетерпѣньи: „ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба, а вотъ и рубли въ награжденье!“ Шибановъ въ отвѣтъ господину: „Добро! тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро, а я передамъ и за муки письмо твое въ царскія руки“.

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой; царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ: зоветъ ли обратно онъ прежній покой, иль совѣсть навѣки хоронитъ? Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ, и звону внимаетъ московскій народъ, и молится, полный боязни, чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема, звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый, звонитъ всей опричи кромѣшная тьма, и Васька Грязной, и Малюта, и тутъ же, гордяся своею красой, съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой, любимецъ звонитъ Іоанновъ, отверженный Богомъ Басмановъ. Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ, и съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье. Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ, надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой, къ царю Іоанну подходитъ пѣшой и молвитъ ему, не блѣднѣя: „Отъ Курбскаго, князя Андрея!“ И очи царя загорѣлися вдругъ: „Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого! Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ посланье отъ слова до слова!“

„Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!“ И въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ, налегъ на костыль и внимаетъ: „Царю, прославляему древле отъ всѣхъ, но тонущу въ скверпахъ обильныхъ! Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?“

„Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны, безъ счету твердыни враговъ сражены? Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ? И кто имъ бысть вѣрностью равенъ? Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ, въ небытную ересь прельщенный? Внимай же! При-

идетъ возмездія часъ, писаніемъ намъ предреченный, и азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ за тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ, съ тобой предъ Судьею предстану!“ Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну. Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилася токомъ, и царь на спокойное око слуги взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ; былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ, какъ будто исполненъ печали, и всѣ въ ожиданьи молчали. И молвилъ такъ царь: „Да, бояринъ твой правъ, и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной; кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ, я песъ недостойный и смрадный“.

„Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ; и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ, что выдалъ тебя за безцѣнокъ. Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!“

Изъ стихотвор. графа А. Толстого.

ВЕЛИКОДУШІЕ СВ. ФИЛИППА.
(1568 г.).

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ (Грозный), препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его была въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый Владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго, не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская! Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣетъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убій-

ства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ мукъ? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. Боюсь Господа единаго!“ Іоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ; отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!“ и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться въ судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи: игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостью. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго, а царю: „Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти; нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что̀ тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ и страшитесь Небеснаго царя еще болѣе, нежели земного“. Онъ хотѣлъ удалиться; царь остановилъ его, сказавъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею: принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8-го ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооружен-

ныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услыхали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы. Филиппъ, съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитеся!“ На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора. Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ великодушно, умилительно: не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ: вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Стараго,* на берегу Москвы рѣки, терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,—царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

ПОСОЛЬСТВО ЕРМАКА.

Іоаннъ то предавался подозрѣніямъ и казнилъ самыхъ лучшихъ, самыхъ знаменитыхъ гражданъ, то приходилъ въ себя, каялся всенародно и посылалъ въ монастыри богатые вклады и длинные синодики съ именами убіенныхъ, приказывая молиться за ихъ упокой. Изъ прежнихъ его любимцевъ не уцѣлѣло ни одного. Послѣдній и главный изъ нихъ, Малюта Скуратовъ, не испытавъ не разу опалы, былъ убитъ при осадѣ Пайды, или Вейсенштейна, въ Ливоніи, и въ честь ему Іоаннъ сжегъ всѣхъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ на кострѣ.

Сотни и тысячи русскихъ, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на лучшія времена, уходили толпами въ Литву и Польшу.

Одно только счастливое событіе произошло въ теченіе этихъ лѣтъ: Іоаннъ постигъ всю безполезность раздѣленія земли на двѣ половины, изъ которыхъ меньшая терзала большую, и, по внушенію Годунова, уничтожилъ ненавистную опричнину. Онъ возвратился на жительство въ Москву, а страшный дворецъ въ Александровской слободѣ запустѣлъ навсегда.

Между тѣмъ много бѣдствій обрушилось на нашу родину. Голодъ и моръ опустошали города и селенія; нѣсколько разъ ханъ *) вторгался въ наши предѣлы, и въ одинъ изъ своихъ набѣговъ сжегъ всѣ посады подъ Москвой и большую часть самаго города. Шведы нападали на насъ съ сѣвера; Стефанъ Баторій, избранный сеймомъ послѣ Жигимонта, возобновилъ литовскую войну, и, несмотря на мужество нашихъ войскъ, одолѣлъ насъ своимъ умѣньемъ и отнялъ у насъ всѣ наши западныя владѣнія.

Царевичъ Іоаннъ хотя раздѣлялъ съ отцомъ его злодѣйства, но почувствовалъ на этотъ разъ униженіе государства и попросился у отца съ войскомъ противъ Баторія. Іоаннъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ свергнуть его съ престола и, въ припадкѣ бѣшенства, убилъ сына ударомъ остраго посоха. Разсказываютъ, что Годуновъ, бросившійся между нихъ, былъ жестоко израненъ царемъ и сохранилъ жизнь только благодаря врачебному искусству пермскаго гостя Строгонова.

*) Ханъ Крымскій.

Послѣ этого убійства Іоаннъ, въ мрачномъ отчаяніи, созвалъ думу, объявилъ, что хочетъ идти въ монастырь, й приказалъ приступить къ выбору другого царя. Снисходя однако на усиленныя просьбы бояръ, онъ согласился остаться на престолѣ и ограничился однимъ покаяніемъ и богатыми вкладами; а вскорѣ потомъ снова начались казни. Такъ, по свидѣтельству Одерборна, онъ осудилъ на смерть двѣ тысячи триста человѣкъ за то, что они сдали врагамъ разныя крѣпости, хотя самъ Баторій удивлялся ихъ мужеству.

Теряя свои владѣнія одно за другимъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, видя внутреннее разстройство своего государства, Іоаннъ былъ жестоко пораженъ въ своей гордости, и это мучительное чувство отразилось на его пріемахъ и наружности. Онъ сталъ небреженъ въ одеждѣ; высокій станъ его согнулся, очи померкли, нижняя челюсть отвисла, какъ у старика; и только въ присутствіи другихъ дѣлалъ усилія надъ собою, гордо выпрямлялся и подозрительно смотрѣлъ на окольныхъ, не замѣчаетъ ли кто въ немъ упадка духа. Въ эти минуты онъ былъ страшнѣе, чѣмъ во дни своего величія. Никогда еще Москва не находилась подъ такимъ давленіемъ унынія и боязни.

Въ это скорбное время неожиданная вѣсть пришла отъ крайняго востока, ободрила всѣ сердца и обратила горе въ радость.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли въ Москву знатные купцы Строгоновы, родственники того самаго гостя, который излѣчилъ Годунова. Они имѣли отъ царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли пермской и жили на нихъ владѣтельными князьями независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ, съ своею управой и своею дружиной, при единственномъ условіи охранять границы отъ дикихъ сибирскихъ народовъ, нашихъ недавнихъ и сомнительныхъ данниковъ. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за *Каменный поясъ* *) и сами напасть на непріятельскую землю. Для успѣшнѣйшаго исполненія этого замысла, они обратились къ нѣсколькимъ раз-

*) Т. е. Уральскія горы.

бойничьимъ или, какъ они себя называли, казачьимъ атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были Ермакъ Тимоѳеевъ и Иванъ Кольцо, осужденный когда-то на смерть, но спасшійся чудеснымъ образомъ отъ царскихъ стрѣльцовъ и долгое время пропадавшій безъ вѣсти. Получивъ отъ Строгоновыхъ дары и грамоту, которою они призывались на славное и честное дѣло, Ермакъ и Кольцо, съ тремя другими атаманами, подняли знамя на Волгѣ, собрали изъ удалой вольницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ. Сорокъ струговъ были тотчасъ нагружены запасами и оружіемъ, и небольшая дружина, подъ воеводствомъ Ермака, отслуживъ молебенъ, поплыла съ веселыми пѣснями вверхъ по рѣкѣ Чусовой, къ дикимъ горамъ Уральскимъ. Разбивая вездѣ враждебныя племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша, гдѣ разбили и взяли въ плѣнъ главнаго воеводу сибирскаго, Маметкула, и овладѣли городомъ Сибирью, на высокомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе, покорилъ весь край до Оби и заставилъ побѣжденные народы цѣловать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо въ Москву бить челомъ великому государю и кланяться ему новымъ царствомъ.

Съ этою радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Іоанну, и вскорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованіе въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Царь обласкалъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный пріемъ Ивану Кольцу.

Въ большой кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой рясѣ, украшенный образами и дорогими каменьями. По правую его руку стоялъ царевичъ Ѳеодоръ, по лѣвую—Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены

были рынды *) въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспрянувъ духомъ послѣ извѣстія, привезеннаго Строгоновыми, Іоаннъ смотрѣлъ уже не такъ мрачно, и на устахъ его появлялась даже улыбка, когда онъ обращался къ Годунову съ какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Но лицо его сильно постарѣло, морщины сдѣлались глубже, на головѣ осталось мало волосъ, а изъ бороды вылѣзли вовсе.

Борисъ Θеодоровичъ въ послѣдніе годы быстро пошелъ въ гору. Онъ сдѣлался шуриномъ царевича Θеодора, за котораго вышла сестра его Ирина, и носилъ теперь важный санъ конюшаго боярина. Разсказывали даже, что царь Иванъ Васильевичъ, желая показать, сколь Годуновъ и невѣстка близки его сердцу, поднялъ однажды три перста кверху и сказалъ, дотрогиваясь до нихъ другою рукою: „Се Θеодоръ, се Ирина, се Борисъ; и какъ рукѣ моей было бы одинаково больно, который изъ сихъ перстовъ отъ нея бы ни отсѣкли, такъ равно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного изъ трехъ возлюбленныхъ чадъ моихъ“.

Такая необыкновенная милость не родила въ Годуновѣ ни надменности, ни высокомѣрія. Онъ былъ попрежнему скроменъ, привѣтливъ къ каждому, воздерженъ въ рѣчахъ, и только осанка его получила еще болѣе степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положенію.

Глядя на царевича Θеодора, нельзя было удержаться отъ мысли, что слабы тѣ руки, которымъ, по смерти Іоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малѣйшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Онъ былъ уже два года женатъ, но выраженіе его осталось дѣтское. Ростомъ онъ былъ малъ, сложеніемъ дряблъ, лицомъ блѣденъ и опухловатъ. При томъ онъ постоянно улыбался и смотрѣлъ робко и запуганно. Не даромъ ходили слухи, что царь, жалѣя о стар-

*) Царскіе тѣлохранители.

шемъ сынѣ, говаривалъ иногда Ѳеодору: „Пономаремъ бы тебѣ родиться, Ѳедя, а не царевичемъ!“

Шопотъ, раздававшійся во дворцѣ между придворными, былъ внезапно прерванъ звуками трубъ и звономъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максимъ и Никита Строгоновы, съ дядею ихъ Симеономъ. Позади несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Иванъ Кольцо, шедшій во главѣ посольства, былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, проницательными глазами, съ черной, густою, но короткою бородою, подернутою легкою просѣдью.

„Великій государь! сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ и новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще и это, Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!“

И, проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо, вмѣстѣ съ товарищами, опустился на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

— „Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Іоаннъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!“

Изъ ром. „Князь Серебряный“ гр. А. Толстого.

ПЕРВОЕ ИЗВѢСТІЕ О САМОЗВАНЦѢ.

(Царскія палаты; царевичъ Ѳеодоръ чертитъ географическую карту; входитъ царь Борисъ).

Царь. А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва, тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море; пермскіе дремучіе лѣса; а вотъ Сибирь.

Царь. А это что узоромъ здѣсь віется?

Θеодоръ. Это Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья! Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть все царство вдругъ: границы, грады, рѣки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстротекущей жизни. Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть, всѣ области, которыя ты нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ, всѣ подъ руку достанутся твою. Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе державный трудъ ты будешь постигать. *(Входитъ Шуйскій. Борисъ обращается къ нему).* Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ! я выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій. Такъ, государь, мой долгъ тебѣ повѣдать вѣсть важную.

Царь. Я слушаю тебя.

Шуйскій *(тихо, указывая на Θеодора).* Но, государь...

Царь. Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій. Царь! изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть...

Царь. Не та ли, что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Шуйскій *(про себя).* Все знаетъ онъ! *(вслухъ).* Я думалъ, государь, что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь. Нѣтъ нужды, князь; хочу сообразить извѣстія: иначе не узнаемъ мы истины.

Шуйскій. Я знаю только то, что въ Краковѣ явился самозванецъ, и что король и паны за него.

Царь. Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій. Не вѣдаю.

Царь. Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій. Конечно, царь, сильна твоя держава! Ты милостью, радѣньемъ и щедротой усыновилъ сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: безсмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна; легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, и баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; такъ, если сей невѣдомый бродяга литов-

скую границу перейдетъ, къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Димитрія воскреснувшее имя.

Царь. Димитрія... какъ... этого младенца? Димитрія!.. Царевичъ, удались!

Шуйскій *(про себя)*. Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Ѳеодоръ. Государь, дозволишь ли?

Царь. Нельзя, мой сынъ, поди *(Ѳеодоръ уходитъ)*. Димитрія!..

Шуйскій *(про себя)*. Онъ ничего не зналъ.

Царь. Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ, чтобъ отъ Литвы Россія оградилась заставами; чтобъ ни одна душа не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ, чтобъ воронъ не пролетѣлъ изъ Кракова. Ступай *).

ЧУДО СВ. ДИМИТРІЯ.

(Царскія палаты; царь Борисъ, патріархъ, бояре; патріархъ говоритъ Борису).

„Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ; въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь благословилъ на царскую державу, — въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды простой пастухъ, уже маститый старецъ, и чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну. „Въ младыхъ лѣтахъ“, сказалъ онъ, „я ослѣпъ, и съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лѣчился и зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ; напрасно я ходилъ на поклоненье въ обители къ великимъ чудотворцамъ, напрасно я изъ кладезей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи — не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья. Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду и къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны мнѣ видѣнныхъ вещей ужъ не являли, а снилися мнѣ только звуки. Разъ, въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ мнѣ говоритъ: „встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья; тамъ помолись ты надъ моей могилой; Богъ милостивъ—и я тебя прощу“. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. „Царевичъ я, Димитрій. Царь небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперь великій чудотво-

*) Отрывокъ изъ драмы „Борисъ Годуновъ“, гдѣ разсказывается убіеніе царевича Димитрія, помѣщенъ въ статьѣ „Поѣздка по Волгѣ“.

рецъ. Иди, старикъ". — Проснулся я и думалъ: что жъ? можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Богъ мнѣ позднее даруетъ исцѣленье: пойду— и въ путь отправился далекій. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ и слушаю обѣдню и, разгорясь душой усердной, плачу такъ сладостно, какъ будто слѣпота изъ глазъ моихъ слезами вытекала. Когда народъ сталъ выходить, я внуку сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Димитрія. И мальчикъ повелъ меня— и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку". Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ. *(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).*

„Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ, и свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе, подобно, обрѣли у гробовой царевича доски. Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи перенести, поставить ихъ въ соборѣ Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ".

Изъ др. «Борисъ Годуновъ» А. Пушкина.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

(1608 г.)

Троицкая лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермью, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою, Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра, еще въ царствованіе Іоанна IV, была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени), съ баш-

нями, острогомъ и глубокимъ рвомъ; предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ и, съ помощью усердныхъ иноковъ, снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще не закоснѣлыхъ измѣнниковъ и предоставляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константинъ Вишневскій, Тышкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непріятель въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ, лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, но могли вмѣститься въ келіяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія гибельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ"—и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іосафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разста-

вили пушки, назначили кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгоруковъ съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны*. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностью готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры ни днемъ, ни ночью.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

КОЗЬМА ЗАХАРЬЕВИЧЪ МИНИНЪ-СУХОРУКЪ.

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижегородскаго Кремля, подлѣ собора. Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы).

Проходятъ двое.—1-й. Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы каменные, что ли? *(Проходятъ).*

Старикъ и женщина.—Старикъ. Гибнетъ, говорятъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь *(Проходятъ).*

Проходятъ четверо. — 1-й. Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, что ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й. Безпремѣнно. *(Проходятъ).*

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицу для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Аксеновъ (богатый торговый человѣкъ), Поспѣловъ (боярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ (торговые люди).

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ

ногами ты земли не чуешь, и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Какое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ! А день придетъ — забота за заботой навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ; и разумъ крѣпче, да и воля тверже, и особливо помолясь усердно. Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ онъ Ангелу Хранителю, Козьмѣ-Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

Темкинъ. Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

Мининъ *) *(съ лобнаго мѣста).* Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молютъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошенье! Поможемъ, братья, роднпѣ святой! Что жъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ль мы дѣти матери одной? Не всѣ ль мы братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И аще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и домы! А будетъ мало—женъ, дѣтей заложимъ!

---

*) Земскій староста Нижняго посада.

Голоса. Заложимъ женъ! дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай—вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій!—Другого намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго избрали мы всѣ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи, благослови начало! свои, копленыя и трудовыя, всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копейку трудовую!

Другіе голоса. Что деньги! Деньги дѣло наживное: какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефеда *), чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизи и серьги, весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли бъ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ! Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мірская ходитъ! *(Начинается приношеніе).*

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи).

Губанинъ *(Темкину).* Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

---

*) Сынъ Минина.

Темкинъ. Погоди, успѣешь! Мы первые пошли на это дѣло—не спятимся.

(Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ).

Колзаковъ *(Минину)*. А я что дамъ? До нитки промотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человѣкъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ; а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего. И одежонка вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу! Нашлось-таки что̀ Господу отдать. *(Снимаетъ)*. Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входитъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и ларцы).

Нефедъ. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ. Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ! Кладите въ кучу—послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна. Вотъ, сударь ты мой, Кузьма Захарычъ, ты приказалъ женѣ своей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камешками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я и не знаю, на что тебѣ; я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ, ты слово твердое—такъ что намъ думать.

Мининъ. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Уходитъ. Входитъ Марѳа Борисовна, богатая вдова; за нею несутъ сундуки и ларцы).

Марѳа Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдію прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей—одинмъ-одна осталась хозяйкою несчетнаго добра чужого,—я съ собою мало въ домъ принесла.

Искала я родныхъ,—родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души,—и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божіимъ, на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ и слѣпымъ, и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители—и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро, и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на Святую Гору—и не могла раздать. Все прибавлялось,—то долгъ несутъ, то кортому съ угодій. И не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось! Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмите. А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно—однихъ угодій хватитъ на прожитокъ. *(Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь).*

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги.

Другой. Зипунишко! *(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами).*

Голоса. Вотъ наши деньги изъ квасного ряду!—Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! — Костромичи собрали—принимайте! Стрѣльцы Колзакова Баима сотни!

Поспѣловъ. Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ. И я смотрю, душа во мнѣ растетъ. Не явно ли благословенье Божье! Теперь у насъ и войско, и казна, и полководецъ. Недалеко время, когда, вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ! Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшенъ намъ злохитрый ковъ его! За насъ молитвы цѣлаго народа, дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнье иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадилъ! За насъ угодники и чудотворцы, и легіоны грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Изъ драмы Островскаго).

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г., 21 февраля).

Слова: „*Москва взята! Въ Москвѣ уже нѣтъ ляховъ!*" казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія опомнилась послѣ безумнаго опьянѣнія, продолжавшагося *восемь лѣтъ,* съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрѣ 1604 года,* до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолѣвая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрѣ 1612 года,* къ искренней радости, примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ грѣшенъ?* Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству и прежде всего рѣшились общею думою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поклялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Заруцкаго отправили войско; его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делагарди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ, прислалъ пословъ—говорить объ избраніи шведскаго принца: ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебенъ, приступили къ освященіямъ. Авраамій, уважаемый всѣми, краснорѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избрать никого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились во-едино, всѣ провозгласили юнаго, непорочнаго *Михаила,* сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьиныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Ѳеодоръ, Авраамій и бояринъ Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо дожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя Михаила, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условія, безъ оговорокъ, избраніе Михаила совершилось 21-го

февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ человѣкъ,* по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божію.

(Изъ соч. Полевого).

ПЕТРЪ I.

Петръ былъ слишкомъ 2-хъ аршинъ 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, онъ велѣлъ подать себѣ штуку сукна и, бросивъ ее вверхъ, кортикомъ перерубилъ ее на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную же чашу. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою-нибудь мыслію и увлекался разговоромъ.

Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій (австрійскій) посолъ, графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ: ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была

самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимою, вмѣсто бархатнаго картуза, носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы были подбиты соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь неохотно разставался съ сей простотою и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ, въ молодости Людовика XV, пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Пріѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ; ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва прикрывалъ волосы. Были однакожъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностью: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отчего нѣсколько канители осыпалось на полъ. „Смотри, Катенька“, сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки: „слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, — а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата“.

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно. Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ—вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ

сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплатить деньги, но не могъ забыть этой издержки и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. „Мнѣ мотать не изъ чего", говаривалъ онъ въ другое время: „жалованья заслуженнаго у меня не много, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ во всемъ отдать отчетъ Богу". Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя денщиками—однимъ, который сидѣлъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ.

Та же простота, какую соблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. „Если хотите остаться моими друзьями", говорилъ онъ саардамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году, то обходитесь со мною не какъ съ царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго требуетъ свѣтъ". Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „чего ты?" и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ, „эхъ, братъ!" продолжалъ Петръ, ударивъ его по плечу: „у тебя свои дѣла, у меня мои; зачѣмъ время тратить по пустому; ступай своей дорогой". „Менѣе низости", говаривалъ онъ, „и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ — вотъ почести, которыхъ я хочу".

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, пировалъ съ другими, плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ ча-

сто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки,* отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ то же, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе—прощеніе; за утайку нѣтъ помилованія“, повторялъ онъ часто: „лучше грѣхъ явный, нежели тайный“.

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ сенатѣ“, отзывался онъ о Долгоруковѣ: „прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“.

ДЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ царь жилъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ: читалъ въ это время С.-Петербургскія Вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и безъ кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкою въ дру-

гой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ бранденбургскому посланнику пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Посланникъ, имѣвшій важныя порученія и не могши вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. „Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ", сказалъ Петръ, когда ему доложили о его пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взобраться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельной мачтѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія и подписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при этомъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. Зато Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдено больше ясности и менѣе многословія. 16-го марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, причемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь

давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій: и богатый, и неимущій, и знатный вельможа, и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ столовую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ, съ солеными огурцами или лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клалась всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному денщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ въ собою и класть передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ много прислуги. Дежурный денщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія Вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ токарню или въ кабинетъ; сюда приходили къ нему по дѣламъ. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что

ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

„Трудиться надобно, братецъ", говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: „я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобъ показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству".

Море было любимою стихіею Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанье по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: „Нѣтъ, Царь, ты не забудешь! я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ". Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частью самъ трудился. Движимый сей страстью къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ навстрѣчу тѣмъ, которыя приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ-деръ Гейдена; трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ; безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Мальборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Амстердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ ученіи. Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй; передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. „Я назову его по имени, сказалъ мастеръ Маль-

боругу: онъ оборотится, и вы успѣете свободнѣе разсмотрѣть его". Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. „Петръ изъ Саардама, что жъ ты зѣваешь? поди помогать другимъ", продолжалъ мастеръ, обращаясь къ Царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ и, подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ теперь исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно разсказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрохтѣ на фабрикахъ Моллема полотно; ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера, неподалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ, и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или, по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Самый отдыхъ Петра былъ работою. Онъ отдыхалъ или за токарнымъ станкомъ, или вырѣзывая на мѣди достопамятные случаи своего царствованія.

Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и въ морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно онъ былъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы, слова лились рѣкою и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ тираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины

отдѣланный, или кормщика, проведшаго челнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній.

Изъ Русской Стар. Корниловича.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 года, 27 іюня.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы:
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами

Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ-плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы:
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина».

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя.
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали;
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?

Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе разорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ:
Что толку въ этакой бездѣлкѣ!
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ!
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его, сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;

И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой.

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

МАНИФЕСТЪ.
19 февраля 1861 года.

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ [слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ замкнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи неслѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ.

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

ОТДѢЛЪ III.

ИЗЪ ГЕОГРАФІИ.

ВБЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальнозоркій человѣкъ будетъ видѣть однѣ только чернѣющіяся строчки и много-много если различитъ большія буквы. Пусть кто-нибудь возьметъ въ руки книгу и, продолжая ее держать такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить съ нею все дальше и дальше; за десять, за пятнадцать саженей строчки исчезнутъ; саженей за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженей дальше — и не только нельзя будетъ разобрать, что̀ держитъ уходящій человѣкъ въ рукахъ, но и самого человѣка будетъ трудно узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человѣка, а за пять, за шесть—и весь человѣкъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою, почти неподвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро; еще нѣсколько саженей дальше—и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различите широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы, но черезъ минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетаетъ съ прежнею быстротою; еще минута, другая—пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезнетъ въ синевѣ небесной.

Всѣ предметы, какъ бы они велики ни были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы, уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся, и если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ

на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдали, вѣроятно, догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое-нибудь очень высокое зданіе, если можно еще видѣть его на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой-нибудь предметъ на горизонтѣ на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то, хотя бы этотъ предметъ казался вамъ не больше болотной кочки, вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что это должно быть какая-нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая намъ кажется величиною съ большую тарелку, находится отъ насъ за 360.200 верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что поперечникъ луны на самомъ дѣлѣ менѣе поперечника земли только въ четыре раза, даже немного меньше. Однако по объему луна въ 81 разъ меньше земли. Солнце же, которое кажется не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше. Можно себѣ представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ за 144 милліона верстъ! Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце; какъ же должны быть велики эти маленькія звѣздочки, когда мы ихъ видимъ на такомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

ЗЕМЛЯ.

Мы уже знаемъ, что звѣздочки, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если бы съ одной изъ этихъ звѣздочекъ можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною, блестящею точкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, селъ и полей, много необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе двухъ третей всей земной поверхности занято водою: океанами и морями.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму

имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя не согласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть сразу невозможно. Представьте себѣ, что по огромному, почти шарообразному куполу какой-нибудь церкви ползетъ маленькая мошка; трудно будетъ ей узнать форму этого купола, и долго она проползаетъ по немъ, прежде чѣмъ узнаетъ, что онъ имѣетъ форму шара. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ, меньше, чѣмъ самая маленькая мошка въ отношеніи самаго большого церковнаго купола. И долго человѣкъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большого *шара*.

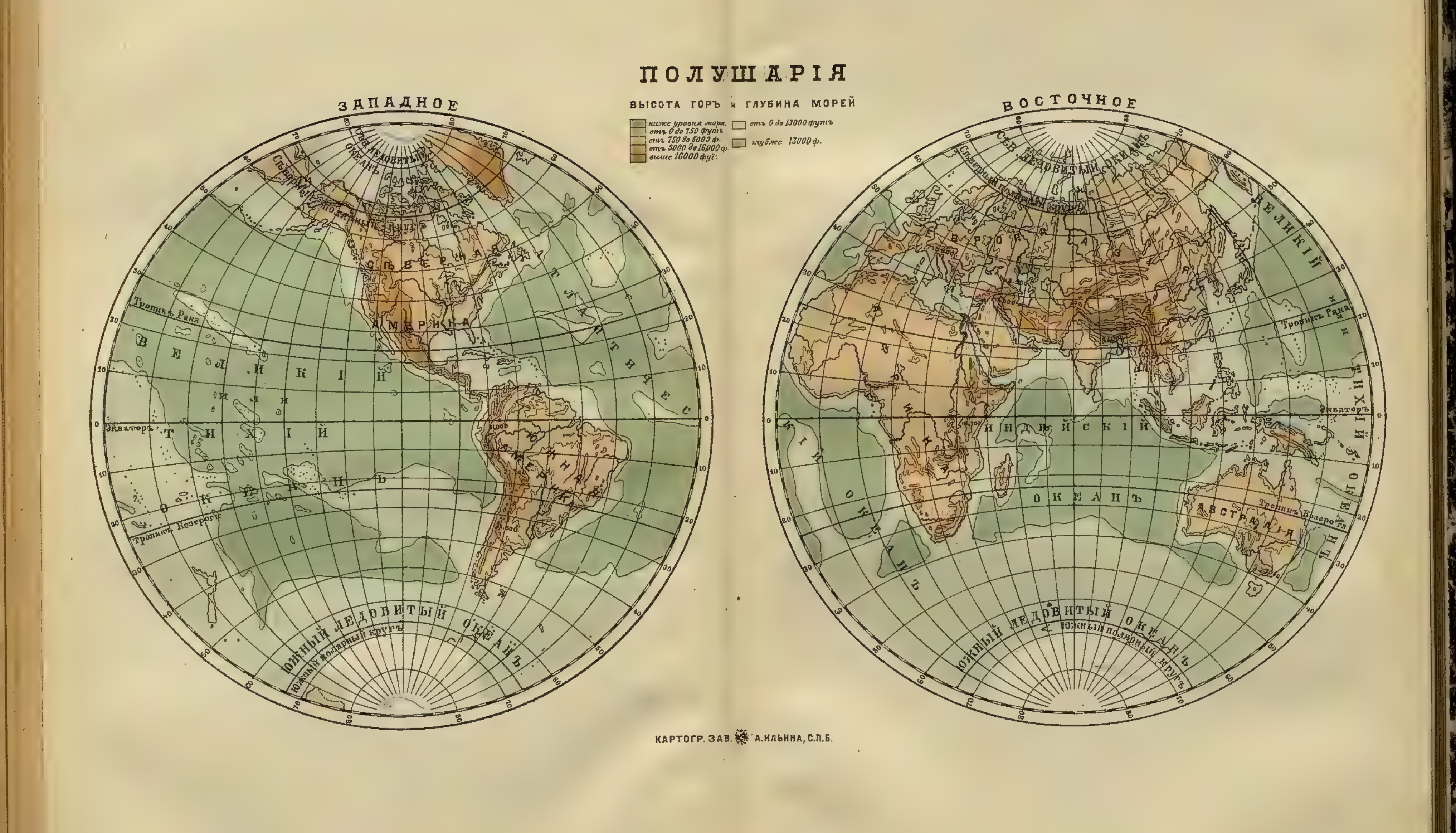
Если человѣку удавалось быть на морѣ или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде, чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить—неизвѣстно. Были, правда, такіе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было не много, и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошіе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше и нигдѣ не находя края земного. Наконецъ, нашлись такіе смѣльчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, если бы она ползла все прямо вдоль купола, не возвращаясь назадъ: она приползла бы наконецъ къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

ГЛОБУСЪ.

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы

говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ, потому что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидитъ человѣкъ десять китолововъ: а лодка эта въ четыре раза меньше кита. Зная же, какъ великъ человѣкъ въ натурѣ, мы заключаемъ о величинѣ громаднаго морского звѣря. На картинкахъ по большой части всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; зато возлѣ такой горы человѣка и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же нарисуемъ человѣка, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькій холмикъ. На картинкахъ, слѣдовательно, предметы изображаются по большей части въ уменьшенномъ видѣ, но *пропорціонально,* т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинкѣ одинъ предметъ, во столько разъ уменьшенъ и другой. Если же на картинкѣ иногда рисуютъ человѣка больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человѣкъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ кажется меньше.

На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на одномъ листѣ: стоитъ только вымѣрить, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на бумагѣ такой четыреугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ саженей. На этомъ маленькомъ четыреугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печи, и т. д. Такъ же мы можемъ нарисовать и цѣлый садъ. Если мы нарисуемъ деревья, кусты, бесѣдки и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т. е. тѣ, которые поближе—въ большомъ видѣ, а тѣ, которые дальше—въ меньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ садъ во всѣхъ направленіяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.

потомъ означимъ на этой фигурѣ положеніе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ, всѣхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большого города, означивъ на планѣ теченіе рѣки, положеніе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома по одиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стоитъ узнать названіе улицы, и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать не только *планъ* дома, сада, города, но и планъ цѣлой большой страны, и означить на этомъ планѣ всѣ рѣки, озера, моря, положеніе горъ, лѣсовъ, границы губерніи, города. Такой планъ называется уже *картою*. Но понятно, что рѣка, длиною въ двѣсти или триста верстъ въ натурѣ, будетъ на планѣ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною; цѣлый большой городъ — одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всѣ предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ или *карту* всей земли! Здѣсь уже рѣка, въ тысячу верстъ длиною, будетъ небольшою чертою въ полвершка.

Но какъ же рисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой уже нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющій землю, называется *глобусомъ*. Если же представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земного шара, то обыкновенно рисуютъ ее въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, каковы полушарія въ натурѣ, а плоскихъ; въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земного шара, въ другомъ — другой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ПОЛУШАРІЯМИ.

Взглянувъ на карту двухъ земныхъ полушарій, легко узнать, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля, или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земного шара и вся вмѣстѣ называется океаномъ. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками,* и между которыми разбросано множество маленькихъ *острововъ* и островковъ. Посреди материковъ вы замѣчаете еще воду въ видѣ *озеръ,* окруженныхъ со всѣхъ сторонъ землею, или въ видѣ рѣкъ, изображенныхъ тоненькими извивающимися черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *заливы;* въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море и образуетъ *полуострова.* Иногда два моря или заливъ съ моремъ соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ.* Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ.* Большія части океана, лежащія у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются морями.

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обоихъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше, чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи, гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ; на другомъ — Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ потому, что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго, лежитъ Атлантическій океанъ, а къ западу — Тихій океанъ; на югѣ земного шара — Южный, а на сѣверѣ — Сѣверный, или Ледовитый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земного шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распростра-

няютъ теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Стараго Свѣта—Европа, Азія и Африка—окружаютъ довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе, къ сѣверу, жили дикія, необразованныя племена, не знавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіатскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ небольшой, но предпріимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорятъ даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки, а это, по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянъ ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Нилъ, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе, къ западу, на африканскомъ же берегу, жили кареагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикіи. Кареагеняне были, какъ и ихъ предки, народъ торговый и странствовали, по тогдашнему времени, довольно далеко,—ѣздили даже въ самую Англію, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Апенинскимъ или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею, но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю, и выѣхать изъ Средиземнаго моря, за *Гибралтарскій про-*

ливъ, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались немногіе. Если же какой-нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, казавшійся тогда для грековъ и римлянъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованныя, полудикія племена людей, и теперь не легко, а тогда еще было труднѣе. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, драгоцѣнные камни, дорогія ткани, различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь, но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ то время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ* и не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому-нибудь такая мысль, то это было бы еще недостаточно; согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карѳагенъ, Грецію и Египетъ, почти весь извѣстный міръ того времени, и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими германскими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карѳагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славились Венеція, Генуя, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добрались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море за Гибралтарскій проливъ,— никто не рѣшался попробовать объѣхать земной шаръ вокругъ. Наконецъ,

нашелся человѣкъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человѣкъ былъ Христофоръ Колумбъ.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1446 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій, и уже въ то время запала у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англіи: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшіе корабля и сто двадцать человѣкъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были всѣ люди смѣлые и предпріимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу— и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старый міръ исчезъ позади мореходцевъ, впереди же разстилался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывутъ день, плывутъ другой— ничего не видно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день, показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходы обрадовались, не зная еще, какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывутъ еще нѣсколько дней, и надежда на-

чала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ, гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Заѣдемъ-то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, свѣтлое, синее небо, тихое море—все было хорошо. Колумбъ радовался, что ему благопріятствовала погода; но спутники его, не имѣвшіе ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и, можетъ быть, скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, если бы различныя, обманчивыя, впрочемъ, явленія по временамъ не пробуждали въ морякахъ надежды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы, и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ лугомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другія были такъ свѣжи и зелены, какъ будто сейчасъ только отдѣлились отъ почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили Испанію, и, несмотря на всѣ явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ да впередъ, чтобы тѣмъ удобнѣе погубить ихъ. Матросы начали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней, и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили—и не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега не видать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что бы

то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность такого расположенія умовъ, но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокаивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый увидитъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ, вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, камандиръ котораго, стоя на палубѣ, махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ „Земля, земля! Синьоръ, мнѣ слѣдуетъ награда!" Все взволновалось: матросы полѣзли на мачты, карабкались по снастямъ, и всѣ утверждали, что земля видна на юго-западъ; самъ Колумбъ поколебался и велѣлъ поворотить въ ту сторону, гдѣ показалась земля. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое всѣ приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ничто такъ дурно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилія его отъѣхала отъ Испаніи на семьсотъ морскихъ миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивалъ ни къ сѣверу, ни къ югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастію адмирала, черезъ два дня снова показались птицы, и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: „земля! земля!", что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто всполошитъ экипажъ напраснымъ крикомъ, теряетъ право на награду, если бы потомъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пеликанъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ показался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако прошло еще нѣсколько дней, а берега не было! Экипажъ началъ терять терпѣніе, и когда, наконецъ, на семидесятый день пути солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ—на корабляхъ началось возмущеніе. Всѣ требовали, чтобы Колумбъ поворотилъ назадъ, и положеніе адмирала было самое отчаянное. Но, къ его великому счастію, признаки земли на слѣдующій день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова всѣ стали глядѣть впередъ, и каждый желалъ первый увидать землю.

Оставшись ночью на палубѣ, Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удержать въ повиновеніи своихъ матросовъ,—еще одинъ день, и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонекъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подозвалъ одного изъ своихъ спутниковъ, и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однакоже оба молчали, потому что огонекъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонекъ до двухъ часовъ утра, когда, наконецъ, пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли—и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой виднѣлся ясно невдалекѣ, не болѣе какъ на разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года, увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ. Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Однако-же, несмотря на всю

дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки, и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпурное платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на деревьяхъ были очень красивые, незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычная прозрачность моря придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру, и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя — и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Санъ-Сальвадоръ, что̀ значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности, какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ спѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его ропотомъ и недовѣріемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовищъ, вынырнувшихъ ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе-то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, то бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, они ободрились и стали понемногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубого неба на землю.

Внѣшность дикарей не выказывала ни богатства, ни образованія. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а бородъ у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и назвалъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америки, и даже острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вдѣланы камни, зубы животныхъ и рыбьи кости. Желѣза дикари, казалось, никогда не видали и, хватаясь неосторожно, какъ дѣти, за блестящіе мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стеклянныя бусы и разноцвѣтные камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ и вкусные плоды. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Дикари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объяснили Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова есть большая земля, гдѣ много золота и драгоцѣнныхъ камней.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жаждая бо̀льшихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября, приблизился онъ къ большому острову Кубѣ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители, при приближеніи кораблей, покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ посѣтилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару сѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей и, кромѣ того, собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса,

покрытые плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ, и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ, эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зелень лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ; крошечные колибри, похожіе на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; милліоны блестящихъ, какъ драгоцѣнные камни, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды, и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отливаетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоцѣнными камнями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали красивыя раковины, поражала испанцевъ. Словомъ, Куба показалась Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ, и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испаньолой, или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

Оставивъ въ новой крѣпости 30 человѣкъ своихъ спутниковъ, Колумбъ отправился назадъ въ Испанію. На дорогѣ онъ вытерпѣлъ до того сильную бурю, что уже потерялъ надежду спастись; а потому написалъ извѣстіе о своемъ открытіи на сверткѣ пергамента, вложилъ этотъ свертокъ въ бутылку и, закупоривъ ее плотно, пустилъ въ море. Однако-же буря миновала, и 14 марта, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, флотъ Колумба въѣхалъ въ Палосскую гавань, откуда выѣхалъ $^1/_2$ года тому назадъ. Король и королева приняли Колумба съ величайшими почестями, возвели его въ достоинство гранда и назначили его вице-королемъ ново-открытыхъ земель.

Мы не будемъ разсказывать въ подробности всей дальнѣй-

шей исторіи Колумба. Скажемъ только, что онъ предпринималъ еще нѣсколько экспедицій въ Новый Свѣтъ, пытаясь найти дорогу въ Восточную Индію, но не успѣлъ въ этомъ. Великій человѣкъ, въ продолженіе остальной своей жизни, много вынесъ отъ зависти и неблагодарности людей. Разъ даже король, повѣривъ наушникамъ, назначилъ другого вице-короля и послалъ его смѣнить Колумба. Бобадилла, такъ звали этого злого человѣка, прибылъ въ Испаньолу, заковалъ въ цѣпи Колумба и двухъ его братьевъ и въ такомъ видѣ отослалъ ихъ въ Испанію. Колумбъ оправдался, но никогда не могъ забыть страшнаго оскорбленія и, умирая, завѣщалъ положить къ себѣ въ гробъ цѣпи, которыми былъ скованъ.

Колумбъ умеръ 21 мая 1506 года въ бѣдности, преслѣдуемый злобою и неблагодарностью. Онъ былъ похороненъ тамъ, гдѣ скончался, т. е. въ Вальядолидѣ: потомъ останки его были перевезены въ Картезіанскій монастырь близъ Севильи, а затѣмъ на Сентъ-Доминго. Когда же Сентъ-Доминго былъ уступленъ французамъ, то тѣло Колумба перевезли въ Гавану на островъ Кубу, а въ 1898 г. обратно въ Испанію.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предпріимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно—объѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ король португальскій, Эмануилъ Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человѣка.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй Надежды,

и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама такъ же, какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софала. Въ началѣ марта 1498 года достигли они Занзибарскаго берега Африки*). Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ, мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португальцахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Ненависть къ христіанамъ, а болѣе всего опасеніе, чтобы богатая индійская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что, столѣтій черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предпріимчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государтво въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало-по-малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки, а позже и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индійская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеціи, Генуи и друг., вели торговлю съ Индіей не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ непріятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предпріимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ,

*) Софала находится на африканскомъ берегу Мозамбикскаго пролива, южнѣе устья Замбези. Занзибаръ, или Зангвебаръ, есть полунезависимое государство подъ протекторатомъ Англіи и лежитъ также на восточномъ берегу Африки, около 5° южной широты.

какъ только онъ приставалъ гдѣ-нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога къ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Каликуту, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами, но адмиралу удалось пріобрѣсть благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама основалъ на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софала, которыя существуютъ и до настоящаго времени. Силою оружія наказалъ онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индійскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатью богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534 году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный человѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, присутствіемъ духа, честностью, непоколебимою вѣрностью своему слову и истиннымъ благочестіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ Камоэнсъ.

МАГЕЛЛАНЪ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но ни тотъ, ни другой не объѣхали вокругъ земного шара. Это предстояло сдѣлать третьему великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришло въ голову выполнить мысль,

невыполненную Колумбомъ, и, отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му, и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства для достиженія великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но, несмотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе; только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана въѣхалъ въ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива, но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земного шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ въ половинѣ прошлаго столѣтія нашли такъ много золота, и найдите въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тринадцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленькій. Четыре мѣсяца плылъ по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. Погода все это время была такъ хороша и такъ тиха, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій

океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго мореходца, Магеллановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень покойно и очень скоро; но теперь всякій матросъ знаетъ, что ждетъ его впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы, и, пожалуй, многіе изъ нихъ думали, что вотъ— доплывутъ до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и идти все впередъ да впередъ!

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленькій флотъ, оказалась группою островов, обитаемыхъ дикарями. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей; а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ, сосѣднимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и признать своимъ властелиномъ короля Испаніи. Магелланъ согласился, и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ обѣщалъ воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что испанцы, видя, какъ мало у нихъ остается зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы спѣшили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы устрашить дикихъ; но, къ несчастью, корабли, по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шелъ тише всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказалъ своимъ то-

варищамъ спасаться. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ, и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиной въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забылъ свои обѣщанія и измѣннически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молукскихъ острововъ и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ-было воротиться въ Европу мимо Америки, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же, подъ начальствомъ Себастіана дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй Надежды, возвратился въ Испанію 6-го декабря 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Викторія (по-испански— побѣда). Испанцы вытащили его на берегъ и хранятъ теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе не рѣдкость: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однѣхъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно обходятъ землю вокругъ. Это теперь сильно облегчено прорытіемъ Суэзскаго канала, такъ что не нужно объѣзжать кругомъ Африки, а когда будетъ прорытъ каналъ черезъ Панамскій перешеекъ, то и путь черезъ Магеллановъ проливъ будетъ оставленъ.

КАПИТАНЪ КУКЪ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ распространили наши познанія о поверхности земного шара, едва ли кто-нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько по-

выхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигшая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе; кромѣ того, жизнь капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27-го октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодого человѣка, и хотя онъ исполнялъ ее очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца, Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ, но, увы! на такомъ кораблѣ, который плавалъ постоянно по одному направленію возлѣ береговъ, перевозя каменный уголь изъ одного мѣста на другое. Новая должность не многимъ была веселѣе прежней, но зато гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ, необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученію. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавателя; онъ пріобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишеніямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ на службу на военное судно, гдѣ умъ,

прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышеніе за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ, и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившисъ опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка; не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затменіемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англіи. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытія новыхъ земель. Нечего говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль подъ названіемъ „Попытка“, на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горнъ *), Кукъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити*, лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь всѣ предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества*, въ честь общества или товарищества, снарядившаго экспедицію. Вслѣдъ за тѣмъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи*. Узкій проливъ, раз-

*) Южная оконечность Огненной земли.

дѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва-было не погибъ въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на коралловый *рифъ*. Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торресовъ проливъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ материка Австраліи, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и голландскихъ поселеній на островѣ Явѣ, и наконецъ, мимо мыса Доброй Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ же году капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу; но, проплававъ нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и не находя нигдѣ земли *), поворотилъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытыхъ прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи*. Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, прошелъ мимо южной оконечности Америки и мыса Горна въ Атлантическій океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, несмотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣтнаго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько-нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской

*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не оттаивающей земли.

проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій, чего никому еще не удавалось, несмотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ кораблей, и даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берегъ различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1786 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* острововъ, Кукъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ къ берегамъ сѣверной Америки и только въ августѣ вошелъ въ Берингов ъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ; массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На одномъ изъ острововъ началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали моряковъ, и въ этой ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788 году, этотъ замѣчательный человѣкъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

НЕБЕСНЫЙ СВОДЪ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ

земля, а надъ головою небо; не низкій потолокъ, который иногда не трудно достать рукою, но громадно-высокій, чистый, какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высокомъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ множество замѣчательныхъ явленій: днемъ—ярко блистающее солнце, ночью—кротко сіяющую луну, миріады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка, въ иные годы, замѣчаемъ между звѣздами бродячую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того, почти всегда носится по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то будто вылитыхъ изъ серебра, то отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громадныхъ торжественныхъ воротъ протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ничто не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ небесный сводъ своими краями упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, гдѣ небо какъ бы сходится съ землею, ограничиваетъ намъ громадный кругъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ, называемый *горизонтомъ*—какой-то заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячу верстъ, и вы не только не выйдете изъ этого круга, но будете всегда находиться какъ-разъ посрединѣ его. Куда ни заѣзжалъ человѣкъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, подымающійся высоко надъ головою, и себя въ серединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самою высокою точкою свода. Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что, слѣдовательно, оно только кажется намъ сводомъ, на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, облекающій землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ

(*атмосфера* имѣетъ болѣе пятидесяти верстъ въ толщину) кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ голубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а плаваютъ въ воздухѣ. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть не что иное, какъ разложеніе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочекъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновеніе разноцвѣтная радуга. Слѣдовательно, радуга только кажется намъ дугою, а небо— только кажется намъ сводомъ.

ДВИЖЕНІЕ ЗЕМЛИ.

Паровозъ движется въ пятнадцать разъ быстрѣе, чѣмъ можетъ идти человѣкъ; но если бы вокругъ земного шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, не останавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю дней въ тридцать, потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37 тысячъ. Шаръ не маленькій! По вычисленію же ученыхъ, земля, со всѣми своими камнями и металлами, гораздо тяжелѣе гранита и всякаго другого камня, хотя и легче желѣза. Можете же себѣ представить, какова должна быть тяжесть такого шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но объѣхавъ всю землю вокругъ, люди не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной,* земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ то же самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ, болѣе чѣмъ въ 1.000 милліоновъ верстъ въ окружности.

Вокругъ самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокругъ солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и пять слишкомъ часовъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1.800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣть, не за что зацѣпиться; а останови ее что-нибудь въ ея быстромъ полетѣ хотя на мгновеніе, то отъ страшнаго сотрясенія погибло бы не только все живущее на землѣ, но и она сама разсыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ нею движется и воздухъ, или *атмосфера,* окружающая землю прозрачнымъ слоемъ болѣе 50-ти верстъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ атмосферою, но совершенно не замѣчаемъ этого, и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось быстро плыть въ лодкѣ или, еще лучше, на пароходѣ, тотъ вѣроятно замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бѣгутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно такъ же, обращаясь съ запада на востокъ вмѣстѣ съ землею, мы видимъ, что солнце какъ будто идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ничто подобное не можетъ убѣдить насъ въ движеніи земли, потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною, но тому, какъ они узнали наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она вращается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество верстъ въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно, люди, открывшіе эти истины, были великіе, геніальные люди.

ПИѲАГОРЪ.

Первый, кому въ голову пришла мысль, что земля движется, былъ великій греческій мудрецъ, по имени Пиѳагоръ, жившій болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пиѳагоръ много путешествовалъ и повсюду прилежно узнавалъ все, что знали другіе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецію, Пиѳагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передалъ имъ много очень умныхъ мыслей; между прочимъ, говорилъ онъ также и о томъ, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходитъ день и ночь, и что когда какое-нибудь мѣсто земного шара повертывается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ-подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пиѳагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствіяхъ, и хотя былъ язычникомъ, но вѣрилъ въ безсмертіе души, во всемогущество и благость Божію, а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкія несчастія жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ знаній получилъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

КОПЕРНИКЪ.

Несмотря на слова Пиѳагора, люди не вѣрили въ движеніе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока явился другой человѣкъ, подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XVI-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ, и пришелъ къ тому убѣжденію, что земля,

кажущаяся неподвижною, безпрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и вмѣстѣ съ тѣмъ мчится вокругъ солнца, и что вокругъ него, кромѣ земли, обращаются и еще нѣкоторыя другія звѣздочки. Эти движущіяся звѣзды, въ отличіе отъ *неподвижныхъ*, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были *планетами*. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился во Фрауэнбургѣ до настоящаго времени, и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, чрезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Открытіе Коперника хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ итальянскомъ городѣ Пизѣ и учился такъ прилежно, что ужъ на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и пріобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашелъ, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло; принялся самъ за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ еще былъ очень плохъ; но тѣмъ не менѣе помогъ Галилею провѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды—не маленькія искорки, а цѣлые большіе міры, движущіеся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощью своего еще несовершеннаго телескопа, онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ теле-

скопъ на луну, онъ увидѣлъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашелъ возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящеюся атмосферою, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами *планету,* извѣстную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна, и иногда тоже превращается въ тоненькій рожокъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки и что это четыре *луны,* которыя съ различной быстротой обращаются вокругъ Юпитера точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ; молодой профессоръ успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы разсказали здѣсь въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало извѣстнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непремѣнно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго писанія; тогда какъ, напротивъ, открытія Галилея доказывали только безграничную премудрость Создателя и Его всемогущество. Однако же *инквизиція,*—такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами,—инквизиція приговорила Галилея къ тюремному

заключенію. Великаго, геніальнаго старца, который всю жизнь свою провелъ въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старецъ былъ выпущенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ: *„пусть будетъ по вашему, а все же она движется“*. За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму, и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы, но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провелъ остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человѣчество нѣсколькими новыми истинами. Скоро отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе, но до самой послѣдней минуты, пока владѣлъ однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слѣпота, глухота, безсонница и боль во всѣхъ членахъ — слѣдствіе тюремной сырости — отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6-го января 1651 года, геніальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея покоится теперь въ церкви Святого Креста во Флоренціи, а великій художникъ Микель-Анджело соорудилъ надъ нимъ памятникъ.

НЬЮТОНЪ.

Лѣтъ за двѣсти до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ геніальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился въ 1642, а умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія;

но теперь въ умѣ его родился вопросъ: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло кверху или въ сторону? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину, и спросилъ самого себя: какая причина, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, а земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать далѣе и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ легкихъ тѣлъ, т. е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щепка, пущенная на рѣку, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристаютъ къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня, т. е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станетъ удерживать ее сзади, то перетянетъ тотъ, кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно такъ же, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, притягиваются другъ къ другу, но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли,

гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, что онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ, какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это бо́льшее или меньшее притяженіе тѣла землею и даетъ бо́льшую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравнивая тяжесть тѣла съ какою-нибудь испытанною тяжестью, напр., съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ, сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д.

Желая опредѣлить вѣса́ всѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло давитъ на какую-нибудь поверхность, ученые стали сравнивать вѣсъ каждаго тѣла съ вѣсомъ совершенно чистой воды и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиною разъ легче стакана ртути, что желѣзо въ семь съ половиною разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать, и т. д. Такое число, которое выражаетъ отношеніе вѣса какого-нибудь тѣла къ вѣсу воды въ томъ же объемѣ, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ* вѣсомъ этого тѣла. Слѣдовательно, удѣльный вѣсъ ртути будетъ—$13^1/_2$, желѣза—$7^1/_2$, золота 19, и т. д. Такъ какъ вѣса́ всѣхъ тѣлъ сравниваютъ съ вѣсомъ воды, то поэтому удѣльный вѣсъ воды равенъ единицѣ.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, если бы оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее—и вы увидите, что такая масса воды, будетъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ потому, что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльнаго вѣса* воды, т. е. менѣе единицы. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена, а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнувшаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ, точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но всѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ туда, куда ихъ бросили, но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна, съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая—притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу.

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли, а земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а замля вокругъ солнца съ необыкновенной силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе; слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Ньютонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія проходитъ 16 футовъ, то во вторую пройдетъ 16×3, т. е. 48 футовъ; въ третью 16×5, т. е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7, т. е. 112 ф., и т. д.

Приложивъ открытый имъ *законъ* тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открывалъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ, *астрономіи*.

Будучи однимъ изъ величайшихъ людей, какіе когда-либо существовали на земномъ шарѣ, по необычайному уму своему, Нью-

тонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно-христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностью движенія безчисленныхъ міровъ, взвѣшивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя „ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной". Во всемъ же, что удавалось ему открыть, онъ признавалъ помощь Творца—источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было думать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона. Однако же пришелъ часъ смерти—и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, Чье имя онъ вспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 г., на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

ТЕЛЕСКОПЪ.

Къ одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяина подошла къ окну и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестѣвшихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщалъ Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ: не хочешь ли ты, чтобъ я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ; онъ давно уже слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ

на мѣсяцъ и звѣзды. Саша даже видѣлъ эту трубу, стоявшую на окнѣ въ кабинетѣ, и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ пошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ, и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но совершенный шаръ, и что на ней находятся дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную ея карту. Луна—самое ближайшее къ намъ небесное тѣло и находится отъ насъ не далеко: всего-то какихъ-нибудь 360 тысячъ верстъ.

Саша. Неужели это не далеко? Да это такъ далеко, что и подумать страшно.

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе 60 верстъ, и если бы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то, при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти пятьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе 144 милліоновъ верстъ, и если бы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года! Для этого нужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а въ семьдесятъ лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саши. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя *(улыбнувшись)*. Конечно, если бъ она отправилась туда такъ же медленно, какъ идетъ паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 се-

кундъ, а духъ нашъ, безъ сомнѣнія, быстрѣе свѣта. Но солнце еще не очень далеко отъ насъ. *(Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ)*. Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ и какъ блестятъ вокругъ него какія-то серебряныя точечки!

Дядя. Это Юпитеръ съ своими четырьмя спутниками *) или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера, и паровозъ, проѣзжая каждый часъ 60 верстъ, доѣхалъ бы до него въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую недавно открыли, Нептунъ— та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды;* здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе 28 билліоновъ верстъ.

Сестра. Но какъ могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто незнакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затменія солнца и луны и появленія кометъ; поэтому судите, что они считаютъ недурно. *(Перемѣняетъ направленіе телескопа)*. Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды — сорокъ четыре громадныя солнца; а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другого. Но этого мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидали бы, что вся эта серебристая полоса состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцъ, которыя только по

---

*) Въ настоящее время открытъ еще пятый спутникъ Юпитера.

своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебристую полосу.

Саша. Видно, нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ?

Дядя. Можетъ ли слабый человѣкъ счесть творенія Создателя? И представь себѣ еще, что, по всей вѣроятности, наша земля или, лучше сказать, наше солнце, со всѣми его планетами и съ землею, составляетъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо блестящую серебристую полосу, протянувшуюся чрезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самые сильные телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ—такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно великъ Создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопѣвца Давида: „Небеса повѣдаютъ славу Божію".

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно, малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ ихъ отдаленность и величину—и возносимся душою ко всемогущему Создателю всѣхъ міровъ.

Сестра. Но, безъ сомнѣнія, на этихъ планетахъ также живутъ люди, или какія-нибудь существа, подобныя людямъ?

Дядя. Этого, конечно, никто не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ—маленькой *планетѣ*, которая въ милліонъ триста тысячъ разъ меньше солнца, тогда какъ такихъ солнцъ, вокругъ которыхъ также обращаются свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не

можемъ. Но не правда ли, что и то немногое, что я могъ показать вамъ сегодня, довольно уже поражаетъ нашъ умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя.

ГОРНАЯ СТРАНА.

Живя посреди Россіи, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что̀ такое горная страна. Наши невысокіе, отлогіе холмы, на которые въѣзжаешь, почти ихъ не замѣчая, подымающіеся много что на сто или на полтораста саженей, и по скатамъ которыхъ мы видимъ все одни и тѣ же поля, лѣса, рощи, села и деревни, конечно, мало походятъ на высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ и, подымаясь на три, на четыре версты кверху, уходятъ далеко за облака. Въ равнинѣ вы ѣдете сто, двѣсти верстъ, повсюду встрѣчая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образъ жизни. Не то въ горахъ! Сколько разнообразія представляетъ даже одна большая гора, если взбираться на нее по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ, а потомъ и по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя извиваются по ея уступамъ. Вамъ кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругомъ лѣто, сады съ поспѣвающими плодами и поля съ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ; но запаситесь теплой одеждой, если думаете добраться до вершины, потому что тамъ встрѣтитъ васъ полная зима—снѣгъ, ледъ, холодъ, и вы, посреди лѣта, легко можете отморозить себѣ руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами съ крѣпкими подошвами, чтобы онѣ не истерлись о камни, крѣпкою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ и провизіей; но главное—запаситесь силою и терпѣніемъ, потому что вамъ придется неутомимо работать ногами цѣлый день, а можетъ быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это вѣдь считается въ отвѣсъ, а чтобы добраться до вершины, вамъ придется сдѣлать 15 или 20-ть верстъ самаго труднаго пути по крутымъ уступамъ. Запаситесь также и смѣлостью, чтобы у васъ не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступъ, вы взгляните внизъ. Но

прежде всего возьмите опытнаго проводника, потому что безъ него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, въ ея темныхъ лѣсахъ, между безчисленными ручьями и рѣчками, скатывающимися съ ея боковъ, въ ея снѣжныхъ поляхъ и ледникахъ. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти въ такую глушь, въ средину неприступныхъ утесовъ, или на край зіяющей пропасти, что не будешь знать, какъ и выбраться. Надобно хорошо знать горныя тропинки, чтобы пуститься въ горы.

Подняться на высокую, заоблачную гору большой трудъ; но трудъ этотъ окупается удовольствіемъ. Сколько разнообразной растительности встрѣтите вы отъ подошвы до вершины! Сколько разнообразія въ образѣ жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежитъ въ тепломъ климатѣ, то у подошвы ея вы покинете лимонныя и померанцовыя рощи; выше встрѣтятъ васъ деревья умѣренныхъ странъ: тополь, букъ, каштанъ, липа, кленъ, дубъ; далѣе найдете вы угрюмые хвойные лѣса и лиственныя деревья сѣвера: осину, березу. Еще выше—и деревья уже прекращаются, даже цвѣтовъ и травы очень мало—только такъ называемая альпійская роза (рододендронъ) будетъ провожать васъ до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, да тощій мохъ напомнитъ вамъ о полярныхъ странахъ, гдѣ онъ составляетъ почти единственную пищу сѣверныхъ оленей. Еще выше— и вы вступите въ страну вѣчныхъ снѣговъ; хотя, можетъ быть, находитесь за нѣсколько тысячъ верстъ отъ полярнаго моря.

Внизу мы покинули шумные, дѣятельные города; поднявшись выше, встрѣчали хорошенькія деревеньки, еще окруженныя обработанными полями и плодовыми садами; далѣе вы не встрѣтите ни полей, ни садовъ, а только тучные луга въ горныхъ долинахъ и полюбуетесь на прекрасныя стада; небольшія пастушьи деревеньки прислонены къ горамъ, такъ что иной домикъ лѣпится у скалы, точно птичье гнѣздо; на крышахъ домовъ наложены рядами большіе камни: безъ этой предосторожности, буря, заревѣвшая на горахъ, могла бы легко снести крышу. Далѣе вы еще найдете кое-гдѣ отдѣльныя хижины горныхъ жителей: это лѣтнія жилища пастуховъ, оставляемыя зимою. Сочная, прекрасная трава при-

влекаетъ сюда лѣтомъ стада. Еще выше—и вы не будете встрѣчать уже человѣческихъ жилищъ. Цѣпкія домашнія козы еще лѣпятся по уступамъ; но еще немного далѣе, и вамъ попадутся, можетъ быть, одни небольшія стада легконогихъ дикихъ сернъ и кровожадные орлы; а затѣмъ вы вступите въ страну, гдѣ нѣтъ ни растительной, ни животной жизни.

Какъ хороши и говорливы горные потоки, какъ чиста и холодна въ нихъ вода! Они берутъ свое начало въ ледникахъ и образуются изъ тающаго льда, начинаются маленькими, чуть замѣтными струйками; но потомъ эти струйки соберутся вмѣстѣ—и шумный, быстрый потокъ, то извиваясь серебряной лентой, то прыгая съ уступа на уступъ водопадомъ, то скрываясь въ темномъ ущеліи и снова появляясь на свѣтъ, то журча по камнямъ, покатится внизъ смѣло и быстро, пока не доберется до болѣе отлогой долины, по срединѣ которой побѣжитъ уже спокойной и порядочной рѣчкой.

Если буря не реветъ въ горахъ, то чѣмъ выше вы будете подниматься, тѣмъ безмолвнѣе будетъ окрестность. На самой вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, гдѣ солнечные лучи, отражаясь отъ снѣговыхъ полей, ослѣпляютъ глаза—царствуетъ мертвая тишина; развѣ камень, сдвинутый вашею ногою, надѣлаетъ шуму и стуку на всю окрестность. Но вдругъ раздается страшный и продолжительный грохотъ, повторяемый горнымъ эхомъ; вамъ кажется, что гора дрожитъ подъ вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: „что это такое?"—„Это лавина", отвѣчаетъ онъ вамъ спокойно: большая масса снѣгу сорвалась съ вершины и, увлекая за собою камни, а пониже деревья, стада, людей и даже дома пастуховъ, понеслась внизъ по горнымъ уступамъ. Дай Богъ, чтобы она не рухнула на какую-нибудь деревню и не похоронила подъ собою ея домовъ и жителей! Лавины чаще всего скатываются съ горъ весною, потому что снѣгъ, напавшій зимою, подтаиваетъ.

Но если, преодолѣвъ всѣ эти трудности и страхи, вы доберетесь наконецъ до высокой горной площадки, гдѣ проводникъ посовѣтуетъ вамъ усѣсться на камняхъ позавтракать и отдохнуть, то будете вполнѣ вознаграждены. Хотя здѣсь довольно холодно, и

каждое, сколько-нибудь сильное, движеніе утомляетъ васъ, сердце бьется часто и дыханіе ускорено,—но вамъ какъ-то легко и пріятно, и вы вполнѣ наслаждаетесь величественною картиною. Вокругъ васъ скалы, снѣжныя поляны и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья; вдали поднимаются вершины другихъ горъ, то темныя, то лиловыя, то розовыя, то отливающія серебромъ; а внизу верстъ на шестьдесятъ открывается зеленая, цвѣтущая долина, врѣзывающаяся далеко въ горы: извивающіяся по ней рѣки, блестящія озера, города и деревни будто на ладони передъ вами. Большія стада кажутся вамъ движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вотъ подъ вашими ногами стало все закрываться туманомъ: это облака стягиваются вокругъ горы; надъ вами блеститъ яркое солнышко, а внизу изъ этого тумана идетъ, можетъ быть, проливной дождь.

Нельзя долго оставаться на такой высотѣ—для груди вредно дышать слишкомъ рѣдкимъ воздухомъ—и какъ ни хорошо здѣсь, а придется спускаться внизъ. Теперь восхожденіе на горы, особенно въ Швейцаріи, значительно облегчено. На многія очень высокія вершины построены желѣзныя дороги съ зубчатыми рельсами, и путешественники безъ труда подымаются на высокую гору и могутъ оттуда любоваться видами горной природы. Почти на всѣхъ горахъ устроены хорошія гостинницы, гдѣ можно пользоваться здоровымъ горнымъ воздухомъ.

Самая прекрасная горная страна въ Европѣ — Швейцарія. Альпійскія горы всю ее наполняютъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ страшной высоты: Юнгфрау (Дѣвичья гора) поднимается на 13 т. футовъ надъ уровнемъ моря, а Монбланъ (Бѣлая гора) на 15 т. футовъ. Изъ Швейцаріи Альпійскія горы распространяются по всей западной Европѣ; отрасли ихъ идутъ отсюда въ Германію, Австрію, Италію и Францію. Съ Альпійскихъ же льдистыхъ вершинъ текутъ въ разныхъ направленіяхъ и самыя большія европейскія рѣки: Рейнъ въ Нѣмецкое море, Рона въ Средиземное и По въ Адріатическое.

Швейцарскіе Альпы, находясь въ срединѣ западной Европы, раздѣляютъ собою самыя образованныя и богатыя ея страны, такъ что прекрасныя, величественныя вершины этихъ горъ сильно за-

трудняютъ сообщенія. Сколько трудностей должны были преодолѣть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, черезъ такія вершины, каковы Сенъ-Готардъ и Симплонъ! Эта дорога то подымается, то опускается, то идетъ по краю страшныхъ пропастей, то по мостамъ, висящимъ надъ бездною, то въ срединѣ скалъ, которыя нужно было пробить для этой цѣли. Однако теперь уже ѣздятъ по желѣзной дорогѣ, такъ какъ инженерамъ удалось прорыть подъ Сенъ-Готардомъ туннель около пятнадцати верстъ длиною, такъ что изъ Швейцаріи въ Италію проѣздъ значительно сократился. Черезъ Монъ-Сенисъ изъ Франціи въ Италію прорытъ также туннель болѣе одиннадцати верстъ длиною.

МОРЕ.

Кто въ первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земного шара. Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою, блестящею, какъ зеркало, поверхностью. Оно кажется тогда безпредѣльнымъ и сходится вдали съ небомъ, такъ что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо и тогда море, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного. Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на скалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскочить на него, но, отпрянувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ рушатся снова въ море, уступая свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть, когда разыграется, расходится море; весело слышать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой твердой скалѣ и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочетъ, до тебя не дохватитъ. Но должно очень свыкнуться съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнъ, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую щепку.

Но и безъ вѣтра два раза въ день высоко подымается море, заливая далеко отлогіе берега, и два раза въ день опускается

снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песокъ, небольшіе камни, раковины, множество морскихъ животныхъ и растеній. Это постоянное движеніе моря называется *приливомъ* и *отливомъ*. Въ небольшихъ моряхъ, далеко вдавшихся въ средину суши, приливы и отливы бываютъ мало, а часто и вовсе не замѣтны; но въ открытомъ океанѣ они очень сильны.

Но не только вѣтеръ, приливы и отливы приводятъ море въ движеніе: въ немъ есть еще свои собственные *морскіе потоки* или *теченія*.

Морскія теченія очень полезны для мореплаванія: корабль, который попадаетъ въ средину такого потока, уносится его теченіемъ, какъ лодка—теченіемъ рѣки.

Бури—когда сильный вѣтеръ страшно волнуетъ поверхность моря—самые опасные враги мореходцевъ. Если корабль или пароходъ находится въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, то искусный капитанъ легко можетъ его спасти и въ самую сильную бурю; но когда корабль застигнутъ бурею вблизи отъ берега, да еще такого берега, возлѣ котораго есть мели и подводные камни, тогда онъ легко можетъ разбиться объ эти камни или сѣсть на мель. Когда начинается буря, то всѣ отверстія на кораблѣ, *люки*, плотно запираютъ, чтобы волны не могли пробраться въ средину корабля.

Безвѣтріе, или *штиль*, если не опасно, какъ буря, за то гораздо несноснѣе для мореходца. Море неподвижно, какъ зеркало; въ воздухѣ не шелохнется, паруса висятъ, а тропическое солнце (штили бываютъ чаще между тропиками), стоя прямо надъ головою, льетъ свои жгучіе лучи на спящее море и на корабль, который не можетъ двинуться съ мѣста. Пароходъ штилей не боится; онъ движется силою пара, и если паруса его, не наполняемые вѣтромъ, не помогаютъ ему идти впередъ, за то колеса или винтъ его дружно работаютъ.

Морскіе *смерчи*, или *тромбы*, напоминаютъ отчасти тѣ крутящіеся вихри пыли, которые бѣгутъ иногда по пыльнымъ дорогамъ. Но тромбъ—не струйка пыли, а огромный крутящійся столбъ

воды, который поднимается до облаковъ и вмѣстѣ съ ними бѣжитъ по морю съ необыкновенною быстротою. Часто они появляются по нѣскольку вмѣстѣ, и плохо кораблю, если на него обрушится такая масса воды. Завидя смерчи, корабль старается свернуть съ ихъ дороги, а иногда разбиваютъ ихъ пушечными ядрами.

При *попутномъ*, свѣжемъ вѣтрѣ парусное судно несется быстро; но при вѣтрахъ, сколько-нибудь *противныхъ*, онъ должно, безпрестанно перемѣняя паруса, ловить вѣтеръ и, *лавируя* изъ стороны въ сторону, неправильной, ломаной линіей, медленно приближаться къ своей цѣли. Движеніе парохода не столько зависитъ отъ вѣтра, хотя и пароходу идти гораздо легче при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса въ помощь колесамъ.

Къ прекраснѣйшимъ морскимъ явленіямъ принадлежитъ *морское сіяніе*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океана судно, гонимое вѣтромъ или парами, оставляетъ за собою длинный пламенный слѣдъ; волны, всплескиваясь, разсыпаются огненнымъ дождемъ, и даже въ глубинѣ моря видны маленькія свѣтящіяся точки. Этотъ свѣтъ зависитъ отъ морскихъ животныхъ, которыя при жизни свѣтятся въ темнотѣ, какъ наши ивановскіе червячки.

Чтобы измѣрить глубину моря, употребляютъ *лотъ*—кусокъ

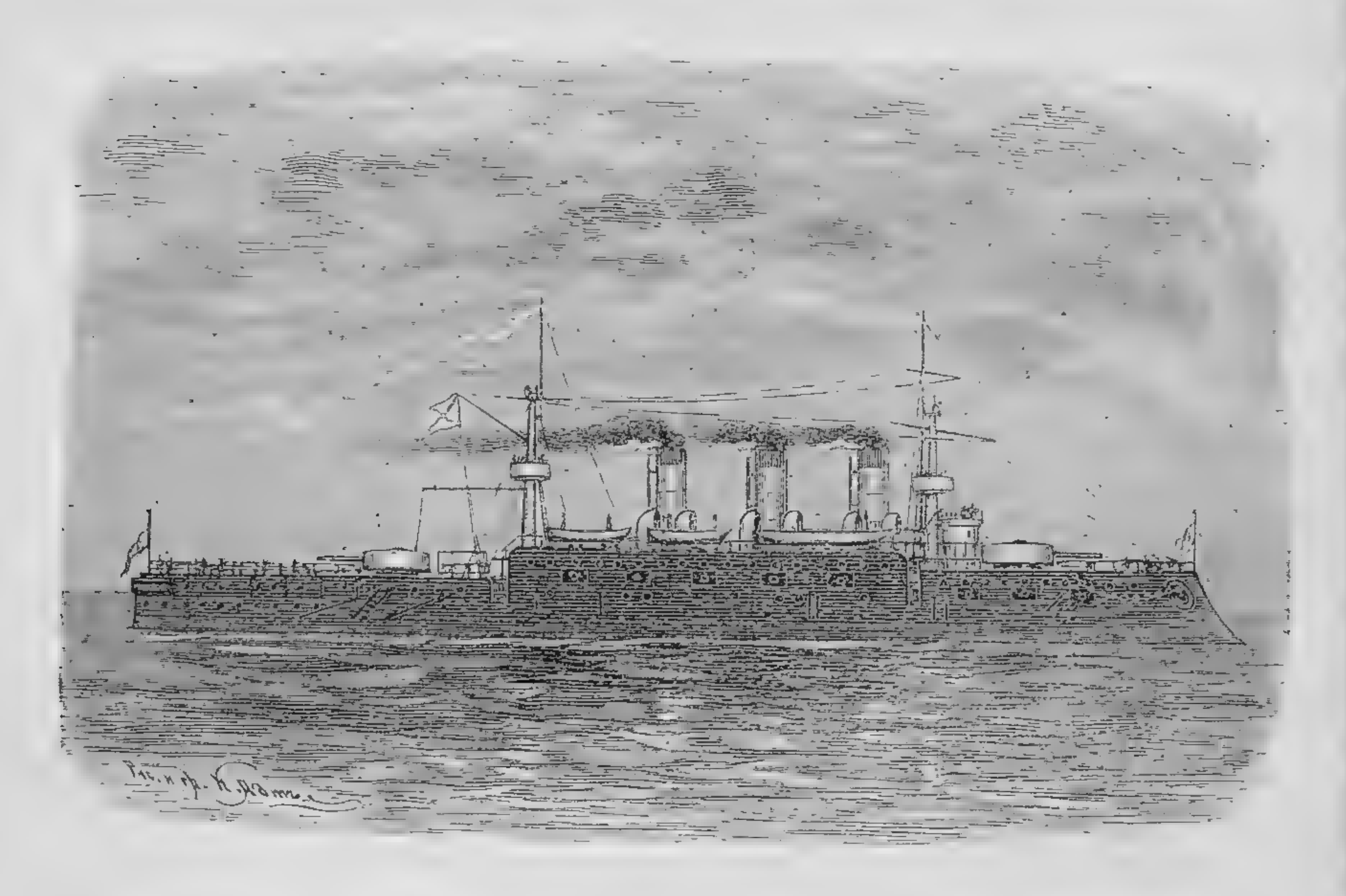
свинца, привязанный къ веревкѣ, на которой узлами отмѣчены сажени. Во многихъ мѣстахъ море довольно мелко; въ другихъ глубина его идетъ на нѣсколько верстъ, такъ что мореходцы не могутъ и лотомъ достать дна. Дно морское не ровно, такъ-же какъ и поверхность суши: на немъ также есть равнины, холмы, простыя и огнедышащія горы, скалы, ущелья, лѣса коралловъ. Иная гора, подымаясь со дна моря на многія тысячи футовъ, высовывается на поверхность небольшимъ островкомъ. Случается и такъ, что вдругъ изъ моря выдвинется огнедыщащая гора, нѣсколько дней выбрасываетъ пламя, лаву, камни и дымъ, а потомъ такъ-же быстро снова скроется подъ водою. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили и о такихъ островахъ, которые появленіемъ своимъ обязаны неутомимой работѣ коралловыхъ полиповъ.

Безчисленное множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ рыбъ, громадныхъ морскихъ звѣрей, изъ которыхъ мы знаемъ съ вами кита, тюленя и моржа, обитающихъ преимущественно въ холодныхъ моряхъ, и неисчислимое множество мелкихъ морскихъ животныхъ населяютъ глубину моря. Здѣсь мы упомянемъ только о дельфинахъ, которые, выпрыгивая изъ воды, играми своими забавляютъ мореходцевъ; летучихъ рыбахъ, которыя иногда стаями проносятся надъ поверхностью теплыхъ морей, и о зубастой акулѣ, которая своею жадностью и дерзостью приводитъ въ ужасъ моряка, когда ему приходится или купаться возлѣ корабля, или спускаться къ водѣ, чтобы осмотрѣть его бока.

На днѣ морскомъ скрыто много богатствъ. Въ Индійскомъ морѣ преимущественно достаютъ жемчугъ, который находится на днѣ моря въ створчатыхъ раковинахъ, называемыхъ жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у береговъ Цейлона. Жители этихъ береговъ очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда съ лодки на веревкѣ, они спѣшатъ набрать въ коробъ какъ можно больше жемчужныхъ раковинъ и могутъ пробыть въ водѣ иногда до двухъ минутъ; но у бѣдняковъ, несмотря на то, что они затыкаютъ себѣ ноздри и уши хлопчатою бумагою и берутъ въ ротъ губку, напитанную масломъ, кровь часто идетъ горломъ и

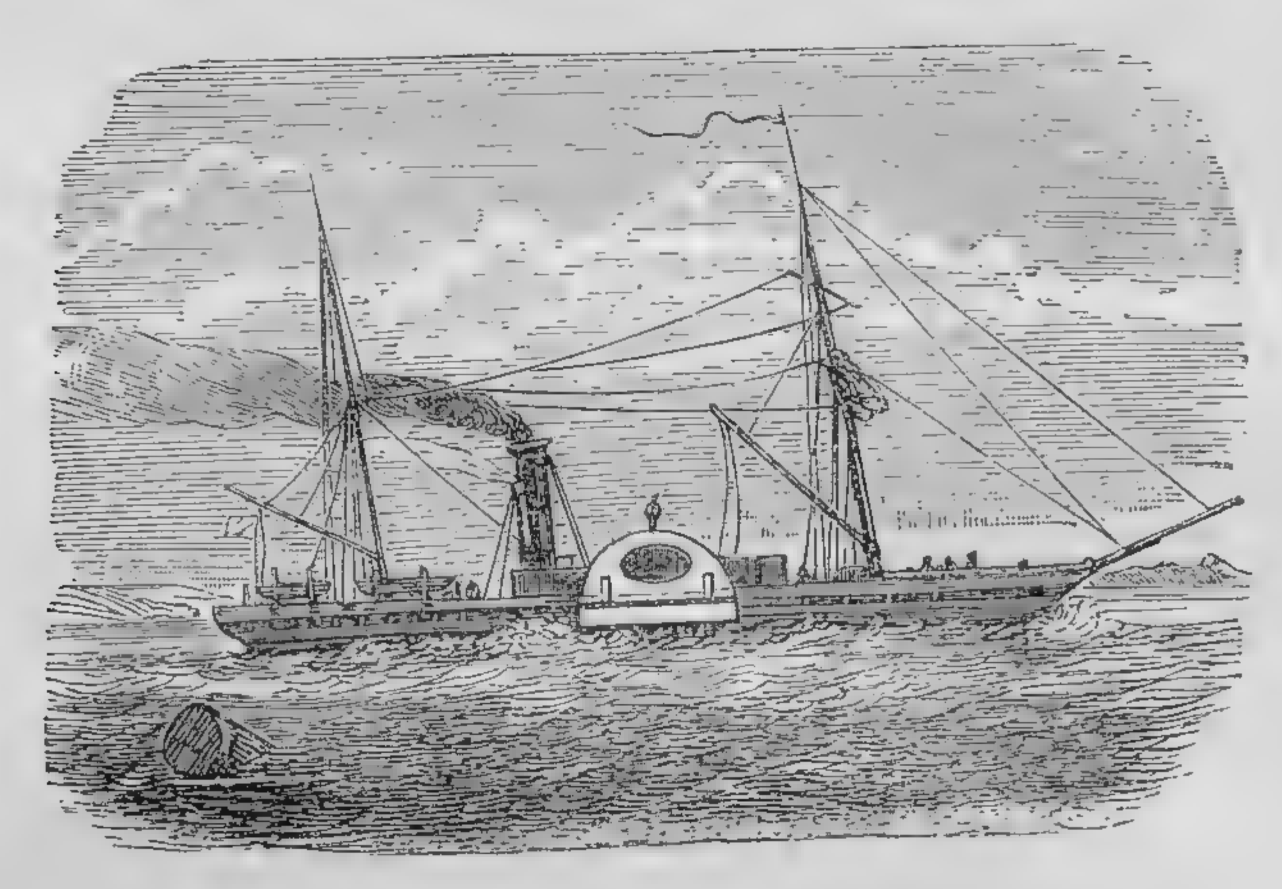
носомъ. Однако же, отдохнувъ минутъ двадцать на берегу, смѣльчаки опять пускаются на свой опасный промыселъ.

Если вы никогда не видали большого стройнаго корабля, когда онъ, распустивъ свои бѣлые паруса, гордо несется по морскимъ волнамъ, или большого сильнаго парохода, когда онъ, разрѣзывая колесами или винтомъ морскую поверхность, разстилаетъ по воздуху длинный хвостъ дыма,—то вы не видали одного изъ величайшихъ созданій человѣческаго генія. Нынѣшніе большіе военные корабли

дѣлаются изъ желѣза, съ очень толстыми стѣнками, отчего они называются *броненосцами*. Они бываютъ до 80 саженей длины, раздѣлены на нѣсколько этажей, вооружены большими и маленькими пушками и очень сложными паровыми машинами. На такомъ броненосцѣ бываетъ до 1000 чел. экипажа. Можно себѣ представить, что постройка и вооруженіе такого огромнаго судна обходятся не дешево, и что не напрасно считаютъ великимъ бѣдствіемъ для цѣлаго государства, если нѣсколько подобныхъ кораблей погибнетъ въ морскомъ сраженіи: если одни изъ нихъ пойдутъ ко дну, а

другіе взлетятъ на воздухъ отъ взрыва пороха. Купеческіе корабли и пароходы бываютъ меньше, не такъ стройны и красивы; но за то, перевозя товары между самыми отдаленными странами, они повсюду развозятъ довольство и образованіе, тогда какъ военныя суда охраняютъ берега отъ нападенія, или грозятъ непріятельскому флоту или прибрежнымъ непріятельскимъ городамъ своими страшными пушками. Можно себѣ представить, какой адъ творится, когда десятка три такихъ морскихъ колоссовъ заревутъ другъ на друга въ морскомъ сраженіи, изрыгая изъ своихъ боковъ пламя и тысячи бомбъ и ядеръ!

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, мы сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ вылѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже и пошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая

въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростью, наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшія брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростью летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію, давало ей чувство и голосъ; она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ серединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, несмотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимо; а другой едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады, деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

ГЕРКУЛАНЪ.

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый, какъ страусово перо; ночью,

когда море исчезло подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, вулканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами и эти мирные вечерніе огоньки внизу, сонный заливъ и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь—все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвесть глазъ безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинною цѣпью стлались надъ „кратеромъ“,—такъ неаполитанцы называютъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искіи, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ *). Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блещетъ яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленныя въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ,—и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатисто-фіолетоваго цвѣта. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ безподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда, вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колоннадами и статуями.

Въ Резинѣ **) я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина—это собраніе довольно пошлыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ города указали мнѣ на жалкій домишко и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массами лавы, отвердѣв-

---

*) Искія — небольшой островъ въ Неаполитанскомъ заливѣ, а Портичи—городокъ вблизи Неаполя.

**) Городокъ у подошвы Везувія.

шей до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный вулканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ: это галлерея театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда, въ нѣдра громадъ, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый городъ и застывшій на вѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многіе изъ нихъ пошатнула, нѣкоторые уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда вулканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепелъ и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными, даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ что множество папирусовъ *), хлѣбъ, рожь—уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губитъ, но онъ же и сохраняетъ. Онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два, три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаньи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Рыли колодецъ, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрическій, значительно расширенный колодецъ, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, но все это недолго было пищей закопнаго любопытства ученыхъ и туристовъ; опасенія разрушить Резину заставили правительство снова завалить всѣ подкопы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

---

*) Свитокъ особой бумаги, на которой въ древности писали.

НОЧЬ НА ВЕЗУВІИ.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла, и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе—сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагалъ по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я поспѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мною, какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усѣяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у вулкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, если-бъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго вулкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святого Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодцы мгновенно высыхаютъ, земля колеблется, какъ море; вулкана не видно, но слышенъ ревъ его, и рѣки лавы огненными цѣпями, медленно, неотразимо спускаются къ садамъ и жилищамъ; пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновенье; листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безпечности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ эта безпечность понятна. Природа,

когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губитъ въ продолженіе немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва—слѣды страшнаго разрушенія; высоко надъ городомъ—вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью; но куда ни поглядишь—жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память отрытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета

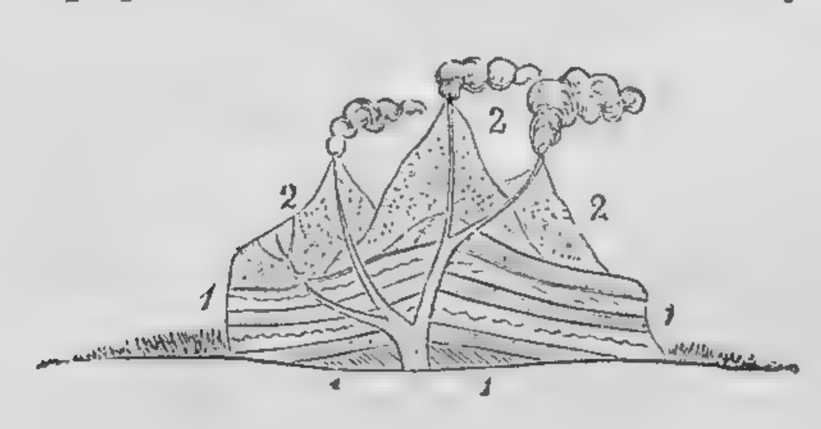
Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой кручи горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигаемся впередъ весьма не прытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину или, точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами вулкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается

коническій холмъ: это кратеръ, это голова вулкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина вулкана—самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса, блещутъ два широкіе потока, яркіе, какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора вулкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ со свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалялась до бѣла и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались. Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глаза отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его закраины. Нѣсколько секундъ вулканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось во мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкло, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ его таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны, — но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы вулкана остановили меня на пол-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на вулканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ итальянской луны, море сверкало и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе одинъ за другимъ, постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ, за темной стѣной Аппенинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла! Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалковаго цвѣта. Вдали утесистые берега Сорренто, скалы Капри*) сбрасывали съ себя ночныя покрывала и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ-бы эти магическіе эффекты были выражены такъ удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробуждавшихся

Дѣйствующій вулканъ: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась изъ внутренности земли наружу; 2) конусообразныя вершины (похожія на сахарныя головы), образовавшіяся изъ вулканическихъ камней и золы, выброшенныхъ дѣйствующимъ вулканомъ.

*) Сорренто—городокъ, подальше Везувія; здѣсь родился Тассъ; Капри—скалистый островъ, гдѣ жилъ Тиберій.

селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнялся благоуханіемъ: все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Вулканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ зароюсь въ розовый пухъ,—и былъ окутанъ густымъ холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетая, таяло въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

(Изъ путешеств. Яковлева).

ЭСКИМОСЫ.

Въ полярныхъ странахъ земного шара, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году, все—и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленой, а въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти солнце не показывается ни на минуту, и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однако-же и въ этой негостепріимной странѣ живутъ люди, тамъ родятся и остаются всю жизнь, лѣто и зиму, не подозрѣвая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ; но мы займемся только однимъ изъ этихъ племенъ—*эскимосами*.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, отчасти въ бывшихъ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, которыя въ 1867 году уступлены Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, отчасти по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь отъ берега далѣе шестидесяти или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того не многочисленное, раздѣлено на множество мелкихъ поколѣній, которыя всѣ носятъ разныя названія.

Съ виду эскимосъ очень некрасивъ; круглая, несоразмѣрно большая голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запавшій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы, замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый цвѣтъ кожи, вѣчно-холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру,—вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще они не занимаются разведеніемъ растеній; да это и невозможно въ странѣ, гдѣ девять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они по необходимости должны ограничиваться одною *животною* пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосскаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти орудія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ; вмѣсто ихъ они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными полосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючьевъ приготовляютъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ, однако, быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолѣваютъ даже и царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ необыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только

голодъ выгоняетъ ихъ изъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающія дикаго человѣка отъ образованнаго, доходятъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ какъ можно туже. Особенно любятъ они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сласти и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого впечатлѣнія; но, получивъ сальныя свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ не развитъ и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнитъ, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера; обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимосъ старается съѣсть ея какъ можно больше, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣстъ такое количество смердящаго жира, какого, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны; не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много —изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на копну сѣна, оставляя небольшое отверстіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ, также изъ снѣгу, нѣчто въ родѣ сѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверенькахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому что

снѣгъ *дурной проводникъ тепла*; но можно себѣ представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Въ продолженіе зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимосскія деревни таютъ быстро, и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна, а потому они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, сшивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ: одну — вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капишономъ, надѣваемымъ на голову, оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ: только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самоѣдамъ. Однако же это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ, которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружіе, сдѣланное изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди и, слѣдовательно, вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ дикаго состоянія и достигли высокой степени образованности; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не ме-

чалъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христіанами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ—образованными людьми. Все это со временемъ разскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ изучать ее.

САМОѲДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бородкой, плохо выросшей, а сверху—черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку—пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными суконами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!..

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной—истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образецъ самоѣдскаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ наши олени, понуривъ головки; опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ, мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночнинѣ*; два другихъ пускали пламя и дымъ густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ—олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную черную; одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ: перестаетъ

на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто, и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучитъ долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ копны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы—цѣль нашей поѣздки. Войдемъ въ ближайшій, или, лучше, пролѣземъ въ него черезъ узенькое отверстіе, и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горящіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода; дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе на верху, и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя подняться на ноги. Садишься на корточки, и при свѣтѣ довольно сильно разгорѣвшихся дровъ видишь изумленныя, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежитъ *инькѣ*, можетъ быть женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому что всѣ остальныя моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца, или все равно и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ потому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты ворота и видны голыя смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и видимо съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и сшиваетъ олеными жилами одну оленью постель съ другою; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ, сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя оленьи постели лежатъ на шестахъ, сближающихся къ верхнему отверстію. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дуетъ кто-то, и чумъ вслѣдъ затѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпитъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій осмотръ чума. Вы-

рвется этомъ дымъ на волю, и опять все старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ, въ дыму, и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть *песцевина* (мясо песца), можетъ быть *лисицевина* или наконецъ даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный, одуряющій запахъ и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростника ерки, подлѣ этихъ *латъ*— деревянныхъ досокъ, которыми огражденъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу *), вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться; глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ; мать-самоѣдка и ребятенки стали поспѣшно подбирать подручное, укладывая все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадается самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ.

— Олешка мохъ съѣлъ... велитъ дальше!

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другого, третьяго... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три хохлатыя собаченки продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ,

---

*) Теплая мѣховая одежда изъ оленьихъ шкуръ.

вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и обращаютъ ихъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутыя отъ чумовъ санки стоятъ уже наготовѣ, нагруженныя кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальныя изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднючья (тѣ же оленьи шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертыя или пятыя садятся ребятенки, по одному и по два, на шестыя мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмыя бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмыя, переднія, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и—*аргишъ* готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху еще невытравленнаго, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитою и такою же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды, и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста. Самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи. *(Изъ соч. Максимова).*

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней уже готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по на-

правленію къ Чугучагу и Кульджѣ. Мы отправились впередъ, въ степь, къ султану Кошъ-Магомету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ *). Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко, и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимою въ Семипалатинскѣ очень холодно, и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно,—вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ, отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ *зимовью* султана. Десятокъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря по тому, принадлежатъ ли онѣ слугамъ или женамъ султана, и посреди маленькій, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитою сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ незадолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго пріема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ, хотя нѣсколько, слово кибитка:—это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запономъ, вмѣсто двери, съ отверстіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполъ поддерживаютъ жерди, прикрѣпленныя петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху—къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уло-

*) Въ настоящее время это уже областной городъ въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ Россіи, съ населеніемъ около 30 тысячъ жителей.

жена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ— и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ—коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣялами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахрамой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.

Мало по малу собирались къ намъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли вдали обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башею Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода; тутъ же были базарчи-киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути; наконецъ, условились, какъ хотѣлось караванъ-башѣ: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1,500 купеческихъ верблюдовъ и 1,000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть должна была впослѣдствіи отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ руководителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни

защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хоть бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аяузы, отъ береговъ Каспійскихъ—на Иртышъ; все служитъ ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ, въ случаѣ нужды, коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды; воду киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности, а нѣтъ—онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшій привычкой безпрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта онъ превосходитъ бо̀льшую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами „чокъ, чокъ" или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость вьюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и перенгрываютъ съ звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ, пускаются и верщики въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки, но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ нѣсколько минутъ до того кипѣла цѣлая движущаяся община съ ея желаніями, страстями и пороками.

(Изъ путеш. Ковалевскаго).

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ пре-

красныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни,—кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чистотѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ—тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голландцевъ поближе и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая страна, эти прекрасные города, эти миленькія, блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка,—созданы на землѣ, отнятой большею частью у морскихъ волнъ. Войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно-двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подумать, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взглянувъ на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, что разодѣтая барыня не запачкаетъ краевъ своего платья, не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю изъ болота, въ которомъ плодились только жабы да лягушки; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голландца, рукъ, вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается, взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и видепъ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлять повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ; но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, разсчитанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его своротить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платьѣ, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но

когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою; онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая не облагораживала бы человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелаго труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, безпорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ СЪ МОРЯ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ да шелъ впередъ, и, когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и возмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль *) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морского прилива и отлива. Отъ Лондонскаго моста не нужно, во время отлива, ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ васъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся, можетъ быть, въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ Грев-

*) Англійская миля—верста три четверти.

зэндъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій виднѣлись, какъ сквозь легкую, прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушевку.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили, но тутъ и берега, и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостковъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудами каменнаго угля и рыбачьи челноки съ крашеными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все кугалась въ туманѣ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозило краснымъ, раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и растилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вуличъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остовы и ребра кораблей: но ни людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тьмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжкой работы нельзя было разглядѣть,— и тѣмъ грознѣе казался безустанный и неумолчный грохотъ этого невидимаго движенія! За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вуличская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ—солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затменіи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой-же гулъ и гро-

хотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволь, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами въ самую середину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вестъ-индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и, поворачивая дальше вправо, на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналами и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своей суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога сузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ легіонъ, хотя, можетъ быть, только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальныя пристаютъ къ докамъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полосѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Дома или, лучше сказать, черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто второго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ то и дѣло осторожно входили или пароходъ, или парусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно морской жизни. За

его сводами видны вдали своды другого моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ—третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ 13, да еще 5 желѣзнодорожныхъ, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь. Тихо движутся по срединѣ громадные возы, чудовищные омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся, изъ-за стѣнъ моста, какимъ-то черпымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются къ станціямъ подземныхъ и надземныхъ желѣзныхъ дорогъ, а также и электрическихъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣніе выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытаннаго одиночества.

(*Изъ ст. Михайлова*).

ІЕРУСАЛИМЪ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Въѣхавъ на горы, мы скоро поравнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо и, конечно, не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: „Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!“

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы въѣхали въ узкій дефилей самой дикой наружности; онъ

задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодцевъ. Часы быстро летѣли, и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно оттѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня;—я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ,—и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!*—Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ поводья лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнаго мѣста земного шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно,—покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся; — это меня испугало — я убоялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ— и поспѣшилъ въ лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виѳлеемскія или Яфскія ворота и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ

въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ посреди братіи, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы;—мое сердце сжалось грустью. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. „Господи!“ сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: „Страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища Твои!“ Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать,—и какъ выразить восторгъ, умиленіе и горесть христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя и, наконецъ, на Голгофѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у развалины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь покрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галлереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Ны-

нѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта, — поразительно. Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ не развлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваій вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился, съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ. *(Изъ пут. Норова).*

КІЕВЪ.

Высоко передо мною—
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»
—«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей».
—«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».
—«Край мой—теплый брегъ Евксина!»
—«Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
—«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
—«Мнѣ отчизна старый Псковъ».
—«Я отъ Ладоги холодной»,
—«Я отъ синихъ волнъ Невы»,
—«Я отъ Камы многоводной»,

—«Я отъ матушки Москвы».
Слава, Днѣпръ—сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ—чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ!

Хомяковъ.

МОСКВА.

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы.
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ:
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это—матушка Москва.
Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-Богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?
Кто Царь-колоколъ подыметъ,
Кто Царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ;
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная,
И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!..
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!..

Глинка.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;

Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи:
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ

ФИНЛЯНДІЯ.

Суровый край! Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры:
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы.
Синѣя всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады.
Тамъ холмъ очей не веселитъ:
Онъ лавой каменной облитъ.
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный.
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Батюшковъ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;

Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ».
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла.
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный холодъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою,
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ.
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся жъ, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Пушкинъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОЛГѢ.

(письма къ пріятелю).

Письмо 1-е.

Отъ Петербурга до Твери.

Прощаясь съ тобою на Петербургской станціи, я далъ тебѣ слово описать свое путешествіе по Волгѣ. „Не давши слова крѣпись, а давши держись“; вслѣдствіе этой мудрой пословицы, я опишу тебѣ хотя нѣсколько тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на меня эта великая рѣка; но если бы я захотѣлъ разсказать тебѣ все, что видѣлъ, проѣхавъ почти всю Волгу до Астрахани, то долженъ былъ бы написать цѣлую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровозъ быстро унесъ насъ изъ туманнаго Петербурга. Болота, прерывающіяся лужами, мелкіе, жиденькіе еловые лѣски, напоминающіе щетинистую бороду худо выбритаго человѣка, форменныя будки сторожей, —словомъ, окрестности Петербурга быстро мелькали мимо меня въ окошкѣ вагона. Какою печальною представляется мнѣ вся эта низменная и бѣдная страна отсюда, послѣ того, какъ я видѣлъ прекрасные берега Волги! Окрестности сѣверной столицы и такъ не очень пышны, а московская желѣзная дорога, какъ нарочно, летитъ стрѣлою по самымъ непріятнымъ пустырямъ.

Чѣмъ далѣе мы уѣзжали отъ Петербурга, тѣмъ болѣе оживлялась мѣстность: становилась холмистѣе, зеленѣе; лѣса дѣлались гуще и разнообразнѣе; луга и поля суше и цвѣтистѣе; деревни болѣе похожи на добровольныя поселенія людей, чѣмъ тѣ вытянутые въ струну ряды домовъ, которые выдаютъ за села и деревни въ окрестностяхъ Петербурга. Въ воздухѣ было замѣтно болѣе свѣта и тепла и менѣе той зубастой сырости, которая гложетъ

въ Петербургѣ гранитъ и чугунъ, а не только уже прохватываетъ до костей бѣднаго человѣка.

Новгородская губернія, въ которую мы въѣхали изъ Петербургской, также не очень привлекательна, но все немного повеселѣе. Когда нашъ поѣздъ готовился переѣзжать мутный Волховъ по великолѣпному мосту, будто висящему въ воздухѣ, я, выйдя на платформу небольшой станціи, въ первый разъ полюбовался окрестностью. По обѣимъ сторонамъ моста—бездна воды; у пристани дымился пароходъ, и къ нему поспѣшали пассажиры, желавшіе подняться вверхъ по Волхову до Великаго Новгорода, который, какъ говорятъ, теперь очень не великій и очень обыкновенный губернскій городъ, хотя и стоитъ попрежнему невдалекѣ отъ истока Волхова изъ озера Ильменя. Съ другой стороны моста видно было множество барокъ, которыя отправлялись внизъ по Волхову съ тѣмъ, чтобы оттуда по Ладожскому каналу, мимо южныхъ береговъ бурнаго и каменистаго Ладожскаго озера, войти въ Неву у Шлиссельбурга и прибыть къ вамъ въ Питеръ. Это уже волжскіе гостинцы Петербургу. Когда мы отправились, я спросилъ у одного ладожанина, ѣхавшаго съ нами въ Тверь: есть ли какіе-нибудь слѣды пребыванія Рюрика въ Ладогѣ, оставшіеся съ тѣхъ поръ, когда этотъ князь, призванный новгородцами, поселился тамъ, чтобы запереть другимъ смѣлымъ варягамъ входъ въ устья Волхова—эти ворота въ Новгородскую область?

— Съ тѣхъ поръ прошла уже тысяча лѣтъ, отвѣчалъ мнѣ ладожанинъ: могло-ли же что-нибудь сохраниться? Большихъ построекъ тогда не дѣлали, а защищали страну болѣе грудью. Не доѣзжая до Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова, есть, правда, остатки валовъ и каменныхъ стѣнъ крѣпости; но эта крѣпость строилась позже, для защиты отъ шведовъ, проходившихъ тѣмъ же путемъ грабить богатый Новгородъ. Эти грабежи продолжались бы долго, еслибъ Петръ Великій не завоевалъ сначала Орѣшка, нынѣшняго Шлиссельбурга, а потомъ не завладѣлъ бы устьемъ Невы и не выстроилъ бы Кронштадтской крѣпости, около которой понапрасну когда-то разгуливалъ англо-французскій флотъ. Да,

Кронштадтъ важная крѣпость! За ея пушками мы плаваемъ и торгуемъ здѣсь спокойно. Но не такъ было прежде, и въ воды Волхова много пролито крови, а по берегамъ много могильныхъ холмовъ, показывающихъ, что здѣсь не разъ отстаивали новгородцы свой вольный городъ.

Подъѣзжая къ Валдаю и за Валдаемъ, мѣстность становится очень холмиста; но эти отлогія Валдайскія горы, покрытыя лѣсами и болотами, мало похожи на горы, хотя порядочно затрудняютъ поѣздъ. Желѣзная дорога то подымается на отлогіе бока холмовъ, то опускается съ нихъ; гдѣ же подъемъ или спускъ сколько-нибудь круты, тамъ сдѣланы часто огромныя насыпи, соединяющія два холма; иногда дорога прорѣзываетъ холмы, и тогда зеленые валы стоятъ, какъ крѣпостныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ летящаго вагона. Какъ хороши иные мосты, смѣло висящіе въ воздухѣ! Взглянешь внизъ—голова закружится! Далеко внизу, подъ мостомъ, протекаетъ рѣка, по которой тянутся барки; на берегу—деревни, лѣски, и все такъ миніатюрно, что кажется хорошенькою игрушкою. Хотѣлось бы мнѣ оттуда, снизу, взглянуть на нашъ паровозъ и цѣлый рядъ вагоновъ, несущихся высоко надъ головою.

Какихъ страшныхъ трудовъ и издержекъ стоило провести въ этомъ мѣстѣ желѣзную дорогу,—но не потому, чтобы горы Валдайскія были слишкомъ высоки (это-ли горы?), а потому, что здѣсь неисчислимое множество болотъ, лежащихъ даже по вершинамъ горъ, и очень глубокихъ (до 30 саженъ). Говорятъ, что когда нужно было на нѣсколькихъ болотахъ дѣлать насыпи, то вбивали огромнѣйшія сваи, одну за другою, и онѣ, входя въ болото, пропадали, а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, выплывали гдѣ-нибудь на озерѣ, версты за три. Это объясняется тѣмъ, что многія изъ здѣшнихъ болотъ—не что иное какъ озера, только сверху заросшія тонкимъ слоемъ торфа, образовавшагося изъ гніющихъ растеній и мховъ. Водяное богатство этой страны неизмѣримо. Да и можетъ ли быть иначе, когда она питаетъ три такія рѣки, какъ Волга, Днѣпръ и Западная Двина, и безчисленное множе-

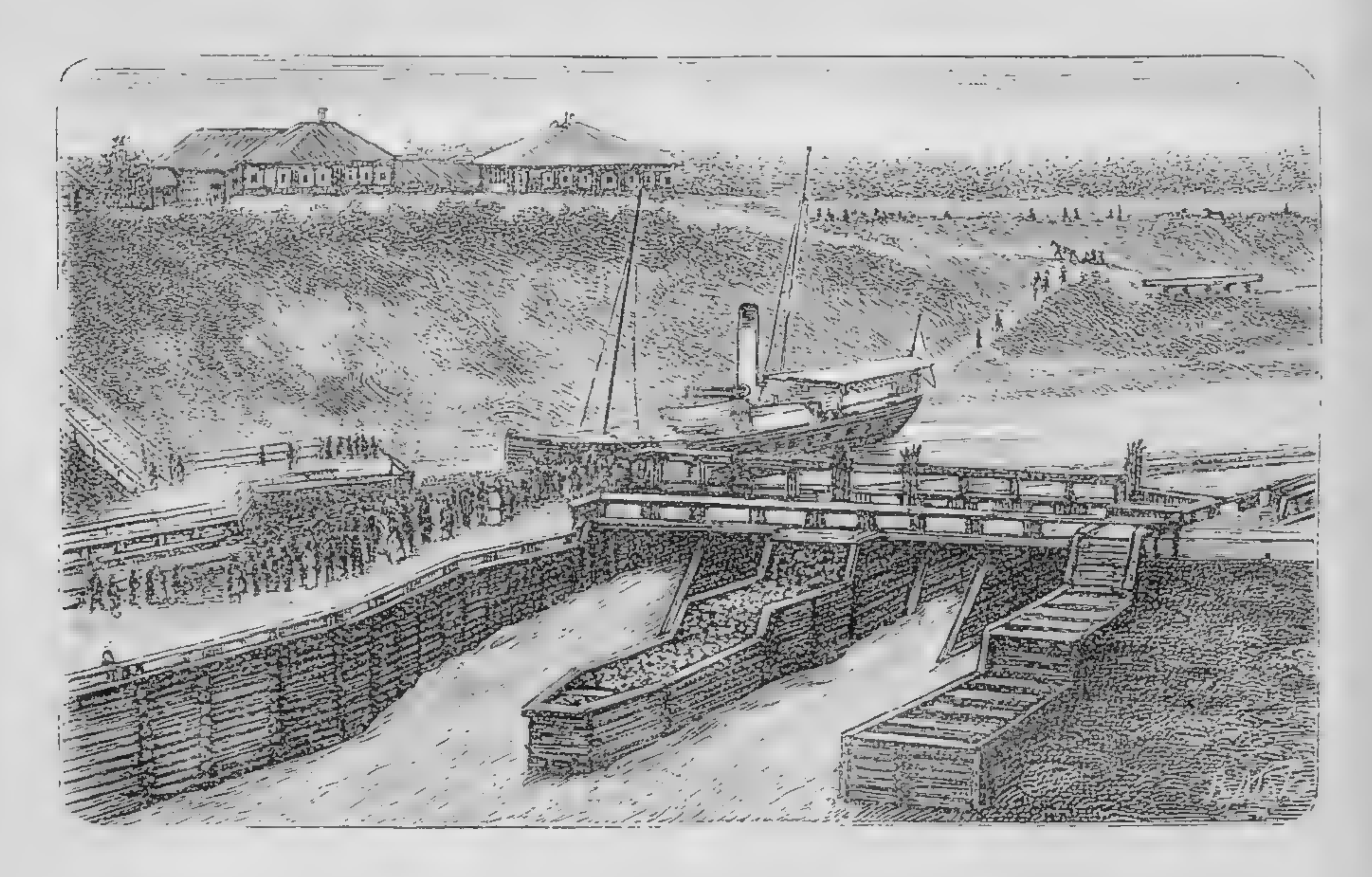
ство мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ? Всѣ эти три громадныя рѣки берутъ свое начало почти въ одномъ мѣстѣ: на холмистыхъ возвышеніяхъ, помѣщающихся въ самомъ центрѣ Европейской Россіи и покрытыхъ лѣсами, болотами и озерами. Говорятъ, что индѣйцы поклоняются источникамъ Ганга, вытекающаго изъ высокихъ ледниковъ Гималая: если бы русскіе, будучи язычниками, знали хорошо географію своей страны и причины ея воднаго богатства, то вѣроятно поклонялись бы болотамъ и озерамъ нынѣшней Тверской и Новгородской губерніи. Эти болота и озера поятъ безчисленныя рѣки Россіи, а эти рѣки поятъ, кормятъ и одѣваютъ десятки милліоновъ русскихъ людей.

Мнѣ также захотѣлось посмотрѣть, гдѣ и какъ начинается „матушка“ и „кормилица“ Волга-рѣка, не затѣмъ, что-бы, какъ язычники, кланяться истокамъ Волги, а чтобы яснѣе представить себѣ, какъ Волга изъ маленькаго родничка становится гигантской рѣкой, бассейнъ которой захватываетъ 21 губернію. Доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до станціи Вышній Волочекъ, мнѣ пришлось ѣхать дальше на лошадяхъ по почтовой дорогѣ до города Осташкова, который стоитъ у озера Селигера; это озеро посылаетъ въ Волгу черезъ рѣку Селижаровку массу воды и тѣмъ значительно увеличиваетъ ея размѣры. Про городъ Осташковъ могу сказать тебѣ, что жители его ловятъ и продаютъ много рыбы, дѣлаютъ на продажу большое количество косъ и серповъ и шьютъ изъ бѣлой кожи сапоги, которые расходятся отсюда въ разныя стороны и извѣстны подъ названіемъ „осташей“. Изъ Осташкова я проѣхалъ на пароходѣ по Селигеру до деревни Подгорья, а оттуда верстъ 15 на лошадяхъ до деревни, называемой Волгино Верховье или Волговерховье. Деревня эта расположена на горкѣ, у подошвы которой, въ лѣсу, находится одно изъ многихъ болотъ, которыми такъ богата эта мѣстность; изъ этого болота вытекаетъ маленькій ручеекъ; у самаго его истока стоитъ убогая деревянная часовня, а посреди нея—небольшой срубъ, уходящій подъ поломъ въ болото; глубина воды въ немъ—аршина полтора. Ширина ручейка около часовни и немного дальше, не больше полутора

аршина. Вотъ это и есть начало нашей знаменитой Волги, которая потомъ разливается въ ширину на 4 версты и въ длину на $3^1/_2$ тысячи верстъ, такъ что ни одна рѣка Европы не можетъ сравняться съ нею.

Ручеекъ, считающійся за начало Волги, постепенно все растетъ; на первыхъ-же 80 верстахъ онъ принимаетъ въ себя цѣлые десятки другихъ ручейковъ и рѣчекъ; протекаетъ рядъ довольно многоводныхъ озеръ, а принявши черезъ рѣку Селижаровку воды озера Селигера, Волга становится судоходною рѣкою, т. е. по ней начинаютъ свободно сплавлять плоты и небольшія суда. Но и послѣ того, какъ Волга изъ ручейка становится рѣчкою, плаванію по ней мѣшаютъ огромные *валуны*, покрывающіе русло рѣки и высовывающіеся надъ поверхностью воды: это такъ называемые *одинцы;* русло рѣки загромождаютъ также многочисленныя *карчи*, или скопленія намокшихъ, темныхъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ. Опасность отъ мелей особенно усиливается за Тверью. гдѣ начинаютъ уже ходить пароходы. Судоходность Волги здѣсь поддерживается искусственно особымъ сооруженіемъ, называемымъ верхневолжскимъ *бейшлотомъ;* цѣль этого сооруженія — образовать въ верховьяхъ Волги водохранилище, запасы воды котораго можно было-бы употреблять на поднятіе уровня воды въ Волгѣ настолько, чтобы между Тверью и Рыбинскомъ могли ходить суда съ осадкою 16 вершковъ. Сооруженіе это, въ родѣ прочной деревянной плотины, устроено послѣ прохода Волги черезъ озеро Волго и имѣетъ длины болѣе 34 саженъ. Съ берегами рѣки эта деревянная плотина соединена двумя земляными дамбами съ мощенымъ камнемъ откосами. Кромѣ двухъ устоевъ у береговъ, плотина опирается на четыре промежуточныя опоры (быка). Сверху надъ опорами наложенъ мостъ для прохода и проѣзда. Между устоями и промежуточными быками находятся пролеты съ деревянными полами, и съ подвижными щитами, которыми запирается плотина. Щиты приводятся въ движеніе, т. е. поднимаются и опускаются. при помощи колесъ, расположенныхъ наверху плотины. Средній, болѣе мелкій, пролетъ назначенъ собственно для пропуска спла-

вляемаго лѣса и рыбачьихъ лодокъ съ рыбою. Если закрыть всѣ щиты, то почти всѣ озера и рѣчки на разстояніи 80 верстъ отъ бейшлота вверхъ сливаются въ одно сплошное водное пространство, образующее запасное водохранилище, называемое *верхневолжскимъ бассейномъ.* Если-же, напротивъ, открыть всѣ щиты и спустить воду изъ бассейна, то уровень Волги повысится на протяженіи 500 верстъ: у Селижаровки на 28 вершковъ, у Твери на 6—10 вершковъ, а у Рыбинска всего на 1 вершокъ, но и

этотъ вершокъ воды иногда очень важенъ для судовъ, предохраняя ихъ отъ опасности сѣсть на мели.

Познакомившись съ двумя важными мѣстами на верховьяхъ Волги—съ ея истоками и съ ея водохранилищемъ—я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ѣхать дальше внизъ до Твери на какой нибудь баркѣ, а поспѣшилъ отправиться на лошадяхъ до станціи желѣзной дороги, чтобы скорѣе пріѣхать въ Тверь. Ближайшей станціею оказался городъ Торжокъ, извѣстный тебѣ изъ исторіи тѣмъ, что онъ, будучи пригородомъ Новгорода, вздумалъ соперничать

съ господиномъ Великимъ Новгородомъ, но безуспѣшно; Новгородцы не хотѣли ни за что уступить Торжку и съ упорствомъ говорили: „Не быть Торжку выше Новгорода!“ За то теперь Торжокъ, пожалуй, превзошелъ своего стараго господина и торговлей, и промышленностью: всякому пріѣзжему бросается въ глаза прежде всего цѣлый рядъ паровыхъ мельницъ и кожевенныхъ заводовъ. Кромѣ того, Торжокъ извѣстенъ своими вышиваніями золотомъ по кожѣ и бархату (торжковскія туфли), а также плетеніемъ кружевъ, что составляетъ здѣсь главное занятіе женщинъ, привыкшихъ жить самостоятельно, такъ какъ мужчины обыкновенно уходятъ на работы въ столицы и другія мѣста.

Рано утромъ мы пріѣхали въ Тверь, и городской извозчикъ повезъ меня въ городъ, отстоящій довольно далеко отъ станціи желѣзной дороги, въ гостинницу, стоящую на берегу Волги. Съ большимъ нетерпѣніемъ побѣжалъ я взглянуть на царицу европейскихъ рѣкъ. Пришелъ на набережную и увидѣлъ очень не широкую и очень не полноводную рѣку, втрое ўже и бѣднѣе водою нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не болѣе 100 саженъ. Тверь—чистенькій городокъ, а множество очень старинныхъ церквей и монастырей говорятъ краснорѣчиво о древности бывшей столицы Великаго Княжества Тверского, соперничествовавшей когда-то, какъ и Торжокъ, съ Великимъ Новгородомъ.

Изъ церквей въ Твери болѣе всего интересенъ Отрочъ Монастырь, основанный почти 700 лѣтъ назадъ сыномъ князя Ярослава Ярославича, отрокомъ Григоріемъ. Въ этотъ монастырь былъ заточенъ Грознымъ и задушенъ Малютой Скуратовымъ митрополитъ Филиппъ, осмѣлившійся всенародно обличать Грознаго за его жестокости. Побывалъ я также на Тверской Морозовской мануфактурѣ, гдѣ мнѣ показали весь ходъ обработки хлопка: его очистку, трепанье, расческу, вытягиванье, постепенную выработку толстой и тонкой нитки, которую съ катушекъ перематываютъ на большія катушки или валы, кромѣ того, часть пряжи наматываютъ на шпули и такимъ образомъ приготовляютъ основу и утокъ; валы съ основой и челноки съ утокомъ идутъ въ ткацкіе станки.

которыхъ больше двухъ тысячъ; шумъ отъ этихъ станковъ невообразимый; нужна большая привычка, чтобы пробыть среди такого шума нѣсколько часовъ. Полученный здѣсь суровый холстъ идетъ въ чистильни, оттуда въ громадные отбѣльные котлы, потомъ моется, просушивается и тогда уже поступаетъ на печатныя машины, гдѣ снова проходитъ рядъ мытарствъ, пока не получится до ста сортовъ ситца разнообразныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ хлопокъ, прежде чѣмъ его переработаютъ въ ситецъ, проходитъ черезъ цѣлый десятокъ или больше различныхъ машинъ—и все это почти безъ участія рукъ человѣческихъ. Совсѣмъ безъ человѣка однако нельзя обойтись и на фабрикѣ: въ помощь машинамъ работаетъ отъ пяти до шести тысячъ рабочихъ; а все населеніе фабрики, съ семействами рабочихъ, въ нѣсколько разъ больше, такъ что фабрика имѣетъ видъ большого села: тутъ есть и лавки, и пекарни, и школа. Послѣ осмотра фабрики я поспѣшилъ на пристань.

Множество тяжело-нагруженныхъ барокъ и 5—6 пароходовъ стояло у пристани. Мнѣ сказали, что готовится цѣлый *караванъ* барокъ для отправки въ Петербургъ по Вышневолоцкой *системѣ* рѣкъ и каналовъ. Но я, къ стыду моему, не замѣтилъ даже Тверцы, которая впадаетъ въ Волгу у самой Твери и вверхъ по которой идутъ барки до Вышневолоцкаго канала, соединяющаго Тверцу съ рѣкою Мстою, впадающею въ Ильмень: такъ боялся я опоздать на пароходъ, уже неистово свистѣвшій внизу, подъ крутою лѣстницею, ведущею съ высокой, красивой набережной. Чрезъ полчаса пароходъ нашъ уже отчалилъ и понесся—нельзя сказать, чтобы быстро—внизъ по рѣкѣ: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Пассажировъ было много; они не успѣли еще усѣсться, суетились, возились съ вещами. Я стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на знаменитую Волгу. Признаюсь, что, послѣ Невы, она казалась мнѣ очень узкою и бѣдноватою рѣкою, на которой съ трудомъ разъѣзжались безпрестанно встрѣчающіеся пароходы и барки; бородатый помощникъ еще болѣе бородатаго лоцмана, сидя на носу парохода, безпрестанно мѣрилъ глубину, и глубина оказывалась незначительная.

Волга не только не широка, но и не глубока; на ней множество мелей, на которыя попасть непріятно. Мели къ тому-жъ, послѣ весеннихъ разливовъ, несущихъ песокъ, илъ и карчи, очень часто мѣняютъ свое мѣсто и появляются тамъ, гдѣ ихъ въ прошломъ году еще не было. Такія мели на Волгѣ называются *перекатами*. Волжскіе лоцманы, провожающіе суда и пароходы по Волгѣ, должны быть люди очень опытные и зоркіе, должны хорошо знать *фарватеръ* Волги и быть на сторожѣ каждую минуту, чтобы избѣгнуть безчисленныхъ мелей, скрывающихся подъ водою.

Однако письмо мое вышло неприлично длинно; а я еще только начинаю путешествовать; прощай до будущаго письма.

Письмо 2-е.

Отъ Твери до Рыбинска.

Отъ Твери до Рыбинска я видѣлъ мало замѣчательнаго. Берега Волги, впрочемъ, довольно живописны, и холмы появляются то на правой, то на лѣвой ея сторонѣ. Прибрежныя села велики и красивы, во многихъ старинныя каменныя церкви. По всему видно, что здѣсь давно живутъ люди и живутъ недурно, благодаря кормилицѣ Волгѣ. Одно изъ этихъ селъ—Едимоново стало извѣстно, основанной Верещагинымъ, первой русской школой молочнаго хозяйства (сыроваренія и маслодѣлія). Ниже по Волгѣ другое село—Кимры—красиво раскинулось на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Величинѣ и многолюдству Кимръ, насчитывающихъ свыше 6000 жителей, можетъ позавидовать не только захолустная Корчева, въ уѣздѣ которой находится это село, но и многіе другіе наши уѣздные города.

Воспользовавшись остановкою парохода, я пробрался въ самое село. Оно замѣчательно тѣмъ, что производитъ во множествѣ разную обувь, начиная съ грубаго крестьянскаго сапога и кончая изящными дамскими ботинками и туфлями. Кимряки болѣе 200 лѣтъ занимаются сапожнымъ мастерствомъ. Гостиные дворы и магазины въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, торгуютъ

большей частью кимрскою обувью, да и въ сапожныхъ мастерскихъ этихъ городовъ и хозяева, и подмастерья обыкновенно тѣже кимряки. Кимряки пріучаются къ своему сапожному дѣлу съ ранняго дѣтства. Вотъ отецъ или мать кроятъ сапоги, набиваютъ ихъ на колодки и шьютъ; тутъ-же дѣти помогаютъ имъ, готовятъ дратву, прибираютъ колодки; которые постарше, тачаютъ голенища, или сидятъ за строчильной машиной и приготовляютъ разныя части штиблетъ и ботинокъ. Большинство сапожниковъ работаетъ не отъ себя, а на хозяевъ, которые даютъ имъ матеріалъ, а иногда и инструменты и платятъ поштучно за сдѣланную обувь. Такіе промыслы, какъ сапожный у кимряковъ, когда ими занимаются всѣ члены семьи у себя дома въ деревнѣ, обыкновенно въ свободное отъ полевыхъ работъ зимнее время, называются *кустарными* промыслами, а лица, занимающіяся ими,—*кустарями*. Кустарная промышленность развилась преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля уже истощена или ея мало, и она не даетъ крестьянину достаточно средствъ для прокормленія семьи. Почти каждая губернія имѣетъ свою кустарную промышленность; сильнѣе же всего развита она въ губерніяхъ верхняго Поволжья: Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской. Перечислить всѣ отрасли кустарной промышленности почти нѣтъ возможности; можно насчитать нѣсколько сотъ различныхъ промысловъ и ремеслъ. Въ Тверской губерніи, кромѣ сапожнаго дѣла, сильно распространено также и кузнечное производство. Замѣчательно, что въ каждомъ уѣздѣ развилась какая нибудь одна отрасль этого производства. Такъ, въ одномъ уѣздѣ дѣлаются только гвозди, въ другомъ—топоры, въ третьемъ косы и серпы, и т. д.

Проѣхавъ еще нѣсколько незначительныхъ городовъ и селъ, мы стали подходить къ городу Угличу. Онъ стоитъ на высокомъ, довольно живописномъ берегу, и множество старинныхъ церквей даютъ ему оригинальный видъ. Пока пароходъ нашъ запасался дровами, а пассажиры различной провизіей—кто рыбой, кто хлѣбомъ, молокомъ, ягодами, всѣмъ, что продавалось тутъ же у пристани,—я успѣлъ взглянуть на дворецъ несчастнаго Димитрія Ца-

ревича. Это очень небольшой каменный двухъ-этажный домикъ, возстановленный къ 300 лѣтію страшнаго событія (1591—1891). Въ верхнемъ этажѣ дворца находится одна комната, обращенная въ часовню. Стѣны комнаты украшены портретами русскихъ царей; противъ входа, подъ иконой Спасителя, стоитъ гробница, въ которой около 300 лѣтъ тому назадъ было перенесено тѣло Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. Предъ домикомъ площадка; стоя на ней, я невольно вспомнилъ прекрасное описаніе страшнаго дѣла, изъ разсказа почтеннаго старца Пимена, въ Пушкинской драмѣ: „Борисъ Годуновъ“. Помнишь, какъ Пименъ разсказываетъ будущему Самозванцу это страшное событіе, имѣвшее такое вліяніе на судьбу Россіи:

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда-жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу—лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ;
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу—мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда—Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо!—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ.
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Есть пословица: „живой о живомъ и думаетъ“. Слѣдуя этой пословицѣ, и я отъ мрачныхъ воспоминаній о событіи сѣдой старины обратился къ настоящей жизни Углича и узналъ не мало интереснаго. Гуляя по городу, я зашелъ въ лавку и купилъ себѣ углицкой колбасы, которая извѣстна чуть не всей Россіи. Кромѣ производства колбасы, трудолюбивые угличане коптятъ ветчину, оттого ихъ называютъ „колбасниками и коптильщиками“, разводятъ огородныя овощи, мнутъ кожи, шьютъ мѣшки и строятъ суда. Много угличанъ уходитъ изъ родного города въ столицы и другіе города на работу—въ трактиры, колбасныя, на огороды и т. п. Однимъ словомъ, угличане являются уже настоящими ярославцами по характеру. Здѣсь надо сказать тебѣ, что мы, еще не доѣзжая Углича, въѣхали въ предѣлы Ярославской губерніи. Къ Ярославскому краю собственно даже не подходитъ названіе губерніи. Это скорѣе особая область, жители которой отличаются бойкостью, расторопностью, смѣтливостью; про нихъ говорятъ, они „русской природы, а ярославской породы“. Ярославецъ не задумается ни передъ какимъ новымъ для него занятіемъ и съ увѣренностью берется за все, что ему кажется выгоднымъ; доказательствомъ этому служитъ необыкновенное разнообразіе промысловъ и ремеслъ, которыхъ въ губерніи насчитываютъ до 500. Почти каждый уѣздъ имѣетъ свои промыслы. Въ Ярославскомъ уѣздѣ живутъ ткачи и плотники; въ Ростовскомъ уѣздѣ живутъ сапожники и огородники; изъ Даниловскаго выходятъ печники и лавочники; изъ Рыбинскаго—лоцмана, судорабочіе и столяры; изъ Мышкинскаго—шорники, винноторговцы, горшечники; изъ Любимскаго—трактирщики, буфетчики, повара, половые; въ Романовскомъ славятся овчинники, тулупники и кузнецы.

Ярославцы не только дома занимаются разными промыслами, но ихъ можно встрѣтить въ разныхъ концахъ Россіи, куда они уходятъ на промыслы и проживаютъ тамъ годами, сообщаясь съ родными и семьей только письмами. Такіе промыслы на сторонѣ называются *отхожими промыслами*. Трудно найти въ Россіи трактиръ, гдѣ-бы изъ-за прилавка не выглядывала веселая физіо-

номія ярославца. Въ большей части петербургскихъ и московскихъ мелочныхъ лавокъ и хозяинъ, и мальчикъ—ярославцы. Можно указать многихъ ярославцевъ, которые сами или отцы ихъ пришли въ столицу пѣшкомъ, а теперь сдѣлались милліонерами.

Женщины, въ отсутствіи мужей, какъ самые сильные члены оставшейся семьи, должны нести на своихъ плечахъ не только женскія работы по хозяйству, но и мужскія; онѣ пашутъ, молотятъ, косятъ, рубятъ дрова, ловятъ рыбу, чинятъ дороги, возятъ почту и т. д. Не рѣдко здѣсь встрѣтить бабу съ бляхою десятскаго или старосты; есть бабы-ямщики и разсыльные. Однимъ словомъ, здѣсь настоящее „бабье царство“ или „бабья сторона“.

Отъ Углича и до Мологи Волга течетъ почти прямо на сѣверъ, а у Мологи круто поворачиваетъ къ юго-востоку. Этотъ большой изгибъ Волги къ сѣверу очень важенъ для торговли, потому что въ этомъ изгибѣ впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны двѣ большія рѣки: Молога и Шексна, изъ которыхъ первая, Тихвинскимъ каналомъ, соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ, а вторая, Маріинскимъ каналомъ—съ Балтійскимъ и Бѣлымъ. Смотря на этотъ изгибъ, кажется, что Волгѣ какъ будто хотѣлось проложить себѣ путь на сѣверъ; но она встрѣтила лѣсистые холмы, называемые *увалами*, идущіе отъ Уральскихъ горъ, и поворотила къ юго-востоку.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы отъѣхали отъ Мологи, и я заснулъ въ каютѣ. Но скоро разбудилъ меня страшный шумъ надъ головою: на палубѣ бѣгали, суетились, и до меня долетали какіе-то неистовые крики: „направо! держи лѣвѣй! куда-те несетъ, окаянный? али ослѣпъ, что-ли? бока проломишь! куда прешь, лѣшій, на якорь наѣхалъ!“ Эти грубые крики раздавались со всѣхъ сторонъ. „Экъ плоты-то растянули“, кричалъ нашъ капитанъ; „посторонись! берегись!“ ревѣлъ онъ въ рупоръ. Спать не было никакой возможности. Я вышелъ на палубу и остановился въ изумленіи: пароходъ, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди безчисленнаго множества плотовъ и барокъ, составлявшихъ почти одну сплошную массу во всю ширину рѣки. Лѣтняя ночь была

тепла, но очень темна, не то что у насъ въ Петербургѣ, гдѣ въ это время ночи почти совершенно нѣтъ. Тысячи огоньковъ горѣли на обоихъ берегахъ; разноцвѣтные фонари сверкали наверху пароходовъ; безчисленныя барки казались въ темнотѣ громадами; на нихъ кое-гдѣ шевелились люди; по рѣкѣ разносились громко голоса перебранивающихся рабочихъ, которые особенно сердились на нашъ пароходъ, затесавшійся промежъ барокъ такъ поздно. Мы были въ Рыбинскѣ; но я не видалъ еще города, а только огоньки въ окнахъ его домовъ, сверкающіе въ темнотѣ на высокомъ, правомъ берегу Волги.

Письмо 3-е.

Отъ Рыбинска до Нижняго.

На другой день я проснулся очень рано и тотчасъ же пошелъ въ городъ. Богатые каменные дома, тянувшіеся стройнымъ рядомъ по высокому берегу, прекрасная, устланная камнемъ, набережная, съ хорошенькими перилами, отличный тротуаръ вдоль набережной—все показывало, что жители Рыбинска люди не бѣдные. Городъ еще спалъ; только въ открытыхъ окнахъ трактировъ половые постукивали чашками. Съ высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный видъ на широкую рѣку, на безчисленныя суда, на противоположный берегъ, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

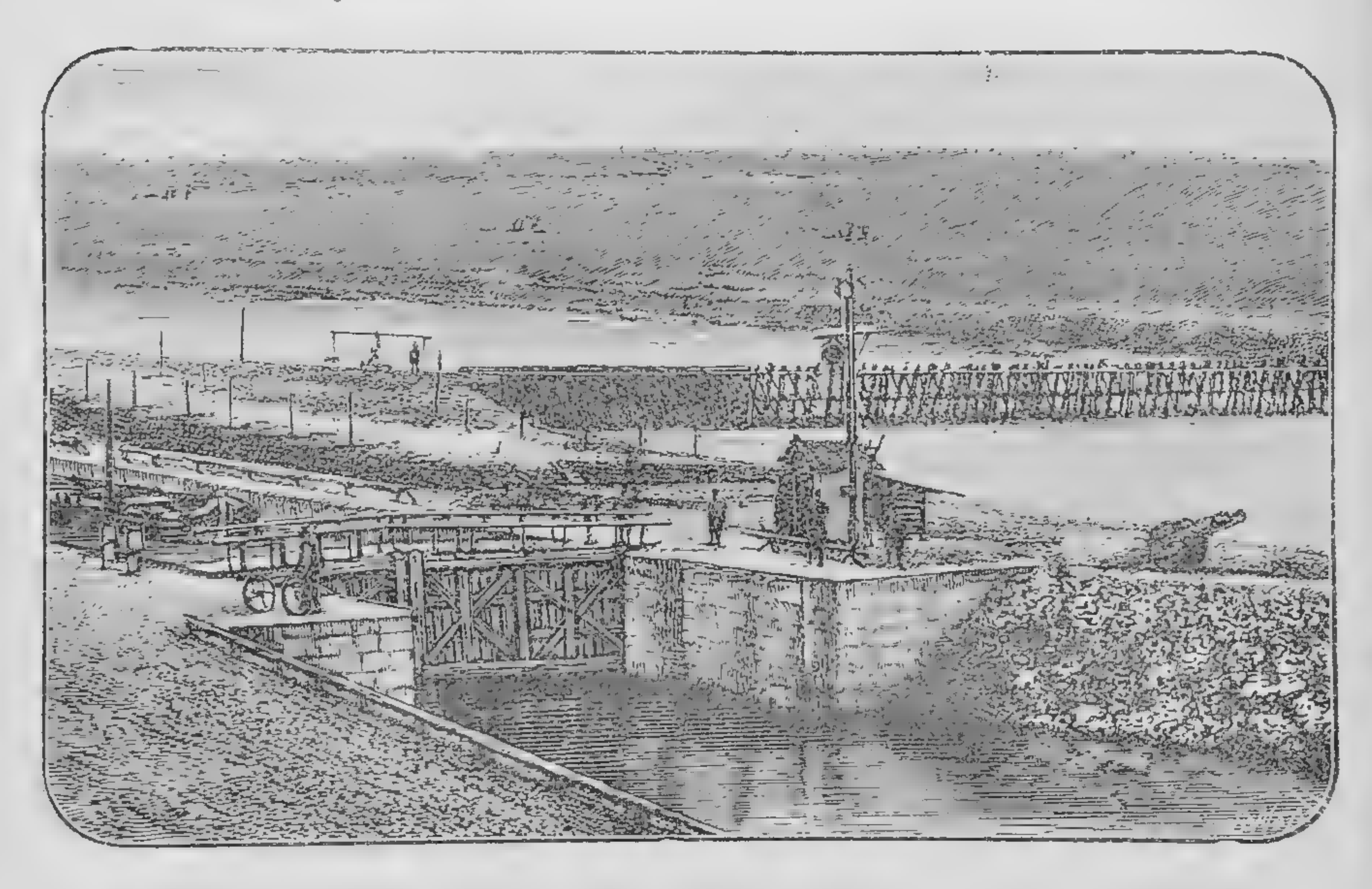
Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и суда располагаются у берега правильными отдѣленіями, смотря по тому, съ какимъ они грузомъ и куда идутъ: плывутъ ли внизъ по Волгѣ; подымаются ли вверхъ до Твери, съ тѣмъ, чтобы по Тверцѣ пробраться дальше къ Вышнему Волочку; къ Мологѣ ли, имѣя въ виду Тихвинскую систему, или войдутъ тутъ же, у Рыбинска, въ Шексну и по *Маріинской системѣ* рѣкъ и каналовъ отправятся до петербургскаго порта. Въ Рыбинскѣ происходитъ главная перегрузка товаровъ съ большихъ судовъ на малыя, потому что большія волжскія суда, придя къ Рыбинску съ ни-

зовья—Нижняго, Казани, Саратова, Астрахани,—не могутъ идти далѣе вверхъ по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ. Всѣ эти суда доставлены въ Рыбинскъ пароходами на буксирѣ, а прежде доставлялись—бурлаками съ помощью лошадей. А какъ разнообразны эти суда! Въ одномъ углу глазъ останавливается невольно на легкой, изящной *бѣлозеркѣ* съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой; тамъ торчитъ безобразный *шитикъ* съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики; на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ, длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но нѣтъ барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, причемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную роль играетъ топоръ да ножъ, изрѣдка развѣ—долото.

Яростный свистокъ парохода увѣдомилъ меня, что я слишкомъ долго расхаживалъ по рыбинской набережной. На палубѣ знакомый мнѣ купецъ, умывшись, расчесавъ сѣдую голову и бороду, помолился на рыбинскія церкви и усѣлся за чай. Онъ пригласилъ меня и еще одного своего знакомаго купца, только что прибывшаго изъ Бѣлозерска, распить вмѣстѣ чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговоръ, интересный для моего знакомаго, потому что барки его, пробравшись на сѣверъ, вверхъ по Шекснѣ до Бѣла-озера, тянулись теперь по обводному Бѣлозерскому каналу.

Прежде гораздо медленнѣе шли товары въ Петербургъ, разсказывалъ мой знакомый купецъ другому; бывало, по обводнымъ каналамъ могли пробираться только небольшія суда и съ небольшимъ грузомъ отъ 5000 до 15000 пудовъ; а теперь всѣ каналы и рѣчки на Маріинскомъ пути значительно расширены и углублены, и можно пускать суда въ 30 саженъ длины и съ грузомъ до 40000 пудовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ воднаго пути, гдѣ рѣки имѣютъ мелкое, каменистое и порожистое дно, устроены теперь *шлюзы.*

Для этого вся неудобная для плаванія часть рѣки перегораживается рядомъ плотинъ на небольшіе водные участки, или пруды. Между каждыми двумя прудами устраивается узкій проходъ или корридоръ для спуска воды и прохода судовъ. Это и есть собственно шлюзъ. Входя въ шлюзъ изъ одной части рѣки и выходя въ другую, запираютъ ворота, обыкновенно каменныя, какъ и стѣны шлюзъ, а у насъ на маріинскомъ и на другихъ путяхъ—деревянныя, бревенчатыя, двухстворныя или одностворныя. Въ воротахъ имѣются подвижные щиты для впусканія воды въ шлюзъ и выпусканія ея.

Въ прудахъ воду удерживаютъ на различныхъ уровняхъ, такъ что одинъ прудъ лежитъ выше другого. Положимъ теперь, что судно входитъ въ шлюзъ со стороны ниже лежащаго пруда. Когда судно вошло въ шлюзъ, за нимъ запираютъ заднія ворота и поднимаютъ щиты въ воротахъ, ведущихъ въ вышележащій прудъ; шлюзъ наполняется водою, и уровень ея сравнивается съ уровнемъ вышележащаго пруда; тогда отворяютъ переднія ворота,

и судно входитъ въ верхній прудъ; если шлюзовъ нѣсколько, то судно пропускается такимъ же способомъ черезъ всѣ шлюзы. Если же судно спускается съ верхняго пруда въ нижній, способъ его прохода черезъ шлюзы такой. Въ нижележащемъ шлюзѣ вода доводится до уровня вышележащаго пруда, и судно впускается въ шлюзъ. Заднія ворота запираются, а въ переднихъ поднимаютъ щиты и доводятъ воду въ шлюзѣ до уровня нижележащаго пруда; тогда отворяютъ ворота и впускаютъ судно въ нижній прудъ. Такихъ шлюзовъ на Маріинской системѣ до 30, а на Тихвинской—до 60.

Выѣхавъ изъ Рыбинска, мы вступили во второй *плесъ* Волги, а всю Волгу, отъ Твери до Астрахани, дѣлятъ на четыре главныхъ плеса или судоходныхъ участка: 1) отъ Твери до Рыбинска, 2) отъ Рыбинска до Нижняго Новгорода, 3) отъ Нижняго до Казани или даже до устья Камы и 4) отъ устья Камы до Астрахани. За Рыбинскомъ берега Волги холмисты и красивы и вездѣ очень оживлены. Вотъ мы подъѣзжаемъ къ старинному городу Романову-Борисоглѣбску, красиво раскинувшемуся по обѣ стороны Волги: на правомъ берегу Борисоглѣбскъ, а на лѣвомъ—Романовъ. Города старинные, со множествомъ старинныхъ красивыхъ церквей. Жители Борисоглѣбска занимаются выдѣлкою овчинъ и полушубковъ. У его пристани мы оставались всего нѣсколько минутъ, спустили нѣсколькихъ пассажировъ, приняли новыхъ и полетѣли далѣе.

По дорогѣ отъ Романова къ Ярославлю, я видѣлъ очень печальную картину: громадное судно,—расшива, что-ли, право не помню,—нагруженное солью и доплывшее сюда благополучно, можетъ быть, изъ Камы, сѣло на мель и отъ собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокругъ него, перекладывая грузъ на двѣ барки. Говорятъ, что бѣда случилась отъ неосторожности лоцмана; но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ярославля, мы проѣхали мимо Толгскаго монастыря, стоящаго на лѣвомъ берегу Волги. Мнѣ сказали, что противъ этого монастыря скончался на баркѣ

знаменитый патріархъ Никонъ, бывшій другъ царя Алексѣя Михайловича, возвращаясь при Өеодорѣ Алексѣевичѣ изъ тяжелой ссылки.—Въ монастырскомъ саду много кедровъ, на которыхъ, говорятъ, вызрѣваютъ шишки съ орѣхами. Далѣе къ сѣверу, въ лѣсахъ Вологодской губерніи, сибирскій кедръ растетъ уже дико и во множествѣ.

Наконецъ, мы у Ярославля. Какой это хорошенькій, чистенькій городокъ, когда смотришь на него съ Волги! Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ, словно высокій крѣпостной валъ. Шесть лощинъ прорѣзываютъ берегъ. По этимъ лощинамъ, выложеннымъ камнемъ, очень удобно подыматься въ городъ; черезъ нихъ по набережной перекинуты красивые мостики. Съ Волги изъ-за деревьевъ бульвара, идущаго по набережной, видна только передняя часть города съ высокими строеніями, надъ которыми царятъ высокія колокольни многочисленныхъ церквей, по большей части очень старинныхъ. На крутомъ мысу, который образуется при впаденіи рѣки Которосли въ Волгу, бѣлѣетъ въ зелени деревьевъ красивое зданіе Демидовскаго лицея. На лѣвомъ, луговомъ берегу Волги видна еще значительная часть Ярославля; говорятъ, что во время разлива по улицамъ этой части можно плавать на лодкахъ. Пароходъ нашъ оставался у ярославской пристани болѣе часа, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ городѣ, столь заманчивомъ издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицахъ, ни на хорошенькомъ бульварѣ почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади; которую окружаютъ лицей и присутственныя мѣста, стоитъ старинный соборъ и памятникъ основателю лицея, Демидову.

Существованіе въ городѣ высшаго училища или лицея дѣлаетъ Ярославль умственнымъ центромъ всего края, а Волга и желѣзная дорога изъ Москвы черезъ Вологду къ Архангельску и Бѣлому морю, да нѣсколько десятковъ фабрикъ въ городѣ, дѣлаютъ его торговымъ центромъ верхняго Поволжья; въ уѣздѣ-же Ярославскомъ приготовляютъ лучшія русскія полотна, такъ называемыя ярославскія; особенно этимъ извѣстно село Великое.

Есть преданіе, что городъ Ярославль основанъ великимъ княземъ Кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, который будто бы на этомъ мѣстѣ, гдѣ былъ тогда глухой лѣсъ, убилъ огромнаго медвѣдя. Такъ это или нѣтъ—провѣрить трудно; но медвѣдь попалъ въ гербъ Ярославской губерніи.

Первый большой городъ, который намъ встрѣтился послѣ Ярославля—былъ Кострома. Онъ вытянулся вдоль лѣваго, довольно высокаго, берега Волги версты на три. Многочисленныя бѣлыя церкви разбросаны среди зелени въ живописномъ безпорядкѣ; на лѣвомъ концѣ города, при впаденіи въ Волгу Костромы, бѣлѣетъ Ипатьевскій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкими стѣнами съ бойницами, и за этими стѣнами укрывался Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ со своею матерью, когда, предувѣдомленный Сусанинымъ объ отыскивавшей его шайкѣ злодѣевъ, ушелъ изъ своего помѣстья, Домнина. Здѣсь же принялъ онъ 14-го марта 1613 года русскій престолъ, предложенный ему торжественнымъ посольствомъ изъ Москвы, по избранію всей Россіи. Ипатьевскій монастырь строенъ предками царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, и здѣсь похороненъ его дѣдъ, а также отецъ и мать; могила-же самого царя Бориса въ Троицкой лаврѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ Ипатьевскомъ-же соборѣ похороненъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, и крестьянинъ-герой, Иванъ Сусанинъ. Въ Костромѣ есть и памятникъ Сусанину, поставленный по повелѣнію Императора Николая I послѣ посѣщенія имъ Костромы. Въ Угличѣ я былъ на той самой площади, гдѣ началась кровавая драма междуцарствія, гдѣ погибъ послѣдній потомокъ царствовавшаго Рюрикова дома. Здѣсь передо мною—тотъ самый монастырь, гдѣ избранъ на царство родоначальникъ новой династіи Романовыхъ; далѣе ждетъ меня городъ, на площади котораго простой человѣкъ, Мининъ, положилъ начало спасенія Россіи въ тяжелые годы междуцарствія.

Въ настоящее время Кострома не отличается торговымъ оживленіемъ; желѣзная дорога связываетъ только южную часть губерніи съ Москвою, а въ сѣверныя, глухія, но богатыя лѣсомъ, части

Костромского края она не заходитъ. Гораздо больше, чѣмъ торговля, развилась промышленность края. Въ городѣ есть нѣсколько бумагопрядильныхъ и льнопрядильныхъ фабрикъ; но особенно много такихъ фабрикъ около Кинешмы, Нерехты и села Вичуга; по имени послѣдняго вся мѣстность эта, богатая льняными и бумажными фабриками, называется „вичугскимъ райономъ". Больше всего дѣлаютъ на фабрикахъ столовое бѣлье или салфеточный товаръ. На станціяхъ Плесъ и Вичуга множество бабъ окружили насъ съ предложеніемъ купить у нихъ скатертей, салфетокъ, полотенецъ, платковъ—частью фабричнаго, частью домашняго или кустарнаго производства *).

На пристани у села Краснаго, которое лежитъ на берегу Волги на 40 верстъ ниже Костромы, пассажиры нашего парохода накупили себѣ въ большомъ количествѣ разныхъ блестящихъ галантерейныхъ и ювелирныхъ издѣлій: колецъ, браслетъ, серегъ, брошекъ, перстней съ камнями изъ разноцвѣтнаго стекла и хрусталя цѣною отъ 1—2 коп. пара, если вещи сдѣланы изъ бронзы или латуни, а если изъ серебра и золота, то дороже: отъ 25 коп. до 1—2 рублей за вещь. Ювелирами такихъ издѣлій являются крестьяне села Краснаго, въ числѣ до трехъ тысячъ, въ избахъ которыхъ, вмѣсто фабрикъ и мастерскихъ, изготовляются всѣ эти вещи. Это одинъ изъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Издѣлія эти однако расходятся по всей Россіи, идутъ въ Азію и даже заграницу.

Ниже Костромы Волга становится все шире, а когда сольется съ Унжей, то разливается на цѣлую версту. Берега ея здѣсь особенно оживлены. При впаденіи Унжи, на берегу Волги стоитъ городъ Юрьевецъ. Жители его сплавляютъ по Унжѣ въ Волгу огромное количество лѣса и занимаются постройкой судовъ. На берегу виденъ

*) Недалеко отъ Кинешмы есть еще одна фабрика, или скорѣе мельница, которая приготовляетъ муку, но только не изъ хлѣба, какъ ты ожидалъ бы, а изъ камня, который добывается тамъ же по берегамъ Волги и называется *фосфоритомъ*. Его сперва обжигаютъ, очищаютъ, потомъ перемалываютъ въ муку и продаютъ сельскимъ хозяевамъ для удобренія полей.

цѣлый рядъ судовъ, частью уже готовыхъ, а частью только строющихся; это будущія *унжанки,* которыя отсюда вмѣстѣ съ плотами лѣса и разными лѣсными издѣліями сплавляются внизъ по Волгѣ, а съ низовьевъ Волги возвращаются съ новымъ грузомъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Нижняго, мы проѣхали мимо села Городца, бывшаго когда-то столицей удѣльнаго княжества. Надъ Городцомъ господствуетъ высокій холмъ въ видѣ четырехугольника; это бывшая крѣпость Городца, защищавшая его нѣкогда отъ черемисъ и казанскихъ татаръ. На этомъ холмѣ, по преданію, ночью будто бы горятъ огоньки на забытыхъ могилахъ князей городецкихъ. Про другую Городецкую гору, Кирилову, одинъ изъ пассажировъ разсказалъ намъ довольно поэтическое преданіе.

— Если, говорилъ онъ, мимо Кириловой горы раннимъ утромъ проходитъ судно, на которомъ всѣ люди благочестивы, то Кирилова гора раскрывается, изъ нея выходятъ старые монахи, кланяются и просятъ свезти поклонъ братьямъ ихъ, жигулевскимъ старцамъ (Жигули или Жигулевскія горы, расположенныя на правомъ берегу Волги, въ Симбирской губерніи). Подъѣзжая къ Жигулямъ, стоитъ только крикнуть: „жигулевская братія! шлютъ вамъ поклонъ старцы Кириловой горы“,—тогда разступаются Жигулевскія горы, изъ нихъ выходятъ старые монахи и кланяются до земли.

Отъ Юрьевца-Поволжскаго Волга поворачивается почти прямо на югъ, и далѣе, съ каждымъ часомъ ѣзды, воздухъ замѣтно становится теплѣе и теплѣе, холмистые берега зеленѣе, цвѣтистѣе; лѣса и рощи полнѣе, гуще и разнообразнѣе; хвойныхъ деревьевъ видно менѣе, дубъ и липа встрѣчаются чаще и растутъ роскошнѣе. Правый, гористый берегъ Волги здѣсь иногда чрезвычайно живописенъ.

Но я не сказалъ тебѣ еще ничего о моей жизни на пароходѣ, а она стоитъ того, чтобы описать ее подробнѣе. Пассажиры на нашей палубѣ мѣнялись безпрестанно, и, не сходя съ парохода, можно было-бы изучать образцы почти всѣхъ русскихъ племенъ и народностей, встрѣтить представителей всѣхъ губерній и всѣхъ

возможныхъ промысловъ. Изъ Твери почти до самаго Нижняго, но болѣе до Костромы и Ярославля, ѣхало съ нами множество молодыхъ людей и даже мальчиковъ изъ петербургскихъ и московскихъ лавокъ, трактировъ, гостинницъ, кузницъ, слесарень, булочныхъ, пивоварень и т. д. Этотъ молодой народъ, просидѣвъ два, три года въ какой-нибудь лавкѣ, гостинницѣ или мастерской, ѣхалъ теперь домой *на побывку*, т. е. погостить два, три лѣтніе мѣсяца у родныхъ. Пріятно было видѣть, какъ счастливы и веселы были эти маленькіе половые, кузнецы, слесаря; съ какимъ нетерпѣніемъ дожидали они той пристани, гдѣ могли выйти на берегъ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ родимое село, отстоящее иногда за десятки верстъ отъ берега. Съ узелкомъ за плечами, въ которомъ непремѣнно скрываются гостинцы отцу, матери, сестрѣ или маленькому брату, весело сбѣгаетъ молодой работникъ на пристань и бодро идетъ по знакомой ему дорогѣ. Случалось иногда и такъ, что старикъ-отецъ или старушка-мать встрѣчали тутъ-же на пристани своего ненагляднаго Ванюшу, котораго не видали 5 или 6 лѣтъ. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить еще разъ, что костромичи и въ особенности ярославцы цѣлыми толпами уходятъ на заработки въ Петербургъ и Москву, потому что почва этихъ губерній представляетъ мало удобствъ для земледѣлія, но еще больше потому, что бойкому, смѣтливому ярославцу не сидится на мѣстѣ.

Письмо 4-е.

Нижній-Новгородъ.

Отправившись отъ Балахны, мы проѣхали мимо большихъ заводовъ „Сормово", приготовляющихъ паровозы, вагоны, платформы, разныя желѣзнодорожныя издѣлія и пароходы на нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ, и скоро увидали издали Нижній. Это было рано утромъ Какой-то прозрачный паръ стоялъ надъ Волгою, и сквозь него заблестѣли главы множество старинныхъ церквей и верхушки крѣпостныхъ башенъ. Скоро показался и весь городъ, стоящій на довольно высокой и крутой горѣ, у подошвы которой

сливаются двѣ большія рѣки—Волга и Ока; послѣдняя показалась мнѣ здѣсь немногимъ уже Волги. Цѣлый лѣсъ мачтъ, дымящіяся трубы пароходовъ, множество пристаней, толпы народа, суетившагося по берегу—все это придавало чрезвычайно оживленный видъ Нижнему.

По отлогому, мощеному съѣзду ввезъ меня извозчикъ на высокую гору, на которой расположенъ Верхній Базаръ и Кремль. Улицы въ Нижнемъ мнѣ показались такими-же пустыми, какъ и въ Ярославлѣ. Плохая, грязная, но дорогая гостинница дала мнѣ на время пріютъ. Половой, впрочемъ, утѣшалъ меня, говоря, что въ разгаръ ярмарки я за ту-же самую комнату заплатилъ-бы въ пять разъ дороже.

Переодѣвшись, поспѣшилъ я прежде всего въ Нижегородскій *Кремль*. Его древняя стѣна и многочисленныя красивыя башни манили меня еще издали. Съ почтеніемъ взглянулъ я на старинный Спасо-Преображенскій соборъ, существующій уже болѣе 600 лѣтъ. Сколько великихъ историческихъ событій видѣлъ этотъ соборъ на своемъ вѣку! Въ склепѣ подъ соборомъ, посреди гробницъ князей и епископовъ, стоитъ и гробница простого человѣка, нижегородскаго мясника, Козьмы Захарьевича Минина-Сухорукаго. Надъ каменною лѣстницей, ведущей изъ собора въ нижнюю церковь, возвышается красивая рѣзная часовня въ русскомъ стилѣ. Внутри ея, въ стѣнѣ, надъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ Мининъ, поставлены три чугунныя доски съ надписями, древніе образа и знамена. Посѣтивъ здѣшнюю соборную усыпальницу, Петръ Великій поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: „здѣсь лежитъ избавитель Россіи“. Другіе императоры и императрицы наши, бывавшіе въ Нижнемъ, не забывали также гробницы нижегородскаго мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событіе, положившее начало побѣдоносному выходу Россіи изъ тяжкой годины междуцарствія,—когда толпы поляковъ и шайки разбойниковъ расхаживали по ней изъ конца въ конецъ, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали въ развалинахъ, оставленные жителями; когда самое сердце Россіи,

Москва, была въ рукахъ наглыхъ пришельцевъ; когда, наконецъ, русскій народъ еще существовалъ, но русскаго государства уже не было. Въ это безотрадное время великая и необычайно смѣлая мысль зародилась въ умѣ простого нижегородскаго ремесленника. Онъ задумалъ спасти Россію ея собственными силами, любовью русскаго народа, не призывая на помощь никакихъ иноземцевъ. Нижегородцы знали Минина за честнаго, простодушнаго, умнаго человѣка; но подозрѣвалъ-ли кто-нибудь, что въ этомъ простомъ человѣкѣ скрывается герой, имя котораго переживетъ вѣка? Когда Мининъ началъ говорить о необходимости спасти отечество, то въ его словахъ было столько силы, столько любви къ родной странѣ, что они подѣйствовали на слушавшихъ тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали то-же, о чемъ Мининъ сталъ говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дѣло спасенія отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. Въ память этого величайшаго событія русской исторіи стоитъ теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятникъ; но такія событія не нуждаются въ великолѣпныхъ памятникахъ: никто ихъ и безъ памятниковъ не забудетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, памятникъ, взглянувъ на дворецъ, въ которомъ живетъ губернаторъ, и на пустынную площадь, окруженную какими-то казармами, оказавшимися Аракчеевскимъ кадетскимъ корпусомъ, я отправился на кремлевскую стѣну, обращенную въ прекрасный бульваръ; дойдя по ней до такъ называемаго „откоса“, я остановился, пораженный необыкновенно обширнымъ и красивымъ видомъ. Внизу, подъ горою, на которой стоитъ Кремль, расположенъ Нижній Базаръ, показавшійся мнѣ гораздо оживленнѣе Верхняго. Устья Оки почти не видно за множествомъ судовъ. На другомъ, плоскомъ берегу ея, въ Заокской или Макарьевской части, называемой также Кунавино, расположены ярмарочныя зданія, между которыми шевелилось множество народа. Нижегородская ярмарка уже начиналась. Какой очаровательный видъ открывается вдаль, внизъ и вверхъ по Волгѣ и на ея луговую сто-

рону, которой кажется и конца нѣтъ! Какое обиліе воды! какія синія волны! какой прозрачный воздухъ и какъ его много! Большая барка посрединѣ Волги кажется отсюда маленькою лодкою, а лодка, поднявшая свой бѣлый парусъ,—бѣлокрылою чайкою, которая, сверкая на солнцѣ своими крыльями, купается въ синей волнѣ. Въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ такую даль, такое обиліе воды и зеленыхъ луговъ, и потому неудивительно, что, усѣвшись между крѣпостными зубцами, я не могъ оторвать взора отъ очаровательной картины. Не знаю, долго-ли бы я просидѣлъ такъ, еслибы чья-то мощная рука не налегла мнѣ на плечо. Я оглянулся: это былъ мой знакомый старикъ, петербургскій купецъ.

— Ну, что скажете вы теперь о матушкѣ-Волгѣ? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Удивительно! превосходно! Чудная рѣка! отвѣчалъ я ему. Я сижу здѣсь уже цѣлый часъ и не могу рѣшиться уйти.

— Это понятно: вы въ первый разъ видите Волгу въ Нижнемъ. Я выросъ и состарился на Волгѣ, я проѣхалъ ее съ верху до низу и съ низу въ верхъ безсчетное число разъ; мало этого—что грѣха таить? быль молодцу не укоръ!—истопталъ своими ногами всѣ берега Волги:—а между тѣмъ, всякій разъ, какъ бываю въ Нижнемъ и взойду вотъ сюда на стѣну, то смотрю, смотрю—и не могу насмотрѣться, не могу отвести глазъ! А въ разливъ, когда затопитъ водою вотъ всю ту луговую сторону Волги,—это просто море. Взгляните теперь на ярмарочную площадь; тутъ, батюшка мой, всякаго народу и всякаго товару, что только душа пожелаетъ. Не говоря уже о нашихъ русскихъ, которые съѣзжаются на Макарьевскую ярмарку изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ губерній,—чего только и кого здѣсь не бываетъ! И нѣмцы-то изъ-за границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персіяне, башкирцы, киркизы, калмыки. И всякій-то свой товаръ везетъ на Макарьевскую, и всякій съ другимъ товаромъ уѣзжаетъ. Какіе тутъ милліоны ворочаются! Иной разъ товару милліоновъ на 150—180 навезутъ, и милліоновъ на 100—120 продадутъ.

Кромѣ того, на Макарьевской же многіе торговцы сводятъ свои годовые милліонные счеты: долги платятъ, долги получаютъ товаромъ-ли, деньгами-ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевскою?

— Потому что въ 1817 году это ярмарка переведена въ Нижній изъ Макарьева. Однако-же, прибавилъ старикъ, взглянувъ на часы,—отъ хорошаго вида сытъ не будешь. Вы гдѣ остановились?

Я назвалъ гостинницу.

— Ба! такъ мы съ вами сосѣди. Пойдемте-же ко мнѣ завтракать, а за завтракомъ, коли есть охота слушать, еще поболтаемъ о Волгѣ.

Въ гостинницѣ, въ ожиданіи завтрака, купецъ показалъ мнѣ отличную карту Волги, на которой онъ своей рукой сдѣлалъ множество замѣтокъ: крестиковъ, точекъ, черточекъ.

— Вотъ она, матушка, какъ растянулась, говорилъ старикъ, водя пальцемъ по картѣ: почитай, что всю Россію обогнула; начинается тамъ, гдѣ растутъ только елки и сосны, и кончается тамъ, гдѣ можно найти виноградъ и шелковичное дерево; треть Европейской Россіи занимаетъ она своими притоками, связываетъ три далекія моря; а сколько городовъ, губерній, сколько народу живетъ и кормится Волгой! Что была-бы Россія безъ Волги? такая же дикая степь, какъ та, по которой бродятъ теперь киргизы. Да, мой родимый, Волга—величайшій даръ Божій Русской землѣ.

— Вы, кажется, замѣтилъ я,—отлично знаете эту рѣку.

— Да, не дурно, а благодаря ей, и всю Россію: я, батюшка, ногами вытопталъ себѣ русскую географію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! моя судьба—преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургскимъ купцомъ, конечно, не подозрѣваете, что я въ молодости былъ бурлакомъ, таскалъ лямку по берегамъ Волги и Оки, а потомъ присталъ къ Владимірскимъ офенямъ и, съ коробомъ за плечами, разносилъ бездѣлушки по святой Руси; потомъ ѣздилъ на своей собственной тройкѣ, развозя товары, куда приходилось; потомъ занялся хлѣбной торговлей—и сталъ, какъ ви-

дите, петербургскимъ купцомъ. Теперь у меня и дома каменные, и капиталъ есть, и уваженіемъ добрыхъ людей, слава Богу, пользуюсь; а какъ вспомню свое бурлачество, то, ей-ей, всякій разъ вздохну. Сильно я состарился, семья у меня теперь большая, внуки уже торгуютъ, а не могу отвыкнуть отъ бродячей жизни. Зимою еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое что, больше-же всего о Волгѣ; но какъ только наступитъ весна, какъ только я завижу на Невѣ первую лодку, заслышу первый свистокъ парохода, такъ меня и подмываетъ на родимую мою Волгу: на ней я счастливъ, веселъ, молодъ попрежнему, и только тогда грустно станетъ, какъ подумаю, что вижу ее, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Пора однако мнѣ кончить къ тебѣ письмо, а то, пожалуй, его и въ пакетъ не упрячешь. Прощай, будь здоровъ.

Письмо 5-е.

Отъ Нижняго до Казани.

Въ послѣднемъ письмѣ я передалъ тебѣ лишь первое впечатлѣніе отъ осмотра Нижняго, а теперь могу познакомить тебя съ его знаменитой ярмаркой, которую я съ большимъ интересомъ осматривалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Да и трудно было-бы осмотрѣть ее быстрѣе. Такого количества и такого разнообразія товаровъ, какъ на этой ярмаркѣ, пожалуй нигдѣ не найдешь, ни въ Россіи, ни заграницей.

На пути въ Нижній мнѣ приходилось слышать, что Нижегородская ярмарка, какъ и другія, сильно падаетъ по мѣрѣ развитія желѣзнодорожной сѣти и расширенія и ускоренія почтовыхъ сообщеній. Тѣмъ не менѣе, значеніе этой ярмарки до сихъ поръ еще очень велико, такъ какъ она единственное мѣсто, куда привозятъ огромныя массы товаровъ и гдѣ происходитъ главнымъ образомъ оптовая, а не розничная торговля. Здѣсь Европа и Азія мѣняются своими произведеніями.

Начну описывать тебѣ ярмарку въ томъ порядкѣ, какъ я съ нею знакомился.

Ярмарка заняла всю обширную мѣстность, прилегающую съ одной стороны къ Волгѣ, съ другой къ Окѣ. Это совершено особый городъ, живущій два-три мѣсяца въ году бойкой, своеобразной жизнью. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ церквей (православныхъ, армянской и магометанской), губернаторскаго дома, почтовыхъ и банковыхъ конторъ, и оканчивая всевозможными удобствами обыденной жизни.

Я началъ съ центральнаго пункта всей ярмарки, съ „Главнаго Дома“. Это—огромный пассажъ, внутри котораго идетъ по обѣ стороны рядъ магазиновъ съ зеркальными окнами, съ самыми разнообразными товарами—галантерейными, ювелирными, модными. Но гораздо интереснѣе торговые ряды: китайскіе, бухарскіе и др. Тамъ самая пестрая толпа, среди которой попадаются лица и костюмы разнообразныхъ народностей Россіи и Азіи; по виду узнаемъ представителей мѣстныхъ инородцевъ: вотъ мордва, въ ихъ пестрыхъ костюмахъ и кокошникахъ; черемисы, чуваши, затѣмъ татары, бухарцы въ пестрыхъ халатахъ; легко узнать также пріѣзжихъ кавказцевъ въ характерныхъ костюмахъ, калмыковъ и киргизовъ съ ихъ чисто монгольскими лицами, персовъ—по ихъ черным высокимъ шапкамъ, и другихъ.

Проходивши цѣлый день по ярмаркѣ, я страшно усталъ и отправился къ себѣ въ гостинницу, рѣшивши посвятить слѣдующій день знакомству съ важнѣйшими товарами ярмарки. Одними изъ таковыхъ являются хлопчатобумажныя издѣлія нашего промышленнаго района, или такъ называемая „мануфактура“; главные виды ея: московскіе и ивановскіе ситцы, платки, саратовская сарпинка—кустарнаго или ручного производства, и др. Эти товары идутъ въ Сибирь, Среднюю Азію, Кавказъ, Персію и Китай, при чемъ для каждой страны приготовляются особые рисунки и качество товара. Привозъ этихъ издѣлій на ярмарку составляетъ около трети всѣхъ товаровъ. Второе мѣсто занимаютъ привозимые съ Урала металлы и издѣлія изъ нихъ: чугунная посуда, горшки, котлы, сковороды, тульскіе самовары, церковная утварь, ружья; далѣе—серпы, косы, топоры, гвозди и т. д. Но

теперь торговлѣ металлами нанесенъ сильный ударъ соединеніемъ Урала съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россіи. Это даетъ возможность отправлять уральскіе металлы въ Россію въ теченіе круглаго года по желѣзной дорогѣ, минуя Нижній, Каму и Волгу. Третье мѣсто по привозу занимаетъ чай изъ Китая; главный складъ его, какъ и большей части азіатскихъ товаровъ—на Сибирской пристани. Въ торговлѣ различаются байховый чай — это тотъ чай, который мы пьемъ, и кирпичный чай въ плиткахъ, который покупаютъ кочевники Европейской Россіи и Азіи. Теперь привозъ чая въ Нижній значительно меньше, чѣмъ прежде, благодаря развитію доставки чая морскимъ путемъ; привозъ чая еще болѣе сократится, благодаря окончанію непрерывнаго желѣзнодорожнаго пути изъ Иркутска въ Москву.

Слѣдующее мѣсто въ торговлѣ принадлежитъ мѣховому т вару, который раздѣляется на пушной и овчинный. Пушной товаръ привозится больше всего изъ Сибири и сѣверной части Европейской Россіи; но вмѣстѣ съ этимъ привозятся мѣха кавказскіе, астраханскіе, персидскіе, тибетскіе, американскіе, а также наши мѣха лейпцигской, парижской и лондонской выдѣлки. Привозятся цѣлые милліоны шкурокъ бѣлки — сибирской и каргопольской выдѣлки,—до милліона заячьихъ шкурокъ шуйской, даниловской и арзамасской выдѣлки; много также кошачьихъ мѣховъ арзамасской выдѣлки. Эти мѣха отлично поддѣлываютъ подъ куницу, кенгуру, котикъ и др. дорогіе мѣха. Привозится много и настоящихъ мѣховъ — лисицы простой и чернобурой (отъ 100 до 1000 руб. за шкуру), куницы, соболя, горностая, камчатскаго бобра, морского котика съ Командорскихъ острововъ и др.

На милліоны рублей также привозится овчины: каракуля изъ Бухары и Хивы, мерлушки изъ Касимова и Персіи, простой русской овчины и издѣлій изъ нея—романовскихъ, вятскихъ и калмыцкихъ полушубковъ.

За мѣхами слѣдуютъ кожи. Онѣ привозятся главнымъ образомъ изъ Азіи сырыя, а также выдѣланныя кочевниками, которые, запродавъ свой товаръ, закупаютъ на ярмаркѣ необходимыя для нихъ мануфактурныя, металлическія и другія издѣлія.

Есть на Нижегородской ярмаркѣ и такой уголокъ, въ которомъ легко можно вообразить себя гдѣ нибудь въ тропической странѣ Индіи, Африки или въ пустыняхъ Аравіи; тутъ груды такихъ товаровъ, какъ индиго (кубовая краска), сандалъ (красная краска), охра, гумми, камфора, имбирь, корица, камедь, ладанъ, губки, пробки и проч. и проч.

Но за то такъ называемый щепной товаръ Бурнаковской пристани возвращаетъ насъ на родину—къ промысламъ кустарей Нижегородской губерніи. До 80 мил. однѣхъ деревянныхъ ложекъ расходятся отсюда по всей Россіи; а сколько веретенъ, деревянныхъ чашекъ, блюдъ и прочей посуды выдѣлываютъ кустари изъ матерьяла, добываемаго въ ихъ лѣсахъ!

Вотъ тебѣ, другъ мой, въ главныхъ чертахъ описаніе того, что наиболѣе привлекло мое вниманіе на ярмаркѣ; слѣдовало бы упомянуть еще о громадныхъ складахъ всякаго готоваго платья, о товарахъ шерстяныхъ, льняныхъ и шелковыхъ,—послѣдніе идутъ главнымъ образомъ изъ Кавказа,—но всего не перечесть.

Осмотръ ярмарки порядкомъ утомилъ меня, и я съ удовольствіемъ возвратился на пароходъ, чтобы продолжать свое путешествіе. Отъ Нижняго, какъ я писалъ тебѣ, начинается третій плесъ Волги, и отсюда уже начинаютъ ходить большіе пароходы, построенные по образцу американскихъ. Это громадныя двухэтажныя судна, вмѣщающія сотни тысячъ пудовъ багажа и множество пассажировъ, которые имѣютъ на пароходѣ всевозможныя удобства. Выѣхали мы изъ Нижняго утромъ, и я цѣлый день не сходилъ съ палубы,—все любовался Волгой. Что за веселая и живописная мѣстность открывается за Нижнимъ! Вдоль рѣки тянется длинный рядъ слободъ и деревень, составляющихъ какъ бы предмѣстья этого города; далѣе идутъ другія живописныя села. На правомъ берегу—Работки, богатое село и хлѣбная пристань; далѣе Лысково и Исады.

Къ вечеру показался на правомъ берегу Волги, весь утопающій въ зелени, г. Васильсурскъ, находящійся при впаденіи въ Волгу рѣки Суры; съ его пристани отправляется много хлѣба.

Вечеромъ мы проплыли мимо рѣки Ветлуги, впадающей въ Волгу слѣва. Ветлужскій край зовется „лычнымъ краемъ“. Народъ тамъ живетъ лѣснымъ промысломъ и особенно драньемъ лыкъ, луба и мочалъ. Для этого раннею весною, когда дерево пускаетъ сокъ, крестьяне цѣлыми семьями отправляются въ глухіе липовые лѣса и начинаютъ подрѣзывать молодыя липки и драть съ нихъ лыко. Старыя деревья подрубаютъ и снимаютъ съ нихъ кору на лубья и мочалы. Изъ лыка потомъ плетутъ цѣлые милліоны лаптей, изъ лубья дѣлаютъ коробы, изъ мочалы—рогожи, и все это сплавляютъ на Волгу.

Утромъ мы увидѣли бывшую татарскую столицу—Казань, одинъ изъ красивѣйшихъ губернскихъ городовъ, единственный, въ которомъ есть университетъ, на всемъ Поволжьѣ. Уже издали можно различить двѣ части города—русскую, съ бѣлыми домами и колокольнями православныхъ церквей, и татарскую, съ низкими постройками и минаретами мечетей. Рѣзко выдѣляется среди города Кремль, окруженный бѣлыми стѣнами, изъ-за которыхъ выглядываетъ шпицъ знаменитой башни Сумбеки. На пристани васъ обступаютъ бѣдно одѣтые татары и настойчиво предлагаютъ вамъ купить мыла, платки, туфли и проч.

Письмо 6-е.

Отъ Казани до Астрахани.

Отъ Казани начинается четвертый, послѣдній и самый широкій плесъ Волги. Проплывши часа три, мы были удивлены слѣдующимъ явленіемъ. Волга, и безъ того широкая, приняла видъ огромнаго воднаго пространства, такъ что казалось, будто изъ рѣки мы попали въ морской заливъ. Это Волга приняла въ себя съ лѣвой стороны самый большой свой притокъ—многоводную Каму. По Камѣ ходятъ большіе пароходы и многочисленныя суда, на которыхъ сплавляются на Волгу много лѣса, а также разные металлы и издѣлія изъ нихъ, которыя мы видѣли въ Нижнемъ на ярмаркѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья Камы и въ 7 верстахъ отъ Волги находятся развалины древняго города Великаго Булгара, бывшей столицы древняго и очень промышленнаго и торговаго государства Болгарскаго, съ которымъ, какъ мы знаемъ изъ лѣтописи Нестора, воевалъ Владиміръ Святой. Это царство, одновременно съ Русью, было разорено и подчинилось Золотой Ордѣ. Развалины Булгара окружены остатками вала и рвомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются остатки минаретовъ и башенъ.

Еще нѣсколько селъ, одинъ городокъ—Тетюши, и на крутомъ правомъ берегу Волги показались храмы, бѣлые каменные дома, какая-то изящная башня. Все это на высотѣ воздушной. Точно надъ горою виситъ. Снизу, кажется, и добраться трудно. Это Симбирскъ. Кромѣ красиваго вида, въ Симбирскѣ мало интереснаго, а потому путешественники рѣдко заглядываютъ въ него.

За Симбирскомъ Волга замѣтно ширится. Горы выше и лѣсистѣе. Села уже не на юру, а въ лощинахъ прячутся—поближе къ водѣ. Между деревнями громадныя разстоянія. Десятки верстъ бѣжитъ пароходъ вдоль крутого берега, не встрѣчая никакого жилья. На лѣвой сторонѣ степи тянутся безъ конца, безъ края.

До Жигулей еще далеко, но они уже чувствуются. Вотъ пошли направо мѣловыя горы, сверкаютъ на солнцѣ яркою бѣлизною скалъ, только сверху чуть прикрытыя зеленью. За городомъ Сенгилеемъ скоро показались и Жигули. Плывя сверху, прежде всего видишь на правомъ берегу два отдѣльно стоящіе холма или утеса. Затѣмъ горы идутъ сплошною массою, прерываемыя мѣстами глубокими долинами или буераками. Не доходя Ставрополя, противъ села Усолья, возвышается одна изъ самыхъ высокихъ жигулевскихъ вершинъ—Караульный бугоръ, съ высоты котораго, какъ говорятъ, виденъ Симбирскъ и окрестности верстъ на сотню кругомъ. По берегу Волги Жигули тянутся на растояніи 90 верстъ, немного не доходя до Самары. Встрѣтивъ известковую массу Жигулей, Волга должна была на сотню верстъ отклониться отъ своего теченія къ востоку и образовать изгибъ, или луку, называемую Самарской. Жигули на всемъ своемъ протяженіи пред-

ставляютъ столько красоты и причудливаго разнообразія, что невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе путника. Въ особенности ночью, при свѣтѣ луны, плаваніе по Волгѣ переноситъ васъ въ какую-то сказочную страну.

Жигули—это сказочное царство. Съ этими горами связано много народныхъ преданій о богатыряхъ, возникшихъ еще въ глубокой древности. Позднѣе богатырей этихъ преданій смѣнили разбойники. Въ густыхъ лѣсахъ и глубокихъ ущельяхъ Жигулей скрывались бродяги, бѣглецы и просто поволжская удалая молодежь изъ бѣглыхъ крестьянъ, которой хотѣлось освободиться отъ крѣпостного ига, пожить на просторѣ и попользоваться легкой добычей. Еще недавно мимо Жигулей съ опаскою пробирались купеческія барки. Только развитіе пароходства убило остатки „понизовой вольницы".

Мы, наконецъ, оставили за собою прелестную картину Жигулей; вдалекѣ уже блеснула, на гребнѣ довольно возвышеннаго лѣваго берега, Самара.

Въ Самарѣ, какъ и въ Симбирскѣ, мало историческихъ достопримѣчательностей, но значеніе Самары, какъ большой хлѣбной пристани, отпускающей въ Россію и заграницу много милліоновъ пудовъ хлѣба, очень велико, а желѣзная дорога изъ Москвы на Оренбургъ, а особенно черезъ Челябинскъ въ Сибирь и Китай сдѣлаютъ изъ Самары одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ городовъ Россіи. Уже и теперь Самара отпускаетъ по Волгѣ и желѣзной дорогѣ больше десятка милліоновъ пудовъ одной пшеницы-бѣлотурки, сотни тысячъ пудовъ табаку, разводимаго нѣмецкими колонистами; огромное количество сала, шерсти и проч. Въ Самарѣ и въ самарскихъ степяхъ много кумысолѣчебныхъ заведеній.

За Самарой Волга доканчиваетъ такъ называемую самарскую луку—въ высшей степени благодѣтельную для всего окрестнаго раіона, такъ какъ она приближаетъ къ рѣкѣ маловодныя степи, а самое Поволжье приближается къ Оренбургу, Уралу и Средней Азіи верстъ на 100.

Городъ Сызрань тѣсно связанъ съ Самарой Волгой и желѣз-

ной дорогой, идущей въ Сибирь. Когда мы подъѣзжали къ Сызрани, то всѣ пассажиры столпились на палубѣ парохода, чтобы полюбоваться длиннѣйшимъ во всей Россіи, да и не въ одной Россіи, желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Волгу, въ 696 саженъ.

Главный предметъ вывоза изъ Сызрани—хлѣбъ и особенно лучшаго качества пшено, извѣстное подъ названіемъ сызранскаго.

Горы, окружающія Сызрань, содержатъ громадное количество асфальтоваго известняка, который перерабатывается на Сызранскомъ асфальтовомъ заводѣ въ асфальтъ, и расходится по всей Россіи и даже заграницу для устройства мостовыхъ, выдѣлки особой асфальтовой бумаги для крышъ и т. п.

За Сызранью идутъ большіе раскольничьи центры: Хвалынскъ, за нимъ село Балаково и Вольскъ. Теперь это все большія хлѣбныя пристани; населеніе, состоящее почти исключительно изъ раскольниковъ, пользуется благосостояніемъ, а раньше эти раскольники бѣжали сюда отъ преслѣдованій за привязанность къ старой вѣрѣ или „древнему русскому благочестію“.

Проѣхавъ нѣмецкія колоніи, основанныя здѣсь при Екатеринѣ II-ой, мы скоро увидѣли на правомъ берегу Волги Саратовъ, одинъ изъ многолюднѣйшихъ (болѣе 100 т. жителей) и торговыхъ городовъ нижняго Поволжья. Недавно существуетъ Саратовъ, всего 300 съ небольшимъ лѣтъ, а много пришлось ему видѣть и испытать. Грабили его сперва кочевники, а потомъ и свои русскіе—отряды Стеньки Разина и Пугачева.

Въ настоящее время Саратовъ является большимъ, красивымъ городомъ съ громадною торговлею. Главный предметъ ея—хлѣбъ во всѣхъ его видахъ. Многоэтажныя мукомольныя мельницы завладѣли всѣмъ берегомъ вблизи пристаней. Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовъ является главнымъ складомъ произведеній нѣмецкихъ колоній. Огромная мель на Волгѣ, образовавшаяся у самаго Саратова, сильно однако затрудняетъ доступъ пароходовъ къ городу.

Продолжая путь отъ Саратова къ Царицыну, мы проѣзжаемъ довольно бойкій и торговый городъ Камышинъ съ пристанью; городъ славится своими арбузами.

Еще одна большая слобода Дубовка съ мукомольными мельницами, и мы пристали къ Царицыну. Это совсѣмъ новый городъ. Проведенные къ нему не такъ давно желѣзнодорожные пути и развившееся судоходство по Каспiйскому морю сразу сдѣлали Царицынъ узловой станцiей, къ которой потянулись самые разнообразные грузы товаровъ: лѣсъ съ верхней Волги, нефть изъ Баку, соль изъ Баскунчака, рыба изъ Астрахани, вина и также нефть съ сѣвернаго Кавказа (Кизляръ, Грозный) и т. д.

На берегу Волги, нѣсколько вдали отъ города, устроены цистерны, куда сливаютъ сотни тысячъ пудовъ керосина съ прiѣзжающихъ по Волгѣ шкунъ, а затѣмъ изъ цистернъ наливаютъ керосинъ въ стоящiе тутъ же вагоны. Городъ не успѣлъ даже обстроиться сообразно со своимъ важнымъ положенiемъ, и представляетъ пока большое, но грязное и некрасивое село.

Зато нѣмецкая колонiя Сарепта, къ которой мы теперь подъѣзжаемъ, вполнѣ благоустроенное мѣстечко. Нѣмцы устроились здѣсь недурно, ихъ дома тонутъ въ зелени тополей, вездѣ видно много фруктовыхъ садовъ и виноградниковъ. На пристани можно найти почти все, чѣмъ промышляютъ колонисты: пресловутую сарептскую горчицу, пряники, сарпинку и сарептскiй бальзамъ.

Отъ Царицына и Сарепты берега Волги значительно измѣняются. Горы сглаживаются, скоро и совсѣмъ пропадаютъ. И не вѣрится, что это Волга... Гдѣ ея крутые яры, гдѣ ея лѣсистыя горы, бѣлыя скалы, села? Все гладко, пустынно. Всюду длинными языками, да песчаными островами лежатъ желтыя мели. Только и слышится на пароходѣ: „Стой!.. тихiй ходъ... заднiй ходъ“... и медленно идутъ здѣсь пароходы, постоянно мѣряя капризное и опасное дно Волги.

Начиная съ Сарепты, на пристаняхъ Волги: Черный Яръ, Енотаевскъ, а часто и съ береговъ, гдѣ расположились рыболовныя ватаги, на пароходъ нѣтъ-нѣтъ да и потянетъ запахомъ рыбы. Этотъ рыбный запахъ не оставляетъ насъ до самой Астрахани. Мы попали въ рыбную страну. Какъ въ верхнемъ Поволжьѣ— до Нижняго, народъ живетъ преимущественно кустарными промы-

слами и ярмаркой, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ—хлѣбопашествомъ, такъ въ самомъ низовьѣ, гдѣ ни хлѣбопашества, ни кустарныхъ промысловъ почти нѣтъ, приволжское населеніе кормится рыбнымъ промысломъ.

Рыба, тотчасъ послѣ улова, должна просаливаться, для чего требуется громадное количество соли. И вотъ природа какъ-бы нарочно позаботилась объ удобствахъ рыбопромышленниковъ, наградивъ этотъ край неистощимымъ запасомъ прекрасной, чистой, бѣлой, какъ снѣгъ, соли. Весь Астраханскій край покрытъ солеными озерами и болотами, число которыхъ, вмѣстѣ съ сосѣдней Уральской областью, достигаетъ до двухъ тысячъ. Большею частью это небольшія озера и солончаки, но есть громадные источники соли, какъ озеро Элтонъ (площадью 192 кв. версты) и Баскунчакъ (112 кв. верстъ).

Элтонская соль теперь почти не разрабатывается, такъ какъ озеро лежитъ сѣвернѣе и дальше отъ Волги, чѣмъ другое озеро, Баскунчакское, которое находится въ 72 верстахъ (по желѣзной дорогѣ) отъ пристани Владиміровки. Глубина Баскунчакскаго озера и толщина пласта соли въ немъ опредѣлена только около береговъ, гдѣ идетъ разработка, въ срединѣ же она остается до сихъ поръ не опредѣленной. Вообще средняя глубина его не менѣе $1^1/_2$ сажени, что даетъ 42 милліона кубическихъ саженъ соли. Уже и это количество представляетъ неисчерпаемый источникъ!

Всѣ соляныя озера принадлежатъ казнѣ и сдаются промышленникамъ въ краткосрочную аренду, за попудную плату отъ 1 копейки и немного болѣе. Добываніе соли производится самыми простыми орудіями—ломами, лопатами и т. п.; иногда взрываютъ каменный пластъ соли динамитомъ. Добытая соль просушивается сперва на деревянныхъ платформахъ, укрѣпленныхъ на столбахъ надъ самымъ озеромъ; потомъ, спустя 2—4 недѣли, нагружается въ желѣзнодорожные вагоны или на малороссійскія фуры, запряженныя быками, и отправляется на станцію Владиміровку. Здѣсь ее складываютъ въ бугры правильной формы—для опредѣленія объема и вѣса. Соль въ буграхъ лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ,

иногда и годъ, и чѣмъ больше она лежитъ, тѣмъ становится чище и бѣлѣе. Отсюда соль уже идетъ на рыбные промыслы и въ другія мѣста. Для того, чтобы получить соль высшаго качества, ее отправляютъ на соляныя мельницы, которыя находятся въ Царицынѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ; есть даже подвижныя мельницы на баркахъ, которыя подходятъ прямо къ рыбнымъ промысламъ и тамъ перемалываютъ соль.

Теперь я познакомлю тебя и съ самыми рыбными промыслами. Прежде всего надо различать рыбу красную, къ которой относится крупная рыба, какъ напримѣръ: бѣлуга, севрюга и осетръ, и частиковую, мелкую, которую ловятъ частыми сѣтями. Къ частиковой рыбѣ относятся: лещъ, сазанъ, вобла, тарань, сельдь, щука и т. д.

Время промысловаго лова рыбы бываетъ весною и зимою. Самый богатый ловъ бываетъ весною. Въ это время рыба изъ моря идетъ въ рѣку, и ищетъ мелкихъ и спокойныхъ мѣстъ для метанія икры. Какъ только ледъ на Волгѣ вскроется, все русло ея въ низовьяхъ наполняется громадными стаями или, какъ здѣсь говорятъ, „косяками“ воблы, тарани и бѣшенки или сельди; за ними идутъ также стадами бѣлуги, осетры, сомы и другія рыбы, которыя питаются воблой и прочей мелкой рыбой.

Вмѣстѣ съ началомъ хода рыбы весною, на рыбныхъ промыслахъ или ватагахъ собираются и промышленники.

Пойманную рыбу сперва пластаютъ или раздѣлываютъ, при чемъ крупную красную рѣжутъ на куски и бросаютъ ее на нѣсколько дней въ разсолъ или тузлукъ; послѣ этого рыбу вынимаютъ, посыпаютъ солью, сортируютъ и складываютъ въ бочки. Частиковую рыбу приготовляютъ и иначе: послѣ пластовки ее засыпаютъ солью, и вѣшаютъ для сушки на солнцѣ.

Чтобы ты имѣлъ представленіе, насколько велико количество рыбы, вылавливаемой ежегодно въ низовьяхъ Волги, довольно тебѣ сказать, что общій вѣсъ приготовленной къ отпуску рыбы принято считать въ среднемъ около 18—20 милл. пудовъ въ годъ, стоимостью около 18—20 милл. рублей; а отдѣльныя породы

рыбъ ловятся десятками милліоновъ штукъ; напримѣръ воблы вылавливается ежегодно болѣе 200 мил. штукъ, тарани до 40 мил., сельди или бѣшенки до 65 мил.; красной рыбы ловится гораздо меньше,—до сотни тысячъ штукъ.

Въ заключеніе долженъ сказать тебѣ нѣсколько словъ объ Астрахани, послѣднемъ большомъ городѣ на Волгѣ.

Астрахань расположилась на лѣвомъ берегу Волги.

Чтобы легче запомнить, какой губернскій городъ на какомъ берегу Волги лежитъ, я сообщу тебѣ одну волжскую примѣту, а именно, что всѣ города женскаго рода, какъ Тверь, Кострома, Казань, Самара, Астрахань, лежатъ на лѣвомъ берегу; а города мужского рода, какъ Ярославль, Нижній, Симбирскъ и Саратовъ,—на правомъ.

Мы приблизились къ Астрахани рано утромъ; передъ нами предсталъ огромный полувосточный городъ, съ царящими надъ нимъ бѣлыми стѣнами стариннаго Кремля и пятиглавымъ соборомъ. Городъ широко раскинулся на буграхъ лѣваго берега Волги, окаймленнаго цѣлымъ лѣсомъ мачтъ стоящихъ у пристани судовъ.

Внутри еще больше, чѣмъ снаружи, Астрахань напоминаетъ восточный городъ: вездѣ встрѣчаешь восточныя лица—калмыковъ, киргизъ, персовъ, татаръ, армянъ, грековъ и др.; тотъ-же восточный характеръ носятъ базары, лавки и гостинный дворъ. Тамъ увидишь разныя матеріи востока, пестрыя шелковыя ткани, бухарскіе и персидскіе ковры, турецкія шали, розовое масло, цѣлыя груды сушеныхъ фруктовъ.

Теперь въ Астрахани среди всей этой пестрой, разноплеменной толпы преобладаетъ и русская народность, и русская рѣчь. Да и пора; вѣдь уже около 350 лѣтъ, какъ русскіе при царѣ Грозномъ отняли, завоевали Астрахань, бывшую столицу Астраханскаго татарскаго царства.

Были тутъ раньше, на мѣстѣ Астраханскаго царства, и другія государства: Золотая Орда съ своею столицею Сараемъ, и хазары съ столицей Итилемъ; но отъ нихъ осталось мало слѣдовъ: кое гдѣ,—напримѣръ, около города Царева, можно видѣть развалины

этихъ исчезнувшихъ городовъ. Видно, что всегда выгодно было жить у устьевъ такой большой рѣки, какъ Волга, гдѣ сходились товары и съ обширной страны по верховьямъ Волги, и изъ странъ, окружающихъ берега Каспія.

Много въ Астрахани слѣдовъ и русской старины: въ церковныхъ ризницахъ увидишь много вещей, оставшихся отъ Петра Великаго, посѣтившаго Астрахань; тамъ-же покажутъ и вещи жены перваго Самозванца, Марины Мнишекъ, бѣжавшей сюда съ своимъ маленькимъ сыномъ подъ защиту атамана Заруцкаго. Разскажутъ также много преданій о бунтахъ Пугачева, Булавина и Степьки Разина. Много можно услышать въ Астрахани про ея старину, много можно сказать и про нынѣшнее ея положеніе,— про ея обширную торговлю и промыслы, про ея пестрое населеніе.

Говорятъ, что Астрахань находится при устьѣ Волги, но это не совсѣмъ точно: отъ нея до ближайшей морской станціи, называемой „9 футъ", еще около 84 верстъ. Большія морскія суда не входятъ въ Волгу и останавливаются у длинной Бирючьей косы, а пассажиры и грузъ перемѣщаются на суда меньшихъ размѣровъ и направляются по безчисленнымъ рукавамъ волжской дельты до Астрахани.

Въ заключеніе моихъ писемъ о Волгѣ позволь мнѣ, мой другъ, еще разъ оглянуться на эту великую рѣку. Нѣмцы гордятся своимъ Рейномъ и воспѣваютъ его въ пѣсняхъ и стихахъ. Наши малороссы горячо любятъ свой Днѣпръ „широкій и глубокій", называютъ его „кормильцемъ" и воспѣваютъ его въ прозѣ и стихахъ (вспомни поэтическое описаніе Днѣпра у Гоголя: „чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ"....); донскіе казаки воспѣваютъ свой „тихій" Донъ, „красу полей". Но что эти рѣки въ сравненіи съ Волгой? Волга на тысячу, на двѣ тысячи верстъ длиннѣй каждой изъ названныхъ рѣкъ; она втрое или вчетверо шире ихъ; она прорѣзываетъ почти всю Россію изъ конца въ конецъ; протекаетъ девять нынѣшнихъ губерній съ тремя десятками милліоновъ жителей; а весь бассейнъ ея съ притоками захватываетъ 21 губернію съ 50 милліонами жителей. Волга поитъ, кормитъ и возитъ

это многомилліонное населеніе; своими красотами она вдохновляетъ лучшихъ сыновъ своихъ и даетъ имъ матеріалъ для ихъ поэтическихъ произведеній и художественныхъ картинъ. Оттого по справедливости и называютъ Волгу „матушкой“ и „кормилицей“.

ОТДѢЛЪ IV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ *).

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(Образцы самаго простого сравненія).

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства*: и роза, и гвоздика— растенія; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ развиваются изъ почекъ; обѣ цвѣтутъ немного и вянутъ очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между розою и гвоздикою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣта— розовая, бѣлая и желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья; у гвоздики— узкіе и длинные; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

КЛАССНАЯ И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(Образецъ сравненія).

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной тоже есть дерево.

---

*) Само собою разумѣется, что статьи, собранныя здѣсь въ одинъ отдѣлъ, не могутъ быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтеніе 2-й части «Дѣтскаго Міра». Кромѣ того, слѣдуетъ предварительно, уже при чтеніи 1-й части, упражнять дѣтей въ логическомъ мышленіи того или другого рода и потомъ уже, прочитавъ статьи логики, возвесть къ сознанію логическаго закона.

Различіе: 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ передъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной—грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другого, или въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходные или различные признаки *).

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧІЕ И СХОДСТВО.

Сынъ. Я часто слышу слова: *сходство* и *различіе*, но не совсѣмъ ихъ понимаю.—*Отецъ.* Вотъ два стула стоятъ рядомъ: какъ ты думаешь, похожи-ли они одинъ на другой?—*Сынъ.* Я думаю, что похожи. — *Отецъ.* Я думаю то же. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту: одинъ стоитъ направо, а другой налѣво. Вотъ почему мы можетъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой.—*Сынъ.* Да, они очень похожи.—*Отецъ.* Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа-ли скамейка на стулъ?—*Сынъ.* Нисколько.—*Отецъ.* Чѣмъ-же они различаются?—*Сынъ.* Стулъ обитъ кожею, а скамейка—нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у скамейки—нѣтъ. *Отецъ.* Однако-же у нихъ есть сходные признаки: поищи!—*Сынъ.* Какое-же между ними сходство? Кажется, никакого.—*Отецъ.* Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ?—*Сынъ.* Стулъ

*) По образцу этихъ сравненій слѣдуетъ сдѣлать словесно и письменно нѣсколько другихъ.

тоже изъ дерева.—*Отецъ*. У скамейки четыре ножки...—*Сынъ*. И у стула тоже.—*Отецъ*. Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть, а скамейка?—*Сынъ*. И скамейка назначена для того же.—*Отецъ*. Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка—мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны-ли онѣ между собою?—*Сынъ*. Нѣтъ, онѣ очень различны.—*Отецъ*. Однако же у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла.—*Сынъ*. Однако-же одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный.—*Отецъ*. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различаются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана, по цѣнѣ: одна гораздо дороже другой. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство и есть...—*Сынъ*. Есть различіе.—*Отецъ*. Теперь ты понимаешь, что между двумя и нѣсколькими предметами всегда есть сходство и различіе, и если мы, напримѣръ, говоримъ, что одинъ человѣкъ не похожъ на другого, то это только потому, что принимаемъ въ разсчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другого отличаются, и не думаемъ въ то-же время о тѣхъ, по которымъ они сходны. Не правда-ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ?—*Сынъ*. Конечно.—*Отецъ*. Человѣкъ, который-бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ-бы...—*Сынъ*. Не былъ-бы человѣкомъ.—*Отецъ*. Но нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было-бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того-же дерева: кажется, они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было-бы какого-нибудь различія и сходства *).

*) Слѣдуетъ сдѣлать возможно болѣе упражненій съ различіями самыхъ сходныхъ предметовъ и въ отысканіи сходства между самыми различными.

РАЗЛИЧІЕ ПРИЗНАКОВЪ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріалъ, изъ котораго предметъ сдѣланъ, и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги: между ними, вѣроятно, можно-бы найти различіе, но должно очень долго всматриваться; не знаешь-ли ты, какъ-бы различить ихъ съ перваго взгляда?— *Сынъ.* Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ.—*Отецъ.* Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а *по положенію.* Я могу переложить одинъ предметъ на мѣсто другого, и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый, то гдѣ-бы я ни положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами* или *свойствами* предмета. Положеніе предмета также можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметъ *по времени.* Такъ, мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, вчерашній урокъ, утренія занятія, вечерній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегодняшній, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли, считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличить одинъ предметъ отъ другого *по количеству:* въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковыя книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить?—*Сынъ.* Одна изъ нихъ раскрыта, а другая закрыта.—*Отецъ.* Вотъ двѣ одинаковыя монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются.—*Сынъ.* Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла.—*Отецъ.* Вотъ два стула: найди различіе между ними.—*Сынъ.* Одинъ изъ нихъ лежитъ, другой стоитъ. *Отецъ.* Здѣсь предметы различ-

чаются *по состоянію*, въ которомъ они находятся. Одинъ человѣкъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы *по дѣйствію*, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другого дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; одинъ мальчикъ былъ строго *наказанъ* отцомъ за шалости, а другой былъ награжденъ за прилежаніе. Часто также предметы различаются *по назначенію:* печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать ее; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо, и т. д. Не перечислишь-ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы? *)

СУЖДЕНІЕ.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе-либо признаки значитъ *судить, разсуждать;* а способность разсуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные, острые когти, а у лисицы пушистый хвостъ; то, значитъ, я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или разсуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ которомъ я приписываю предмету какой-нибудь признакъ; отрицательнымъ—такое, въ которомъ я утверждаю, что какого-нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непремѣнно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ, всякая фраза, если только въ ней есть какой-нибудь смыслъ, непремѣнно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*. -*Сынъ*.

*) Слѣдуетъ упражненіе въ перечисленіи признаковъ многихъ предметовъ и въ опредѣленіи каждаго признака.

Неужели? Но если я скажу что-нибудь па удачу?—*Отецъ*. Скажи, что хочешь.—*Сынъ*. Что́-бы мнѣ сказать такое? (*подумавъ*). Сегодня холодно.—*Отецъ*. Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ—холодъ.—*Сынъ*. Я хочу быть большимъ.—*Отецъ*. Опять сужденіе: ты приписываешь себѣ признакъ—желаніе быть большимъ. Придумай еще что-нибудь.—*Сынъ*. Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе: есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ *).

ТѢЛО.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяцъ есть *тѣло;* я этого не понимаю: тѣло есть у человѣка, какое-же у мѣсяца тѣло?—*Отецъ*. Книга говоритъ правду; тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое-нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то-же время того-же мѣста занимать не можетъ.—*Сынъ*. Этого я что-то не понимаю.—*Отецъ*. Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сдѣлалось съ водою?—*Сынъ*. Воды немного вылилось черезъ край.—*Отецъ*. Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того-же мѣста въ одно и то-же время камень и вода занимать не могли; слѣдовательно, и камень и вода—тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ стаканъ, вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно такъ-же, какъ и наша земля.—*Сынъ*. Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій предметъ. Всѣ предметы—тѣла, не правда-ли?—*Отецъ*. Многіе, очень многіе; но не всѣ. Видалъ-ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ-ли

---

*) Упражненіе въ образованіи положительныхъ и отрицательныхъ сужденій по даннымъ предметамъ и признакамъ, и безъ этого.

эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что-нибудь на томъ мѣстѣ, и уходитъ-ли она прочь, какъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою?—*Сынъ.* Нѣтъ, тѣнь хоть и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни.—*Отецъ.* Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму; вотъ почему фигура рамы изображалась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно, ее нельзя назвать тѣломъ; но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно, и тѣнь—предметъ.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

Отецъ. Всѣ предметы, которые занимаютъ какое-нибудь опредѣленное мѣсто, называются *тѣлами*, или предметами *вещественными.* Но, кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать вещественными.—Посмотри—я напишу на доскѣ слово *столъ;* что это, вещественный предметъ, или нѣтъ?—*Сынъ.* Столъ эсть предметъ вещественный.—*Отецъ.* Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только названіе предмета вещественнаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5—какихъ предметовъ это названія, вещественныхъ или невещественныхъ?—*Сынъ.* Это цифры.—*Отецъ.* Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будетъ два вещественныхъ предмета, а просто *два* будетъ названіе такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ ни видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла.—*Сынъ.* Я понимаю, что чиселъ самихъ по себѣ видѣть нельзя.—*Отецъ.* Не однихъ чиселъ. Ты можешь видѣть и размѣрять длину, ширину и толщину какого-нибудь предмета; но можешь-ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину саму по себѣ, безъ предмета?—*Сынъ.* Конечно, нѣтъ,—*Отецъ.* Ты слышалъ уже, что такое *земная ось;* но неужели земля вертится на своей оси, какъ колесо

на оси телѣги?—*Сынъ.* О; нѣтъ! ось земная есть линія воображаемая, умственная.—*Отецъ.* Однако-же мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней верстъ. Видалъ-ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь?—*Сынъ.* Конечно.—*Отецъ.* А видѣлъ-ли ты черный цвѣтъ?—*Сынъ.* Да.—*Отецъ.* Гдѣ-же ты это видѣлъ?—*Сынъ.* Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ. — *Отецъ.* Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣлъ-ли ты черный цвѣтъ самъ по себѣ, а не на какомъ-нибудь тѣлѣ?—*Сынъ.* Конечно, нѣтъ.—*Отецъ.* Однако-же ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно, черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видалъ добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видалъ; точно такъ-же нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не состоятъ изъ вещества и отдѣльно отъ другихъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными*, или *отвлеченными*. Но какъ ты думаешь: можно-ли видѣть или осязать нашу душу?—*Сынъ.* Нѣтъ, я уже знаю, что она безтѣлесна.—*Отецъ.* Но почему-же ты знаешь, что она существуетъ?—*Сынъ.* Потому, что она во мнѣ слышитъ, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было-бы мертво.—*Отецъ.* А какъ ты думаешь, видитъ-ли насъ въ это время Господь?—*Сынъ.* Какъ-же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе!—*Отецъ.* Но почему-же мы Его не видимъ?—*Сынъ.* Потому, что Онъ безтѣлесенъ, потому, что Онъ—духъ.—*Отецъ.* Тѣмъ не менѣе, ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, дѣйствуютъ — называютъ предметами *духовными*. Таковы: Богъ, ангелы и безсмертная душа человѣка, или духъ.—*Сынъ.* Что-же называется предметомъ вообще?—*Отецъ.* Все, о чемъ мы можемъ

только что-нибудь подумать, или чему можемъ приписать какой-нибудь признакъ *).

РОДЫ И ВИДЫ.

Отецъ. Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, мордашкамъ, пуделямъ, водолазамъ?—*Сынъ*. Все это собаки.—*Отецъ*. Хорошо; вотъ это будетъ нѣсколько *породъ* одного и того-же собачьяго *вида*. А какое общее названіе дашь ты собакѣ, волку и лисицѣ?—*Сынъ*. Это все звѣри *псоваго* семейства.—*Отецъ*. Въ зоологіи это называется семействомъ; здѣсь же, для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы мы будемъ называть *родами* и *видами*. Такимъ образомъ, ты видишь, что и собаки, и лисицы, и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того-же *рода*, псоваго. Но какое общее названіе дашь ты звѣрямъ псоваго рода, звѣрямъ кошачьяго рода и медвѣдямъ? —*Сынъ*. Все это будутъ хищные звѣри.—*Отецъ*. Да, это три *вида* одного и того же *рода*, звѣрей хищныхъ. Но, кромѣ хищныхъ звѣрей, ты знаешь еще грызуновъ, копытныхъ, рукокрылыхъ, ластоногихъ, китообразныхъ и проч. Къ какому *роду* будутъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ?—*Сынъ*. Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ.—*Отецъ*. А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того-же рода...—*Сынъ*. Животныхъ позвоночныхъ.—*Отецъ*. Какихъ животныхъ ты знаешь, кромѣ позвоночныхъ?—*Сынъ*. Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта.—*Отецъ*. Слѣдовательно, животныя позвоночныя и животныя безпозвоночныя будутъ двумя *видами* одного и того-же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ, не знаешь-ли ты еще какихъ-нибудь органическихъ тѣлъ?—*Сынъ*. Знаю—растенія.—*Отецъ*. Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того-же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какія есть еще въ природѣ тѣла,

*) Написать сужденіе: 1) о нѣсколькихъ предметахъ вообще, 2) о предметахъ духовныхъ, 3) отвлеченныхъ, 4) вещественныхъ.

кромѣ органическихъ?—*Сынъ.* Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы.—*Отецъ.* Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами* тѣлъ вообще; предметы вещественные, отвлеченные и духовные будутъ тремя *видами* одного и того-же *рода*—предмета вообще *). Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды*. Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ.*—*Сынъ.* А что такое логика?—*Отецъ.* Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе; въ зоологіи изучаютъ, какъ живетъ животное; въ логикѣ-же изучается, какъ думаетъ человѣкъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики: знаешь, напримѣръ, что во всякой нашей мысли есть предметъ и признакъ, который мы приписываемъ предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И РОДОВЫЕ.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какіе отличительные признаки лошади?—*Сынъ.* У лошади на ногахъ по одному копыту.—*Отецъ.* Но и у осла также по одному копыту.—*Сынъ.* Но у осла уши длинныя и хвостъ коровій.—*Отецъ.* Слѣдовательно, лошадь отличается отъ другихъ *видовъ* лошадинаго *рода* хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго рода?—*Сынъ.* Всѣ звѣри лошадинаго рода имѣютъ на ногахъ по одному копыту.—*Отецъ.* Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ?—*Сынъ.* По тому, что жеребенокъ питается молокомъ матери.—*Отецъ.* Слѣдовательно, лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питаетъ жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея на ногахъ по одному копыту. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того-же рода, какъ особый видъ этого рода, называются *видовыми признаками*; а тѣ признаки, по которымъ предметъ при-

*) Слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу этой статьи и по ней научить дѣтей различать роды и виды; это имѣетъ большое значеніе. Таблица чертится такъ-же, какъ и родословныя таблицы.

числяется къ извѣстному роду предметовъ, называются *признаками родовыми*. Скажи мнѣ: къ какому роду предметовъ относятся всѣ искусственные предметы? —*Сынъ*. Къ роду предметовъ вещественныхъ.—*Отецъ*. Какой-же видовой признакъ искусственнаго предмета?—*Сынъ*. Тотъ, что всякій искусственный предметъ сдѣланъ человѣкомъ.—*Отецъ*. Но какой-же родовой признакъ всякаго искусственнаго предмета, по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ вещественныхъ?—*Сынъ*. Всякій искусственный предметъ есть тѣло, состоящее изъ какого нибудь вещества, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ *).

СПОРЪ.

(Понятіе).

Коля. Саша, а Саша, видалъ-ли ты когда-нибудь птицу?—*Саша*. Вотъ нашелъ диковинку! Конечно, видалъ.—*Коля*. А я тебѣ говорю, что ты никогда птицы не видалъ.—*Саша*. Ты шутишь.—*Коля*. Нѣтъ, я не шутя говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы.—*Саша*. Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клѣткѣ на окнѣ.—*Коля*. Это канарейка, а не птица.—*Саша*. Да развѣ канарейка не птица?—*Коля*. Канарейка—птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицы вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была-бы никакою особенною птицею.—*Саша*. Ну, такой птицы, конечно, я не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби, или вороны; а птицы, которая была-бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ.—*Коля*. Но хочешь я тебѣ докажу, что ты и канарейки нигдѣ не видалъ?—*Саша*. Нѣтъ, ужъ этого ты мнѣ не докажешь.—*Коля*. Нѣтъ, докажу. Какого цвѣта наша канарейка?—*Саша*. Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватыя перья.—*Коля*. А на головѣ?—*Саша*. На головѣ у нея хохолокъ.—*Коля*. У всѣхъ-ли канарескъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія

---

*) Упражненія письменныя и словесныя: для возможно большаго числа предметовъ отыскать признаки видовые и родовые.

перья?—*Саша.* Нѣтъ, у нашего сосѣда канарейка вся желтая и безъ хохолка.—*Коля.* Слѣдовательно, канарейки бываютъ разныя, и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда-ли?—*Саша.* Конечно, нѣтъ.—*Коля.* Слѣдовательно, ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда; а канарейки вообще не видалъ...—*Саша.* Ты, кажется, смѣешься надо мною.—*Отецъ.* Нѣтъ, Саша; Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные предметы; а говоря, напр., птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомъ-нибудь опредѣленномъ *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади на ногахъ по одному копыту, сзади хвостъ, она ѣстъ траву, а потому называется животнымъ травояднымъ;—какъ ты думаешь, говорю-ли я здѣсь объ одной какой-нибудь лошади, или о лошади вообще?—*Саша.* О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву.—*Отецъ.* А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь.—*Саша.* Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили.—*Отецъ.* Вотъ видишь-ли—Коля правъ. Но слушай-же, что теперь я скажу тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи,* какъ еще называютъ ихъ, но вообще лошади, дерева, цвѣтка—нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человѣка, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество единичныхъ предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе,* потому что находимъ между ними общіе признаки, и даемъ этому *понятію* какое-нибудь названіе: городъ, село, деревня, птица, канарейка, лошадь, человѣкъ—каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить какой-нибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того-же вида или того-же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю—Волга, а не рѣка вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человѣкъ

вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которымъ собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другого, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или указываю *мѣсто* и *время*, гдѣ и когда я предметъ видѣлъ; потому что одного и того-же мѣста, въ одно и то же время, два вещественныхъ предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какому-нибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того-же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ. Въ каждомъ собственномъ имени заключается *понятіе* объ единичномъ какомъ-либо предметѣ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается *понятіе* о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между вещественными предметами, но суть созданіе нашего ума, и всякое имя, собственное или нарицательное, заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ или видовыхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно *).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется; для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуйте-же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что, кромѣ того, вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ

---

*) Упражненіе состоитъ въ перечисленіи признаковъ, составляющихъ понятія—дерево, столъ, кошка и т. п. Сначала признаки родовые, потомъ видовые.

мѣсто и имѣетъ вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ другихъ вещественныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало-ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое*, или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ-же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Вмѣсто этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *она есть жидкость*. Само собою разумѣется, что всякая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ. Такихъ организмовъ, которые были-бы совершенными жидкостями,—нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще ее не отличили отъ другихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ, или газовъ,—съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнивать ее съ другими жидкостями. Сравнивая, напримѣръ, воду со ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ-же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость*.

Но вода не единственная прозрачная жидкость; сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой-же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, помѣщается въ графинѣ, своего собственнаго цвѣта нѣтъ. Прибавимъ-же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли, и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная*.

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость про-*

зрачная, безцвѣтная, не имѣющая ни вкуса, ни запаха. Если-бы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были-бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и называется *опредѣленіемъ.* Мы *опредѣлили*, что такое вода.

Каждое понятіе, какъ и понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ понятіи предмета, значитъ опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того-же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится, и перечислить отличительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того-же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ: опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремень, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какой-нибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того *вида*, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ *).

ЯВЛЕНІЕ, ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую мнѣ дала сестра, я встрѣтилъ на первой-же страницѣ слово *явленіе*, и не понимаю, что оно значитъ.—*Отецъ.* Ты помнишь, какъ я объяснялъ тебѣ слово *признакъ?*—*Сынъ.* Помню.—*Отецъ.* Не можешь-ли ты перечислить признаковъ этой шторы?—*Сынъ.* Она зеленаго цвѣта...—*Отецъ.* Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты,

*) Словесныхъ и письменныхъ упражненій въ опредѣленіи предметовъ чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, по данному образцу.

зеленаго цвѣта; но какъ ты думаешь, всегда-ли она останется зеленою?—*Сынъ.* О нѣтъ!—она, вѣроятно, полиняетъ, какъ полиняла старая. — *Отецъ.* Слѣдовательно, ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили.—*Сынъ.* Вода жидка: ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень.—*Отецъ.* Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется-ли она жидкою?—*Сынъ.* Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски.—*Отецъ.* Видишь-ли: жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Ты, конечно, замѣтилъ, какъ въ теченіе лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева въ теченіе времени также измѣняется. А ты останешься-ли всегда однимъ и тѣмъ-же?—*Сынъ.* Нѣтъ, я выросту.—*Отецъ.* А потомъ станешь старѣться... У старика волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также ростутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ, признаки всего на свѣтѣ безпрестанно мѣняются. Даже камень, и тотъ измѣняется.—*Сынъ.* Этого я не замѣтилъ.—*Отецъ.* И трудно тебѣ было замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и разсыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который-бы не могъ перемѣниться.—*Сынъ.* Но что-же такое явленіе?—*Отецъ.* Вотъ эта-то *перемѣна признаковъ предмета и называется явленіемъ.* Дерево растетъ, становится толще, больше; человѣкъ старѣется; вода на морозѣ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало по малу сгораетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть перемѣна признаковъ предмета.—*Сынъ.* Те-

перь я знаю, что такое явленіе; но отчего происходитъ эта перемѣна признаковъ?—*Отецъ.* Эта перемѣна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Еслибы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось-бы мягкимъ; еслибы холодъ не дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась-бы въ ледъ; еслибы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то они никогда-бы не падали; еслибы воздухъ и влага, которая въ немъ находится, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился-бы въ песокъ; еслибы тотъ-же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда-бы не ржавѣло; словомъ, еслибы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было-бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непремѣнно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ?—*Сынъ.* Холодъ.—*Отецъ.* А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся?—*Сынъ.* Вѣтеръ.—*Отецъ.* А какая причина вѣтра?—*Сынъ.* Та, что воздухъ нагрѣвается солнечными лучами неодинаково въ разныхъ мѣстахъ.—*Отецъ.* Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происходитъ отъ той или другой причины, называется *слѣдствіемъ.* Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость?—*Сынъ.* Жаръ.—*Отецъ.* Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на горячую плиту?—*Сынъ.* Онъ растопится и потечетъ, какъ вода.—*Отецъ.* Теперь ты знаешь, что такое *явленіе,* что такое *причина* и что такое *слѣдствіе.* Чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать, отъ какихъ причинъ какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія?—*Сынъ.* Тряпка загорится.—*Отецъ.* Но если сначала помочить тряпку водою,—такъ-же-ли скоро она загорится?—*Сынъ.* Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть.—*Отецъ.* Но если ты обмакнешь тряпку не въ воду, а

въ спиртъ или масло,—помѣшаетъ-ли это ей загорѣться?—*Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе.—*Отецъ*. Почему-же это?—*Сынъ*. Потому, что спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ.—*Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ?—*Сынъ*. Этого я не знаю.—*Отецъ*. Слѣдовательно, ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй—узнаешь многое; но узнаешь также, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непремѣнно произойдетъ то или другое слѣдствіе *).

ЦѢЛЬ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называются *естественными* или *природными*; другія—человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевертываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевертывать ихъ, если дуетъ. Человѣкъ также перевертываетъ листы книги, но можетъ и не перевертывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое солнцемъ, *непремѣнно* проростетъ; человѣкъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человѣкъ производитъ какое-либо явленіе, то большею частію съ какою-либо *цѣлью:* рубитъ лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пашетъ землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли, но цѣль для нихъ указана

---

*) Упражненія въ отысканіи явленій, ихъ причинъ и слѣдствій;—эти упражненія очень важны.

Создателемъ; такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе; какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно покрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать; а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобы поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей: заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однако-же мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цѣли*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое-нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ-бы утолить свой голодъ; но, утоляя голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роясь подъ землею, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не заботится о корняхъ растеній; а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ *цѣль*, которую сознаютъ, и имѣютъ *назначеніе*, о которомъ ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать, съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *невольно*, а человѣкъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обрабатываетъ землю съ тою цѣлію, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человѣкъ старается выбрать для себя такую

дѣятельность, которая была-бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ. Земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ своимъ *ближнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе злые, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ: кормятся и богатѣютъ,—не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдняки*, которые и рады-бы потрудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безсильныя дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать, калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ *).

ЗАКОНЪ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день? —*Сынъ.* Урокъ изъ Закона Божія.—*Отецъ.* А знаешь-ли ты, что такое Законъ Божій?—*Сынъ.* О, да! Законъ Божій все равно что воля Божія, по которой мы должны поступать.—*Отецъ.* Но откуда-же мы знаемъ, что угодно Господу Богу?—*Сынъ.* Изъ Священнаго Писанія.—*Отецъ.* Ты правъ! Поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божію. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растетъ дерево, приноситъ плоды и сѣмена; не по своей-ли собственной?—*Сынъ.* Конечно, нѣтъ; у дерева нѣтъ воли; точно такъ-же, какъ нѣтъ ея у камня, воды и желѣза.—*Отецъ.* Правда твоя. Однакоже ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ

---

*) Упраж. словесн. и письм.: найти нѣсколько дѣйствій съ *цѣлью*, показать *назначеніе* многихъ явленій и дѣйствій.

болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ; ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется; что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непремѣнно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ; что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшинѣ не выраститъ вишня, а на вишнѣ орѣхъ. Откуда-же всѣ эти существа знаютъ, что и какъ они должны дѣлать?—*Сынъ*. Это бездушныя существа; они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы.—*Отецъ*. Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другого, кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено: камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣстенъ *законъ явленія*, по которому всѣ подобныя явленія совершаются непремѣнно. Такъ, напримѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня или желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, которыя тонутъ, съ тѣми, которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, *удѣльный* вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и, наоборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ *законъ*, люди стали повѣрять его *опытами*, и убѣдились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало-бы на ея поверхности. Вотъ что называется *закономъ явленія*. Законы, по которымъ совершаются всѣ остальныя явленія въ природѣ, называются *естественными* законами; а науки, открывающія эти законы—*естественными* науками *).

---

*) Преподаватель можетъ самъ вывести по этому образцу нѣсколько законовъ, напр., законъ паденія тѣлъ.

ЗАКОНЪ ЕСТЕСТВЕННЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцомъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое-нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другого тѣла, не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда-ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи?—*Сынъ.* О, нѣтъ, люди часто грѣшатъ и не выполняютъ закона Божьяго.—*Отецъ.* Слѣдовательно, бездушныя вещи поступаютъ лучше людей?—*Сынъ.* Да, это правда.—*Отецъ.* Но бездушныя вещи поступаютъ такъ потому, что не могутъ поступать иначе.—*Сынъ.* Хорошо было-бы, если-бы и люди не могли рѣшать и не могли поступать иначе, какъ по закону Божію.—*Отецъ.* Едва-ли это такъ. Послушай, я разскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ и безчувственъ: никого не любилъ и ничего не понималъ, а главное, былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ, и ко всему его нужно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ, чтобы они продали товаръ и на вырученныя деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря больше ничего, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ уменъ, что самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Но на другого своего сына хозяинъ понадѣяться не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подъ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все, что нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученія. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ и поцѣловалъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и

посадилъ обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ со слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей такъ поступилъ отецъ?—*Сынъ*. Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ данныя *ему* порученія подъ надзоромъ слугъ.—*Отецъ*. Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата?—*Сынъ*. Да, но не по своей волѣ; онъ не могъ-бы исполнить его дурно, еслибы и хотѣлъ.—*Отецъ*. Ты правъ; теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ-же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣсти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и ближнему и изъ пониманія премудрости божественныхъ законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободою.

ХРЕСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется;
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека.
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
—«И, полно, братецъ», тутъ другой ему сказалъ:
«Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю.
Пойдемъ впередъ. Я ихъ натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстанутъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАБОТНИКЪ.

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ-бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
«Степанушка, родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой
Что только было въ немъ,

Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй», говоритъ: «за что?»—За что! болванъ!
Чему обрадовался съ дуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

И. Крыловъ.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(*Восточное сказаніе*).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»

И только замолкли,—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,

Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій.
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ,—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клетей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна,
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери тебѣ
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь, подъ окномъ,
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ—
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень во дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую;
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.
Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

А. Кольцовъ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ;
Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары душистаго хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.
Рвутся толпой и голодный, и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
Общей бѣдою не тронулся онъ.
Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.
«Дожили мы до нежданаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ подъ-спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ».
Такъ говоритъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.
Вотъ ужъ столпилпсь подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.
Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».
Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.
Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ что холстины и признака нѣтъ.
Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».
Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».
Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
Въ Рейнской башнѣ спасусь»—говоритъ.
Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она:
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.
  Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.
Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.
  Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка, не весело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.
Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.
  Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣны ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
  Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?
Зубы объ камни онѣ навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

В. Жуковскій.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.

Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
—«Огня!» кричатъ: «огня!»—Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему расчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ;
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
—Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?
Робко онъ меня спросилъ.

—Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни—и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ».

И взмолилось солнце брату:
«Другъ мой, Мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь—и ночью
Обойди ты край земной.
Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать:
Все развѣдай—и поутру
Приходи и дай мнѣ знать».
Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой,
Завтра-жъ рано-рано къ Солнцу
Постучится братъ меньшой.
«Стукъ-стукъ-стукъ!»—отворятъ двери.
«Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ!»
Солнце встанетъ, солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? что съ тобой?»
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ,
Кто и какъ себя ведетъ.
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.
Если нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ;
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ:
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.
И задумался младенецъ,
Долго на небо глядѣлъ,
Долго онъ молчалъ и няню
Онъ позвать къ себѣ велѣлъ,
И велѣлъ старушкѣ нянѣ
Богородицу читать,
И за ней, сложа ручонки,
Сталъ молитву повторять.

Я. Полонскій.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Отчего-же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
У меня-ль плечо—
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю—
Все мнѣ спорится!
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!

За кого-же онъ
Выдастъ Грунюшку?
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ?
Пускай домъ его—
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера....
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!..
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью.
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!..
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!..
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ,—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну;
Ворочусь въ село—

Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!..

А. Кольцовъ.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далеко ревъ въ лѣсу гремитъ.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны
Ломаются въ тебѣ въ куски;
Громами-ль камни отторженны
Стираются тобой въ пески.
Сковать-ли воды льды дерзаютъ—
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Державинъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Ѳ. Тютчевъ.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки лисицы
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали-бы, что смотритъ левъ на лицы,—
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И разспросить того, другого,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худого.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны;
На сходкѣ голоса чинъ-чиномъ собраны;
Но противъ волка нѣтъ ни слова,—
И волка велѣно въ овчарню посадить.

Да что-же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?—
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то-бы всего нужнѣй спросить.

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ.
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?»—«Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугара;
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожара,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ.
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: «коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже-ль и въ потьмахъ».

И. Крыловъ.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье. Господь васъ помилуй!
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: «поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ».—
Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ и не пьетъ и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленокъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что-же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ... «Какъ-бы провѣдать,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ, творится?..» Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... «Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!»—
Смотришь,—Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!»
Пьетъ онъ... ахъ! какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
Въ чемъ-же его рукодѣлье? Точитъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ —онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
Что мнѣ въ потемкахъ! здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ!»
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.

Ждетъ и малюточку тяжелое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и метель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ, какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ-же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? Дома
Было мнѣ лучше; сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею».
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше-бы дома сидѣть у родимой за печкой»...
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ, гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ, и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало-по-малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: «Я назади не останусь!»
Кстати-ль! листки распустила... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто-же другой? Они, отъ былинки къ былинкѣ,
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нашъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «Я знаю, что будетъ».
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта;

Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ—посвѣтить ей въ
потемкахъ.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновалъ, и сѣно скосили,
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливы;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ? О! ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно!
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша,
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ по утру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ; сварила кисель, чтобы дѣтушкамъ кушать.
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо!»

В. Жуковскій.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто-бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!

Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

А. Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ;
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

«Ну, катай на перегонки!»
А на шалуновъ,
Съ тайной завистью, дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

«Тянутъ, тянутъ!» закричали
Ребятишки вдругъ:
«Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ».

Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
— «Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,
Нечего глядѣть!»

Такъ сказалъ старикъ высокій,

Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.
«Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови,—придетъ...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь,—такъ вотъ!..»
И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— «Ну, за что ее ты, Мишка?»
Упрекнулъ другой.
— «Эко малый уродился,
Говоритъ старикъ:
Все-бъ дрался онъ да бранился,
Экой озорникъ!
Ты-бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!»

Свату сватъ сказалъ.
«Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь;
Тутъ подкидыша, безъ дѣла,
Одѣвать изволь».
— «Потерпи: чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подрастетъ».
«Такъ-то такъ... вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ толку кормить.
И дѣвчонка-то больная,
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива!»
Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли;
А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

МЕЛЬНИЦА.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ;
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ;
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ;
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ;
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ;
Идетъ мука,—въ глаза пылитъ.

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачь дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно-бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

И. Никитинъ.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ». «И, полно,—что за счеты!
Лишь стало-бы охоты,—
А то, во здравье, ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку,
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.—«Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли.

Поработали, погуляли,
И путь теперь домой на родину держали.
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ,—да не о томъ ужъ рѣчь
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашкѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
«Ребята», говоритъ: «вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ лобъ ему».
—«Какой наборъ?»—«Да такъ! Есть слухъ— война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ».
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и, подчасъ, реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры;
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу—и щи, и кашу—все поѣлъ.

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(Разсказъ мышенка).

Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать, царица Прасковья,

Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрекъ усатый, сизая шкурка,
Розовый носикъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и вилястъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣрькомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя космы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ, и какъ-будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись,
По носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня, какъ дубиной,
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. «Тебя помиловалъ Богъ», онъ сказалъ мнѣ;
«Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ-пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ

Къ этому плуту подъѣхалъ: тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своей; будь же впередъ остороженъ».
Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска,—
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать; и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный,
Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, читая стихи, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду
Котъ Мурлыка въ ветчинпѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ, не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный! довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы». И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой; и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустились когти, и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжалися
Въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ—да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ

Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ-мѣста, какъ пень. «Берегись», тогда намъ сказала»
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и насилу
Какъ-то она отъ него уплела): «берегитесь! Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ недобрый; и шкурка цѣла у него». То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. «Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять,—а я не товарищъ
Вамъ». И поспѣшно, созвавъ мышенятъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшеный хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы-же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
«Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы, какъ у турка;
Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
Радуйся наше подполье!..» Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать... Куда ты! Пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковскій.

———

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАБЛЬ.

I.

Поставщикъ товаровъ, Мингерръ Ванъ-Коекъ,
Въ каютѣ ведетъ свои счеты:
Примѣрную прибыль и грузъ корабля
Считаетъ онъ, полонъ заботы.

«Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ: дадутъ
И перецъ, и гумми доходецъ;
Слоновая кость тоже славный товаръ,
Но прибыльнѣй черный народецъ.

Смѣхъ дешевы эти рабы: я шестьсотъ
Отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ,
По твердости мяса, по крѣпости жилъ,
Все вылитыхъ будто изъ стали.

Далъ бусъ я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещицъ,
Да водку; а славное дѣло!
Пускай половина живетъ: восемьсотъ
Процентовъ разсчитывай смѣло.

Да, пусть только триста негровъ свезу
До гавани Ріо-Жанейро,
По сотнѣ дукатовъ за штуку возьму
Я съ фирмы Гонзалесъ Перейра».

Такъ высчиталъ вѣрно Мингерръ Ванъ-Коекъ,
И этою мыслію дѣльной
Былъ занятъ, какъ вдругъ появился къ нему
Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельный.

То былъ господинъ самъ, какъ щепка, сухой,
А носъ угреватый, багровый.
«Ну, что мои дѣтки?» спросилъ Ванъ-Коекъ:
«Что черные? всѣ-ли здоровы?»

И докторъ сказалъ: «честь имѣю донесть,
Что мы, къ сожалѣнью, въ потерѣ:
Усилилась смертность въ послѣднюю ночь
Межъ ними въ значительной мѣрѣ.

Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ,
А нынче мы семь потеряли:
Четыре мужчины, три женщины вдругъ...
Отмѣтилъ я убыль въ журналѣ.

Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ:
Порой плутовскому народу
Прикинуться мертвымъ приходитъ на мысль,
Чтобъ только ихъ бросили въ воду.

Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ,
Какъ это устроено мною,
Всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ
Ранехонько утромъ съ зарею.

Посмотришь, ужъ цѣлая стая акулъ
Шныряетъ, отколь ни взялася:
Мои вѣдь нахлѣбники это, онѣ
Такъ падки до чернаго мяса.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались онѣ
За нами съ какою-то страстью:
Ужъ чуютъ у насъ мертвечину, скоты,
И жадною чавкаютъ пастью.

Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь
Несчастные трупы хватаетъ:
Тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой,
А этотъ обрывки глотаетъ.

Какъ все ужъ проглотятъ—вокругъ корабля
Тѣснится, ликуетъ ихъ стая:
Таращитъ глаза на меня, будто мнѣ
За завтракъ любовь изъявляя».

Но грустно прервалъ его рѣчь Ванъ-Коскъ:
«Какое-же злу облегченье?
Въ виду возрастающей смертности сей,
Какое принять намъ рѣшенье?»

«Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ,
Виною, что такъ умираютъ:
Въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они
Дыханьемъ еще заражаютъ.

Притомъ въ меланхоліи многіе мрутъ,
Тоска ихъ смертельная гложетъ;
Но музыка, пляска и воздухъ, какъ разъ,
Все это въ болѣзни поможетъ».

«Совѣтъ превосходный! вскричалъ Ванъ-Коскъ:
Мой докторъ искуснѣе втрое,
Чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ
Птенцомъ Александра героя.

Да, музыки, музыки! Черныхъ плясать
На палубѣ здѣсь мы принудимъ,
А кто заупрямится прыгать, того
И плеткою пользовать будемъ».

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой
Несчетныя звѣзды мерцаютъ;
Большія и умныя, нѣгой онѣ,
Какъ очи красавицъ, сіяютъ.

Глядятъ на широкое море съ небесъ,
Свѣтя фосфорическимъ блескомъ:
Далеко пурпурное льется оно
Съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ.

Какъ будто совсѣмъ разснащенный, корабль
Недвиженъ, и парусъ не вьется,—

На палубѣ только блестятъ фонари
И музыки гулъ раздается.

Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудитъ,
Сталъ поваръ неволею флейщикъ,
И юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу
Тамъ трубитъ нашъ докторъ затѣйщикъ;

До сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ
Ликуютъ и, въ дикомъ весельи,
Кружатся и скачутъ: при каждомъ прыжкѣ
Въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли...

A maître des plaisirs все глядитъ палачемъ;
Имѣя веселье въ предметѣ,
Лѣнивыхъ танцоровъ не разъ понукалъ
Онъ бойко ударами плети.

(Изъ Гейне, перев. *В. Водовозова*).

ШОССЕ И ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога:
Ты въ даль протянулась, пряма какъ стрѣла;
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта;
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!..
Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работалъ:
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ;
Все дружною силой и съ пѣснями взято,
Вколачивалъ молотъ и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ...
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!

Дорожка, дорожка, куда ты ведешь?
Безъ званья ли ты, иль со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ телѣжнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха...
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый,
И бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!»
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.

Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ;
А челнокъ для рыбака—
То-жъ, что бабѣ веретёна,
Али конь для сѣдока.

Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ-бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ».

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

«Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ—
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..»

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольца
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.
Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что шутя задумалъ,—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями,—
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо,—смотришь,
По водѣ поплыло.

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во-время да въ пору
Медомъ рѣчи льются,
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется!
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается.
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой!
Разливайтесь пѣсни!
Ходи, парень, браво!

А. Кольцовъ.

НИЩІЕ.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради, на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой.

И. Никитинъ.

КАПИТАНЪ БОПЪ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Бопъ, морякъ искусный,
Но человѣкъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ,
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ, и капитану-бъ
Не сдобровать... но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всѣми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дня четыре,
Снѣдаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?»—То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: «тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!»
Однако, на другой день мальчикъ снова

Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?»—«Ты это, Робертъ?»
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.
—«Я, капитанъ».—«Ахъ, Робертъ! я страдалъ
Всю ночь».—«Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить».—Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обрить васъ?» Это также было
Ему позволено. Потомъ больного Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши,
Сказалъ: «теперь я напою васъ чаемъ».
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ ни говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ, и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы

Его желѣзная душа; онъ молча-бъ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Не примиренный, еслибъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ, однажды,
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ, капитанъ?»
Онъ простоналъ отчаянно: «Ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.
А съ бѣдною моей душою!.. Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего иного
Не заслужилъ! я грѣшникъ, я на вѣки
Погибшій человѣкъ»—«Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь».—«Поздно
Молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?»—Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда
По прежнему вошелъ къ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
«Послушай, Робертъ; мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на кораблѣ найдется
Евангелье: попробуй, поищи».
И подлинно, Евангелье нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,
Въ его глазахъ сверкнула радость.—«Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай: я буду слушать».
«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»

«Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ Евангелья; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется». Робертъ
Раскрылъ Евангелье и сталъ читать,
И два часа читалъ онъ. Капитанъ
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало
Ему съ погибелью неизбѣжимой;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшися одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему
Сказалъ: «мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я... что съ моей душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ!
Ахъ, Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки!
Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?»
«Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой
Молитвы, кромѣ «Отче нашъ», не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читалъ».—«Ахъ, Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна:

Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это Онъ тебя благословитъ.
Молися, другъ, молися о твоемъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ».
Но Робертъ медлилъ; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: «Царь Небесный,
Помилуй грѣшника меня!» И оба
Рыдали.—«Ради Бога, на колѣни
Стань, Робертъ, и молися за меня».
И увлеченный жалостію, мальчикъ
Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй
Ты моего больного капитана!
Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него
Молился—я молиться не умѣю.
Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ, бѣдный,
Боится, что ему погибнуть должно—
Ты, Господи, не дай ему погибнуть;
Онъ говоритъ, что быть ему въ аду—
Ты, Господи, возьми его на небо;
Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
Его душой—Ты, Господи, вели,
Чтобъ ангелъ Твой вступился за него!
Мнѣ жалокъ онъ; его больного всѣ
Покинули; но я, пока онъ живъ,
Ему служить не перестану; только
Спасти его я не умѣю; сжалься
Надъ нимъ Ты, Господи, и научи
Меня молиться за него».—Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
Въ подушки голову, и слезъ потоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ

Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ
Евангелье, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемѣной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, носившаго глубокій
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смиренное, веселое, святое;
Какъ будто лучь той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
«Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я—кого же? Самого
Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
Что будто всталъ я, и приползъ къ Его
Ногамъ, и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,

О коемъ ты читалъ мнѣ: Сынъ Давидовъ,
Іисусъ Христосъ, помилуй! И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня —
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана, Онъ взглянулъ...
О, какъ взглянулъ! Какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ,
Но и съ надеждой, я къ Нему поднять
Осмѣлился глаза... и что же? Онъ...
Да, Робертъ!.. Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О, что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣетъ.
Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ...
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А Онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня...
И вдругъ Его уста пошевелились,
И я Его услышалъ голосъ... чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И Онъ сказалъ мнѣ: «ободрись и вѣруй!»
Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но
Видѣніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись...
Но сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Что Онъ сказалъ на Вечери Святой,

Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой Искупитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію разстаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ»...—При этомъ словѣ Робертъ,
Дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете».
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
«Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Родного жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На кораблѣ, межъ этихъ нечестивыхъ
Людей, одинъ, неопытный ребенокъ...
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь».—Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.
Когда-жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеньемъ,

Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки,
Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: «капитанъ!»—отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: «капитанъ!» но тихо все,
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постели. «Капитанъ!» сказалъ онъ вслухъ.
По прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: «капитанъ!» и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемѣнилось; медленно онъ навзничь
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

В. Жуковскій.

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,

По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ:
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.
Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать,
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!—онъ сказалъ—я пойду отдохнуть;
А ты, если хочешь, начни проповѣдать—
Съ вершинъ увидали тебя пастухи;
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ жены съ дѣтьми; говори имъ о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»
И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось—слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!
Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая
И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелья повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ—
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края
«Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ.

Я. Полонскій.

КУБОКЪ.

«Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины

Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной».

Такъ царь возгласилъ—и съ высокой скалы
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ;
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется-ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко—впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой,
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы, и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ юноша! Кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла,
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море-ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;

И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ:
«Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ!»
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...

И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны—
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый, съ весельемъ, «онъ живъ!» повторялъ:
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважный».

Онъ на берегъ вышелъ, онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной, таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ.
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей—однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.

«И я содрагался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..
То было спасеньемъ, я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:
«Мой кубокъ возьми золотой,
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,

Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морского».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого».

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты;
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель—онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Проходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

В. Жуковскій.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни-почемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится,
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,—
И снова ихъ громко зоветъ;

Зоветъ онъ любимаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но, въ цвѣтѣ надежды и силы,
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ;—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

М. Лермонтовъ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
—Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
«Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
—О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—
«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои».
«Родимый, Лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
—О, нѣтъ, мой младенецъ; ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—
«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
—О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—
«Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать».

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ—
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

В. Жуковскій.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?—«Вотъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ.
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой.
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
—Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу.
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ!
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!

Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ,
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

А. Пушкинъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОЗА.

ПШЕНИЦА и ПЛЕВЕЛЫ.

(Притча).

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засѣять его пшеницею. Работники, засѣявъ поле, легли отдохнуть и заснули; когда они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посѣялъ между пшеницею плевелы. Взошла и выросла пшеница; взошли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: „Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить-ли намъ въ поле и не повырывать-ли ихъ?“—„Нѣтъ, не ходите“, отвѣчалъ имъ хозяинъ: „вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и

пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь, — а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу".

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. „Зачѣмъ ты это дѣлаешь?"—спросилъ онъ отца: „вотъ ужъ такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду".

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится?—спросилъ отецъ.

„Это видно съ перваго взгляда",—отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и незавидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырости и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

„Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно?" спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скотъ не могъ его сломать.

— Посмотри,—сказалъ онъ сыну,—какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отросткомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножемъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодого деревца.

„Что ты дѣлаешь?" вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: „теперь всѣ труды твои пропали даромъ!"

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ деревца и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣзъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпкою.

— Вотъ видишь-ли,—сказалъ онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было-бы и криво, и сучковато, и приносило-бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было-бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно росло прямо; а теперь, при наступленіи весны, далъ скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прицепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь?—спросилъ отецъ сына.

„Ахъ“, отвѣчалъ тотъ, „какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ“.

— Дай Богъ,—продолжалъ отецъ,—чтобы ты такъ-же отблагодарилъ меня за заботы о твоемъ воспитаніи.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно въ Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было онъ строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною,—и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ—кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браны были, какъ водится у простого

народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ. Должникъ умеръ; кажется, и дѣлу-бы конецъ, анъ нѣтъ; по крестьянскому разумѣнію, отдать надобно: честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ жаловаться начальству... — „Подождите, кормильцы,— молитъ она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару да лошадь продамъ...“ Куда, и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердце было слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца: такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости!.. „Эх-ма!..“ и задумалъ онъ что-то.

По губерніи былъ объявленъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ трехъ взрослыхъ парней. Рады-бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное.—„Да не возьмешь-ли меня?“ спрашиваетъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха? — проговорилъ тотъ съ сердцемъ.—„Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю“.—Да какъ-же, любезный ты мой, мать-то твоя... того... вѣдь ты одинъ у нея, какъ перстъ...—„Ну, ужъ это мое дѣло! Сколько-же дашь?“—Ахъ, родной, выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою.—„Эва, дешево только! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копейки не уступлю!“ — Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.—„Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ: за пару хорошихъ коней, что ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ... Небойсь, не оскудѣешь!“

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца. — „Что, привезъ деньги?“ спрашиваетъ тотъ.—Со мною теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день прійти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь росписочку изготовьте.—„Ладно“.

И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то-же самое.

На другой день всѣ они появились въ рекрутское присутствіе. Глядь, Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ уже въ пріемной: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ-же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать. Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже заплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ?—говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну, такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ... Да я-бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разстаться съ нимъ... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ; баитъ, успокою батюшку.

— Какой долгъ?

— Матушка!—крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала было свой разсказъ:—полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте безпокоиться на счетъ этого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной Горкѣ она и невѣста. Мы ужъ и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужъ не безпокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего, поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ: — „Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублевъ; ты, сватъ Андрей, получай свои безъ

четверти двадцать-пять“... тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги; иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу.— „Ничего не надо мнѣ, родимые: деньги не мои, а батюшкины; не поминайте-же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужъ коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захарія въ свое поминаніе да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда“...—Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодого рекрута только два полуимперіала... Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ-же ты самъ-то останешься! со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь-же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная.

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, — заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ-же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особенное представленіе—и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

БѢЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ хорошенькій хуторокъ, окруженный прекраснымъ садомъ. Въ саду былъ богатый цвѣтникъ съ гордыми, блестящими цвѣтами; а на валу, окружавшемъ садъ, въ густой зеленой травѣ, росъ, ни для кого незамѣтно,

самый скромный маленькій дикій цвѣточекъ съ бѣлыми лепестками, съ золотымъ сердечкомъ. Доброе солнце освѣщало и грѣло его съ такою-же любовью, какъ и великолѣпные цвѣты въ прекрасныхъ клумбахъ. Дикій, бѣленькій цвѣточекъ не думалъ о томъ, что на его долю выпала такая скромная жизнь; былъ доволенъ своею судьбою, поворачивалъ свою головку за солнцемъ, любуясь его блескомъ, и заслушивался серебряныхъ трелей жаворонка, вьющагося высоко въ воздухѣ.

Въ одно свѣтлое утро маленькій цвѣточекъ былъ такъ счастливъ, какъ-будто-бы для него наступилъ великій праздникъ, а между тѣмъ это былъ только понедѣльникъ, и всѣ дѣти сидѣли въ школѣ; но тогда какъ они сидѣли на своихъ скамьяхъ и учились,—бѣленькій цвѣточекъ также сидѣлъ на своемъ маленькомъ стебелькѣ и также учился у грѣющаго солнца и у всего, что видѣлъ вокругъ, учился, какъ добръ и милостивъ Создатель. Бѣленькому цвѣточку казалось, что маленькій жаворонокъ въ своихъ звонкихъ пѣсняхъ выражалъ прекрасно эти-же самыя чувства, и цвѣточекъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на счастливую птичку, которая могла пѣть и летать, и нисколько не огорчался, что самъ остается на одномъ мѣстѣ и не имѣетъ такого прекраснаго голоса. „Я слышу и вижу все это, думалъ цвѣточекъ; солнце освѣщаетъ меня и грѣетъ, вѣтерокъ цѣлуетъ мои лепестки... О, какъ я счастливъ!“

Въ саду возвышалось очень много важныхъ цвѣтовъ, и чѣмъ меньше у нихъ было запаха, тѣмъ болѣе они важничали. Ярко-красные піоны раздувались изо-всѣхъ силъ, чтобы быть больше и пышнѣе розъ! но величина и пышность не сдѣлаютъ еще піона розой. Ярко-цвѣтные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы всѣ могли любоваться ихъ красотою. Они, конечно, не замѣчали, что тамъ, на валу, цвѣтетъ маленькій цвѣточекъ; но за то онъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза,—смотрѣлъ и думалъ: „какъ они богаты и прекрасны! къ нимъ, навѣрное, къ нимъ слетитъ чудная птичка. Слава Богу, что я расту такъ близко и могу видѣть все это“.—

Въ самомъ дѣлѣ, крикъ птички раздался близехонько, и она спустилась на землю... только не къ величественнымъ піонамъ и не къ гордымъ тюльпанамъ, а въ зеленую траву, около самаго бѣленькаго цвѣточка, у котораго отъ счастья занялось дыханіе.

Маленькая птичка весело прыгала вокругъ цвѣтка, прыгала и щебетала: „Ахъ, какая мягкая, зеленая, какая свѣжая травка! ахъ, какой хорошенькій, маленькій цвѣточекъ, сердечко золотое, платье серебряное!"

Какъ былъ счастливъ маленькій бѣленькій цвѣточекъ, я и разсказать вамъ не могу: о, какъ онъ счастливъ!—Жаворонокъ осторожно клюнулъ носикомъ въ самую середину цвѣточка, прощебеталъ что-то милое, очень милое, вспорхнулъ и снова полетѣлъ въ голубую высь.

Прошло вѣрно не менѣе получаса, какъ цвѣточекъ успѣлъ опомниться отъ своего счастья. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочекъ его трепеталъ отъ восторга. Боязливо взглянулъ цвѣточекъ на гордые тюльпаны: они видѣли, какое счастіе выпало на долю бѣленькаго цвѣточка, и должны понимать, какою радостью бьется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли по-прежнему прямо, и, вѣрно отъ зависти, краснѣли еще больше и отъ досады подымали свои головы еще выше. Какое счастіе, что тупоголовые піоны не могутъ говорить, а то-бы они наговорили много дерзостей маленькому бѣленькому цвѣточку. Счастливцу казалось, что пышные цвѣты не въ духѣ, и онъ отъ всей души пожалѣлъ о нихъ.

Въ это самое время пришла въ садъ дѣвушка съ острымъ блестящимъ ножемъ въ рукахъ—пошла прямо къ тюльпанамъ и посрѣзывала ихъ гордыя головы.

— Охъ! почти вскрикнулъ бѣленькій цвѣточекъ: какъ это страшно; теперь для нихъ все кончено!

Цвѣточекъ радовался, что спрятанъ въ травѣ и что онъ не болѣе, какъ простой бѣленькій цвѣточекъ; а когда зашло солнце, свернулъ свои листики и спокойно заснулъ. Но и во снѣ онъ видѣлъ солнце и милую птичку. Утромъ бѣленькій цвѣточекъ, пол-

ный счастья, снова распустилъ свои серебряные лепестки и скоро услыхалъ пѣніе жаворонка. Но, Боже мой, какую печальную пѣсню пѣла теперь птичка! И было чего печалиться: бѣдный жаворонокъ попался въ клѣтку, которая висѣла у открытаго окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и съ тоской вспоминала, какъ свободно порхала она еще вчера въ чистомъ синемъ воздухѣ. Бѣдная птичка была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маленькій бѣленькій цвѣточекъ желалъ отъ всей души помочь бѣдной птичкѣ; но трудно было что-нибудь придумать. Цвѣточекъ позабылъ, какъ все вокругъ него прекрасно, позабылъ даже яркое, теплое солнышко, и думалъ только о плѣнной птичкѣ, которой не могъ помочь ничѣмъ—рѣшительно ничѣмъ.

Въ это самое время вошли въ садъ два мальчика, и въ рукахъ одного изъ нихъ блестѣлъ тотъ самый острый ножъ, которымъ дѣвушка срѣзала вчера головы гордымъ тюльпанамъ. Мальчики шли прямо къ бѣленькому цвѣточку, но онъ рѣшительно не понималъ, что имъ отъ него нужно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ вырѣзать прекрасный кусокъ дерна для нашего жаворонка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, и вырѣзалъ ножемъ изъ дерна четвероугольникъ, въ срединѣ котораго остался и бѣленькій цвѣточекъ.

— „Сорви цвѣточекъ“, сказалъ другой мальчикъ, и бѣленькій цвѣточекъ задрожалъ: ему такъ хотѣлось жить именно теперь.

„Зачѣмъ?“ сказалъ первый мальчикъ: „онъ такъ мило выглядываетъ изъ зеленой травы“. Бѣленькій цвѣточекъ остался и былъ отнесенъ вмѣстѣ съ дерномъ въ клѣтку къ жаворонку.

Но бѣдная птичка громко оплакивала свою потерянную свободу, билась крылышками о желѣзные прутья клѣтки; а бѣленькій цвѣточекъ, не смотря на все желаніе, не могъ сказать ей ни одного утѣшительнаго слова. Такъ прошло все утро.

„Здѣсь нѣтъ воды“, щебетала бѣдная птичка; „они всѣ ушли и забыли оставить мнѣ хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я вся горю, я не могу дышать; ахъ, я должна умереть,

должна покинуть навсегда теплое солнышко, свѣжую зелень—все, все!“ И птичка сунула свой носикъ въ холодный кусокъ дерна, чтобы освѣжиться хоть немного — тутъ увидала она знакомый бѣленькій цвѣточекъ, поцѣловала его въ самое сердечко и сказала: „И ты долженъ здѣсь засохнуть, ты бѣдный маленькій цвѣточекъ! Тебя и маленькій кусочекъ зеленаго дерна—вотъ все, что дали мнѣ люди — взамѣнъ цѣлаго міра. Ахъ, вы напоминаете мнѣ только, какъ я много потеряла“.

Что-же тебя можетъ утѣшить? думалъ съ тоскою бѣленькій цвѣточекъ, но не могъ двинуть ни однимъ листикомъ. Птичка однако-же поняла его мысль, и хотя отъ тоски и жажды вырывала она изъ дерна травку за травкой, но бѣленькаго цвѣточка не тронула.

Наступилъ вечеръ, и никто не принесъ воды бѣдной птичкѣ. Она распустила свои длинныя крылышки, упала, склонившись головкой къ цвѣточку, задрожала—и умерла отъ тоски и жажды. Бѣленькій цвѣточекъ не могъ уже, какъ вчерашній вечеръ, свернуть своихъ листочковъ и заснуть спокойно: онъ увялъ, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утромъ пришли мальчики, и когда увидали мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потомъ вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цвѣтами, положили птичку въ хорошенькій ящичекъ и зарыли въ землю съ большою почестью. Бѣдная птичка! когда она жила и пѣла, всѣ ее забывали, оставляли сидѣть въ клѣткѣ, заставляли терпѣть голодъ и жажду; а теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакиваютъ и убираютъ цвѣтами.

Кусокъ дерна съ увядшимъ бѣленькимъ цвѣточкомъ выбросили изъ клѣтки на пыльную дорогу; никто не подумалъ о томъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ маленькую птичку и такъ сильно желалъ ее утѣшить.

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни

дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится,— шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему на встрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась метель, и студентъ, должно быть, сбился съ дороги; потому-что ночь уже наступила, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо въ грудь и въ лицо, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодого человѣка; а упади онъ только—и въ полчаса она намела-бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣни его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть,—заснуть, во что-бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодою; съ усиліемъ вытаскивалъ свои ноги изъ глубокаго снѣга, но мало подвигался впередъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ-бы бѣднякъ непремѣнно, если-бъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шелъ студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко-освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣ-

тель ввелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолкнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ изъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непремѣнно-бы упалъ, но встрѣтившіе его люди поддержали и усадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту;—поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено, вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать; онъ чувствовалъ сильный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама-же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ, и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется-ли ему еще чего-нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за

твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если это тебѣ нравится, отвѣчала добрая женщина: а я буду тебя звать сыномъ; но благодарить меня тебѣ не за что. Все, что я дала тебѣ, не мое; я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердцѣ говоритъ благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто-же Господинъ этого дома, и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностію.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать:—но Господинъ этого прекраснаго дома не показывается гостямъ, и никто его изъ насъ не видалъ.

— Какъ-же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ, и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ; должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ-же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ—не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь всѣ, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи-же скорѣе—чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всѣмъ ему обязанъ—своею жизнью, и готовъ для него отдать ее.

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала, улыбаясь, добрая женщина:—помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному чело-

вѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями и одолжай каждаго изъ нихъ, чѣмъ можешь—вотъ и все, чего желаетъ Владыка дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ:—да это долгъ каждаго порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь, потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать:—для каждаго изъ гостей, рано или поздно, приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый крылатый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дома навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустилъ голову: у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь-ли ты, сколько тамъ, вдали, блеститъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ—добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ!—прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностью и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названнаго сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она: не забывай его никогда и люби его, исполняй его волю: люби гостей его, какъ своихъ братьевъ, служи и помогай имъ, чѣмъ можешь — и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не надолго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она,—мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я, такъ же какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроенъ этотъ домъ, видѣлъ хозяина лицомъ къ лицу и разсказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой, какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента: — вотъ сынъ мой; молю тебя: не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударитъ его часъ, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня: мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу,— что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ;

но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь, впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя; тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту:—иди за святымъ отцомъ, не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лицо ея было грустно и страшно-страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ.—Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины — ему было смертельно жаль разстаться съ нею; но ея уже не было видно: невидимый слуга Владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ—все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ, сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ:—я любилъ твою мать и, надѣюсь, мы будемъ друзьями. Пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня— и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотою зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо; они были украшены золотыми и серебряными звѣздами, и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ и сямъ рукою отличнаго художника. Стѣнъ почти было совершенно не видно: такъ убраны были онѣ роскошными живыми растеніями; многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до

того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохлаждали воздухъ, наполненный ароматами, а полы были устланы мягкими зелеными коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, счету имъ не было: дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, если-бы повсюду въ окна не глядѣла темная, непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на нихъ, то на сѣдого спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой! сказалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ:— Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену: видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О! ему не даровъ своихъ жаль, возразилъ старикъ: — богатствамъ его нѣтъ счета! Ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи и знать, что они позабыли обязанности гостей и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда и до того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло и спорили на смерть за то, что никому изъ нихъ

не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода, но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы кто-нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказалъ студенту его сѣдой спутникъ;—черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ, онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто-нибудь не коснулся сокровищъ его.

Не смотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ, оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе-же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да, это такіе-же гости, отвѣчалъ старикъ:—но ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе. Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ, и вотъ что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему-же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша:—зачѣмъ онъ позволяетъ имъ безчинствовать?

— Видишь-ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей; онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ: онъ все ждетъ, не исправятся-ли они.

Юноша вспомнилъ, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику: — ихъ дѣйствительно жаль. Пойдемъ-же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны хозяину этого дома и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ:— впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца: напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени назадъ. Видя, что безчинство страшно возросло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняютъ слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго Сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ скромнаго гостя. Онъ не садился за столы съ знатными и богатыми; но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излѣчивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только чего-нибудь не отнялъ у другихъ, но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто-бы велъ себя скромнѣе Сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, и хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ Отцу своему. Что-же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили Сына Владыки, убили за то, что, будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ нищимъ,— за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, за то, что хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ

мой; но постарайся сдѣлать все, что только можешь изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ Сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ. Долго ходилъ онъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодого человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу чѣмъ попало — такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодого человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, непокидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о Сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами Отца его.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодого человѣка и его сѣдого спутника. Они заглянули туда и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюдъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вцѣпились другъ другу въ волоса, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже было нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою

маленькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дрожащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастная мать прорывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но у двери шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножемъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая хозяина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ ту минуту: „иди и спасай!“ Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, почти вынесъ на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодого человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно“.

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что былъ тяжело раненъ ножемъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодого человѣка, и онъ непремѣнно упалъ-бы на полъ, если-бъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

„Я умираю“, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: „ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мною.—Владыка дома зоветъ тебя“.

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ... и проснулся.

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и дер-

жала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника; а мать съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ ей старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библія въ истертомъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу! ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно-ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья.

Молодой человѣкъ, идя по степи, изнемогъ и упалъ; онъ вѣроятно погибъ-бы, но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ степи, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ того, но никогда не забывалъ своего сна; ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

ИСТИННО-ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, среди скалистыхъ Вогезовъ, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей

сообщенія, расположено нѣсколько деревень, составляющихъ одинъ округъ, который и носитъ названіе *Скалистаго*. Жители этого округа, лѣтъ семьдесятъ назадъ, отличались бѣдностью, невѣжествомъ, предразсудками, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны. Они лѣниво обработывали свои покрытыя камнями поля, не знали никакихъ ремеслъ, рѣдко сообщались съ остальнымъ міромъ по причинѣ дурныхъ и опасныхъ горныхъ дорогъ, не имѣли ни садовъ, ни порядочныхъ огородовъ, ни больницъ, ни школъ—и толпы нищихъ осаждали рѣдкаго путешественника, попавшаго случайно въ эту полудикую страну.

Въ этотъ-то глухой округъ, въ 1767 году, назначенъ былъ священникомъ Жанъ Фридрихъ Оберлейнъ, человѣкъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя страсбургской гимназіи, получившій, впрочемъ, отличное воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, въ мѣстечко Вальдбахъ, гдѣ стоялъ скромный священническій домъ, Жанъ Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ, жившихъ какъ въ Вальдбахѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Другой, быть можетъ, искалъ-бы себѣ случая убѣжать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь-то именно и нужна его дѣятельность, и положилъ цѣлью своей жизни: извлечь несчастныхъ горцевъ изъ ихъ жалкаго состоянія.

„Прежде всего надобно ихъ учить“, сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: „люди, лишенные образованія, не могутъ понимать даже и собственной своей пользы; и такъ съ учрежденія школы должно начать преобразованіе моего прихода“.

Но невѣжество горныхъ жителей было такъ велико, что когда Оберлейнъ купилъ для постройки школьнаго дома кусокъ земли въ Вальдбахѣ, то горожане допустили его приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него формальное обязательство, что онъ не будетъ требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство и тридцать лѣтъ содержалъ школу изъ своихъ собственныхъ, всегда очень скудныхъ средствъ. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли

пользу ученья и уже сами учредили мало-по-малу пять школъ въ различныхъ деревняхъ своего округа.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна: онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода. То онъ являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженныя какимъ-нибудь горемъ, то исправлялъ увѣщаніями людей, увлекшихся какими-нибудь дурными стремленіями; то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ больныхъ. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда онъ шелъ на какое-нибудь доброе дѣло. Нерѣдко горцы видѣли, какъ Оберлейнъ, поздно вечеромъ, верхомъ на своей лошадкѣ, отправлялся въ Страсбургъ, до котораго было десять миль очень труднаго и опаснаго пути. Тамъ цѣлый день онъ хлопоталъ безъ устали по дѣламъ своего прихода и, чтобы не терять даромъ драгоцѣннаго времени, возвращался домой снова поздно вечеромъ; а рано по утру онъ уже разносилъ по больнымъ лѣкарства, купленныя въ городѣ.

Но минутной помощью тѣмъ, которые въ ней нуждались, Оберлейнъ не ограничивался. Онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя причины бѣдствій и старался вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія.

Понятно само собою, что нововведенія, которыя задумывалъ Оберлейнъ, встрѣчали сильное сопротивленіе въ людяхъ, загрубѣвшихъ въ своей невѣжественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмѣшками, но и угрозами. Но пасторъ побѣдилъ всѣ эти препятствія своею твердостью, хладнокровіемъ, благоразуміемъ, такъ что современемъ самые жаркіе его противники сдѣлались самыми ревностными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованій.

Сообщеніе между жилыми мѣстами прихода было очень затруднительно: Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги. Но у пастора былъ планъ еще болѣе обширный: нужно было проложить удобный выходъ изъ Скалистаго округа до большой дороги въ Страсбургъ; сдѣлать это было очень трудно; однако-же неутомимый пасторъ не испугался затрудненій. Вооружившись самъ

ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога, версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Рѣчка Ла-Брёшь, сбѣгая быстро съ горъ, не имѣла опредѣленнаго русла и затопляла поля; пасторъ и прихожане вырыли ей русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Чтобы избавить жителей Скалистаго округа отъ бѣдности, Оберлейнъ старался улучшить хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ они очистили поля отъ камней, и теперь эти камни, мѣшавшіе прежде хлѣбопашеству, показываютъ границы полей и ограждаютъ посѣвы отъ скота. Оберлейнъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ къ св. причащенію, посадилъ собственными своими руками, по крайней мѣрѣ, два дерева. Земледѣльцы съ большимъ трудомъ и съ большими издержками доставали земледѣльческія орудія: пасторъ устроилъ лавку, гдѣ необходимыя для земледѣльца орудія продавались по возможно дешевой цѣнѣ и притомъ въ долгъ. Крестьяне Скалистаго округа знали только дикую яблонь: Оберлейнъ собственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовыя деревья лучшихъ сортовъ; а чтобъ побѣдить ихъ отвращеніе къ этому нововведенію, собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды трудовъ его. Земля, истощенная невѣжественною обработкой, плохо вознаграждала трудъ земледѣльца: Оберлейнъ научилъ крестьянъ удобрять землю, улучшилъ породу домашняго скота, ввелъ искусственные луга и искусственное орошеніе. Картофель, главная пища жителей, на плохой землѣ выродился совершенно: Оберлейнъ выписалъ новыя сѣмена изъ Швейцаріи и Голландіи—и картофель сдѣлался главнымъ предметомъ торговли для жителей Скалистаго округа. Оберлейнъ ввелъ посѣвъ клевера и выписалъ лучшія льняныя сѣмена изъ Риги. Всякое нововведеніе онъ прежде испытывалъ самъ; а чтобы поддерживать улучшеніе, устроилъ изъ крестьянъ общество сельскаго хозяйства.

Ремесла почти были неизвѣстны жителямъ Скалистаго округа: Оберлейнъ уговорилъ нѣсколькихъ родителей отдать своихъ дѣтей въ ученье различнымъ ремесленникамъ. Онъ ввелъ пряжу хлопчатой бумаги и этимъ занятіемъ поправилъ очень скоро состояніе жителей.

Во время болѣзней жители Скалистаго округа оставались безъ всякой помощи: не было ни лѣкарствъ, ни медиковъ. Оберлейнъ завелъ аптеку въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ лѣкарства раздавались даромъ, и послалъ одного смышленнаго человѣка въ Страсбургъ учиться медицинѣ и хирургіи, а нѣсколько женщинъ пріучилъ ходить за больными; кромѣ того, онъ распространилъ между крестьянами свѣдѣнія, какъ помогать утопленникамъ, замерзшимъ и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища крестьянъ,—и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ: крючья, лѣстницы, пожарныя трубы.

Въ этой отдаленной и мало извѣстной мѣстности, заброшенной въ средину Вогезскихъ горъ, Оберлейнъ ввелъ множество такихъ учрежденій, облегчающихъ жизнь человѣка, которыя мало были распространены тогда даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Такъ, напримѣръ, онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, долженъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Изъ этой кассы деньги раздавались въ долгъ безъ заклада и процентовъ,—чѣмъ мало по малу было совершенно уничтожено нищенство въ Скалистомъ округѣ. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образованіе, Оберлейнъ завелъ *странствующую* библіотеку и первый подалъ примѣръ тѣхъ странствующихъ библіотекъ, которыхъ теперь такъ много развелось въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ дни своей жизни посвящалъ Оберлейнъ благу своихъ прихожанъ, и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ, хотя отчасти, не былъ бы виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ не облегчилъ по возможности; не было ссоры, въ которой бы онъ не былъ посредникомъ и примирителемъ. Его безчисленныя благодѣянія пріобрѣли ему такое уваженіе и такую любовь при-

хожанъ, что всѣ повиновались ему, какъ отцу; онъ пріобрѣлъ большую власть надъ ихъ умами и былъ между ними самымъ могущественнымъ законодателемъ. Вотъ поразительный примѣръ его могущества: когда ассигнаціи потеряли во Франціи всякую цѣну, отчего многіе разорились совершенно и впали въ нищету, Оберлейнъ своимъ авторитетомъ поддержалъ цѣнность ассигнацій въ Скалистомъ округѣ. Не желая, чтобы ущербъ, происходящій отъ упадка ассигнацій, упалъ на нѣкоторыхъ, а лучше разложился понемногу на все народонаселеніе, Оберлейнъ постановилъ, чтобы ассигнаціи, переходя изъ рукъ въ руки, уменьшались въ цѣнѣ своей на десять сантимовъ при каждомъ переходѣ.

Нужно-ли говорить, что всѣ жители прихода видѣли въ Оберлейнѣ своего отца и благодѣтеля? Они и не называли его иначе, какъ отцомъ. Когда же, удрученный годами, онъ не могъ уже болѣе взбираться на скалы, чтобы посѣщать деревни своего прихода, тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошадкѣ, и день, когда Оберлейнъ посѣщалъ какую-нибудь деревню, былъ для нея праздникомъ.

Оберлейнъ прожилъ 86-ть лѣтъ и до конца своей жизни сохранилъ въ полной свѣжести всѣ свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось служить ему.

1826 года 1-го іюня, въ шесть часовъ утра, еще разъ помолившись за своихъ дорогихъ прихожанъ, патріархъ Скалистаго округа уснулъ вѣчнымъ сномъ. Общая горесть и общій трауръ проводили его до могилы. Памятникъ, изваянный знаменитымъ художникомъ и представляющій добрыя, кроткія черты истинно великаго человѣка, стоитъ теперь въ вальдбахской церкви, но и безъ этого памятника жители Скалистаго округа не забудутъ никогда Жана Оберлейна.

Вотъ, друзья мои, біографія истинно-великаго человѣка, болѣе великаго, чѣмъ всевозможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонскіе.

А какъ сильно и благодѣтельно дѣйствовалъ на прихожанъ высокій примѣръ истинно-христіанской жизни пастора! Одна

шестнадцатилѣтняя крестьянка Скалистаго округа, Луиза Шеплеръ, хотя имѣла свое состояніе и могла бы жить самостоятельно, поступила въ услуженіе къ Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лѣтъ была самою ревностною исполнительницею его добрыхъ намѣреній, а послѣ смерти Оберлейна еще долго оставалась ангеломъ-утѣшителемъ для цѣлаго округа. Имя Луизы Шеплеръ, не смотря на ея скромныя обязанности, должно сохраниться въ исторіи, потому что она, пораженная тѣмъ, что дѣти, по уходѣ родителей на полевыя работы, остаются совершенно одни, безъ всякаго призора, изобрѣла *дѣтскіе пріюты*, и это благодѣтельное учрежденіе быстро распространилось по всей Европѣ. Какъ было бы хорошо, еслибы и въ наши деревни, гдѣ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, часто производятъ пожары, дѣлаются сами калѣками на всю жизнь и портятъ другъ друга нравственно, проникло благодѣтельное учрежденіе Луизы Шеплеръ, и дѣти, собираясь въ одинъ домъ, подъ присмотръ какой-нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только безъ вреда для себя, но даже и съ пользою: пріучались къ порядку, опрятности и, играя, учились читать и писать! Сколько уже по всей Европѣ спасено дѣтей—христіанской идеею смиренной служанки Оберлейна!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прибыть юношѣ, лежала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню.—„Куда-же ты ѣдешь, пріятель?“ спросилъ его юноша.—„Прямо туда, куда нужно“, отвѣчалъ перевозчикъ.—„Если это называется прямо“, сказалъ юноша, „то я ужъ и не знаю, что значитъ криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ де-

ревни“.—„Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все *такъ* ѣхали“, возразилъ перевозчикъ: „но когда мы выѣдемъ на середину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка—дай Богъ ему царство небесное!—говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно такъ-же, какъ и хорошій христіанинъ, долженъ поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другого теченіе жизни“. И дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человѣкъ заплатилъ перевозчику двойную плату.—„Вотъ тебѣ“, сказалъ онъ, „за перевозъ и за добрый совѣтъ“.

СМЕРТЬ И СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ, и они остановились на холмѣ, недалеко отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные генія человѣчества. Ночь наступила.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ;—сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ хижинъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до грудного младенца, лежащаго въ колыбели, все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный—свое горе, бѣднякъ—свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату.—„Когда настанетъ утро“, сказалъ онъ веселый и счастливый, „тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ пріятно—незримо, въ тиши, разсыпать благодѣянія! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначеніе!“ Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью, и слезы заблистали въ его большихъ, темныхъ глазахъ.—„Ахъ!“ сказалъ онъ:

„почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностью людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!“—„О, братъ мой“, отвѣчалъ Ангелъ сна, „но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностью и не пошлютъ тебѣ благословенія, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?“

Такъ говорилъ Ангелъ сна, и оба брата обнялись еще нѣжнѣе.

ВОРОБЕЙ.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ-бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва пророставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И, все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти.— Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургеневъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я права отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ вожжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу и черезъ десять минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось: я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь. Мои потѣшные мальчишки были мужиками, а дѣвочки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали, женщинамъ я говорилъ безъ церемоніи: „какъ ты постарѣла!“ И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: „какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!“ Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить

баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—н, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ безъ всякаго шума заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—н. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать, и прыгать, какъ самое рѣзвое пяти-лѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Өедора *), поздоровался съ кучеромъ и форейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также и со всѣми лошадьми: Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи, но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехвершковыя,

*) Евсеичъ—дядька мальчика, отправляющагося въ деревню родителей, а Өедоръ—слуга.

сильныя до невѣроятности, рысистыя, незадушливыя на бѣгу и незнавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и 90 верстъ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ, сверкнула полоса воды - это была рѣка Меша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей и, не смотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали и, покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Демы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Меши: рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Сковородка жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отъѣхали тридцать верстъ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было и не жарко, и не пыльно: сначала ѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отъѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что въ кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки.

Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то есть огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда* *) большая и новая; на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я, сверхъ того, закуталъ голову платкомъ и все таки дрожалъ отъ страха во все время переправы: дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ: она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы; подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню Татарскій Байтуганъ, лежавшую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Куневскіе, а также въ Бахметевку, гдѣ недавно посе-

*) Такъ называются завозни, досчаники, паромы и проч.

лился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся: точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше село Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: „не видно-ли деревни?" И когда онъ сказалъ, наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: „вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ",—я сталъ такъ убѣдительно просить свою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!..

С. Аксаковъ.

ЕРМОЛАЙ И ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы съ Ермолаемъ отправились на охоту; но извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худого, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму, и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, разорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дроби, — другой сзади — для дичи; хлопки-же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому, неистощимой шапки.

Онъ бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье попрежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ ка-

кимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья—и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него лягавая собака, по прозванію Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану я пса кормить“, разсуждалъ онъ—„притомъ песъ—животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитаніе“. И, дѣйствительно, хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своею чрезмѣрной худобой, но жилъ и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла, и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно-теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ пораненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику старинпаго покроя. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропа-

токъ, а впрочемъ позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу негоднаго — „лядащаго“, какъ говорится у насъ, въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкомъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ,—и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шестьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: почевалъ на болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ въ-взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки черезъ нѣсколько времени возвращался домой одѣтый, съ ружьемъ и собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудакомъ. Ермолай любилъ покалякать съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ бывало и пойдетъ. — „Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ“.—„А въ Чаплино“.—„Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино за десять верстъ?“—„А тамъ у Софрона-мужичка перепочевать“.—„Да почуй здѣсь“. —„Нѣтъ ужъ, нельзя“. И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, черезъ кусты и водомоины; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ и на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей. За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ и отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ.

ЛЬГОВЪ.

— Поѣдемте въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай:—мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно плѣнительнаго; но, за неимѣніемъ пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ—большое степное село, съ весьма древней каменной, одноглавою церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка верстъ за пять отъ Льгова превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ посрединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всевозможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то и дѣло перелетывали надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: Фу-у! Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится, во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошного майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ, промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло неладно: надо достать лодку... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу изъ-за густой ракиты выбѣжала довольно дрянная лягавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ гри-де-лень или блеп-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, спюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась

всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижно косицами; небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали; все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ — Владиміръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги!

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знается. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно; но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ не слишкомъ образованный и уже вовсе не „субтильный“, началъ было его „тыкать“. Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-съ...

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. — Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, возразилъ онъ:—это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: „любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать—въ чемъ состоитъ эта забава“. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, причемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться невозможно.

— У Сучка есть досчаникъ *), замѣтилъ Владиміръ:—да я не знаю, куда онъ спряталъ. Надо сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви, и сталъ разсматривать могилы на кладбищѣ...

Приходъ Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ—прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырьевъ клепки повывалились.

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай:—паклей заткнуть можно.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказалъ я Ермолаю:—поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй!

Ермолай ушелъ.

— А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья:—да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины *)

— Однако же, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ:—такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на досчаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ,—а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на досчаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегудіила). Намъ не очень было ловко, но охотники — народъ не разборчи-

---

*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

вый. У тупого задняго конца стоялъ Сучокъ и „пихался“; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастію, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, „срывались“ съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними, и весело было видѣть, какъ эти кургузыя, тяжелыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжело шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли; иныя, убитыя на повалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно; я — довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: „вонъ, вонъ еще утица!“ — и то-и-дѣло почесывалъ спину—не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу

все набиралась въ досчаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стаями, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего досчаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнуло и торжественно пошло ко дну, къ счастію, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду:— какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку:—что это у тебя за лодка?

— Виноватъ, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра:—чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было уже не до возраженій; онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый досчаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ,

я оглянулся; кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. „Плохо!“ подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ посмотримъ: не ночевать-же здѣсь, отвѣтилъ онъ.— На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду сыщу бродъ, продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ, — взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собою мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, „коломъ“, и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу, бродъ нашелъ... Пойдемте.

Мы хотѣли было тотчасъ отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ

за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ-сотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: „лѣвѣй,—тутъ направо колдобина!“ или: „правѣй,—тутъ налѣво завязнешь“... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри.—„Ну, ну, ну!“ грозно кричалъ на него Ермолай,—и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно потчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся). Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селѣ раздавались пѣсни.

И. Тургеневъ.

ШТОЛЬЦЫ: ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

Штольцъ былъ нѣмецъ только вполовину, по отцу: мать его была русская; вѣру онъ исповѣдывалъ православную; природная рѣчь его была русская: онъ учился ей у матери и изъ книгъ въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ. Нѣмецкій-же языкъ онъ наслѣдовалъ отъ отца да изъ книгъ. Въ

селѣ Верхлевѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ, Штольцъ выросъ и воспитывался. Съ восьми лѣтъ сидѣлъ онъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера, Виланда, библейскіе стихи и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ-же „Телемака“. Оторвавшись отъ указки, бѣжалъ разорять птичьи гнѣзда съ мальчишками, и, нерѣдко, среди класса или за молитвой изъ кармана его раздавался пискъ галчатъ. Бывало и то, что отецъ сидитъ въ послѣобѣденный часъ подъ деревомъ въ саду и куритъ трубку, а мать вяжетъ какую-нибудь фуфайку или вышиваетъ по канвѣ: вдругъ съ улицы раздается шумъ, крики, и цѣлая толпа людей врывается въ домъ.

— Что такое? спрашиваетъ испуганная мать.

— Вѣрно, опять Андрея ведутъ, хладнокровно говоритъ отецъ.

Двери распахиваются, и толпа мужиковъ, бабъ, мальчишекъ вторгается въ садъ. Въ самомъ дѣлѣ, привели Андрея, но въ какомъ видѣ?! безъ сапогъ, съ разорваннымъ платьемъ и съ разбитымъ носомъ, или у него самого или у другого мальчишки. Мать всегда съ безпокойствомъ смотрѣла, какъ Андрюша исчезалъ изъ дома на полсутки и, еслибъ только не положительное запрещеніе отца мѣшать ему, она бы держала его возлѣ себя. Она его обмоетъ, перемѣнитъ бѣлье, платье, и Андрюша полсутки ходитъ такимъ чистенькимъ благовоспитаннымъ мальчикомъ, а къ вечеру, иногда и къ утру, опять его кто-нибудь притащитъ выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго, или мужики привезутъ на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками пріѣдетъ онъ на лодкѣ, заснувши на неводу. Мать въ слезы, а отецъ ничего, еще смѣется.

— Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ! скажетъ иногда.

— Помилуй, Иванъ Богдановичъ, жаловалась она:—не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а намедни носъ до крови разбилъ

— Что-же за ребенокъ, если ни разу носа себѣ или другому не разбилъ? говорилъ отецъ со смѣхомъ.

Мать поплачетъ, поплачетъ; потомъ сядетъ за фортепьяно и забудется за Герцомъ: слезы каплютъ, одна за другой, на клавиши. Но вотъ приходитъ Андрюша, или его приведутъ; онъ начнетъ разсказывать такъ бойко, такъ живо, что разсмѣшитъ и ее; притомъ онъ такой понятливый! Скоро онъ сталъ читать „Телемака", какъ она сама, и играть съ ней въ четыре руки. Однажды онъ пропалъ уже на недѣлю; мать выплакала глаза, а отецъ ничего—ходитъ по саду да куритъ.

— Вотъ, еслибъ Обломова сынъ пропалъ, сказалъ онъ на предложеніе жены—поѣхать, поискать Андрея:—такъ я бы поднялъ на ноги всю деревню и земскую полицію, а Андрей придетъ. О, добрый буршъ!

На другой день Андрея нашли преспокойно спящаго въ своей постели, а подъ кроватью лежало чье-то ружье и фунтъ пороху и дроби.

— Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ взялъ ружье? засыпала мать вопросами:—что-жъ молчишь?

— Такъ! Только и было отвѣта.

Отецъ спросилъ, готовъ-ли у него переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Отецъ взялъ его одной рукой за воротникъ, вывелъ за ворота, надѣлъ ему на голову фуражку и ногой толкнулъ его сзади такъ, что сшибъ съ ногъ.

— Ступай, откуда пришелъ, прибавилъ онъ, и приходи опять съ переводомъ, вмѣсто одной, двухъ главъ, а матери выучи роль изъ французской комедіи, что она задала: безъ того не показывайся!

Андрей воротился черезъ недѣлю, принесъ переводъ и выучилъ роль.

Когда онъ подросъ, отецъ сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ вожжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ городъ, къ купцамъ, въ присутственныя мѣста; потомъ посмотрѣть какую-нибудь глину, которую возьметъ на па-

лецъ, понюхаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дастъ понюхать, и объяснитъ, какая она, на что годится. Не то, такъ отправятся посмотрѣть, какъ добываютъ поташъ или деготь, топятъ сало. Четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, мальчикъ отправлялся частенько одинъ, въ тележкѣ или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіями отъ отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобы онъ забылъ что-нибудь, переиначилъ, не доглядѣлъ, далъ промахъ. „Recht gut, mein lieber Junge!“ говорилъ отецъ, выслушавъ отчетъ и трепля его широкой ладонью по плечу, давалъ два, три рубля, смотря по важности порученія. Мать послѣ долго отмываетъ копоть, грязь, глину и сало съ Андрюши.

Ей не совсѣмъ нравилось это трудное, практическое воспитаніе. Она боялась, что сынъ ея сдѣлается такимъ же нѣмецкимъ бюргеромъ, изъ какихъ вышелъ отецъ. На всю нѣмецкую націю она смотрѣла какъ на толпу патентованныхъ мѣщанъ, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, съ какими нѣмецкая масса предъявляетъ вездѣ свои тысячелѣтіемъ выработанныя бюргерскія права, какъ корова носитъ свои рога, не умѣя кстати ихъ спрятать. На ея взглядъ, во всей нѣмецкой націи не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она въ нѣмецкомъ характерѣ не замѣчала никакой мягкости, деликатности, снисхожденія, ничего того, что дѣлаетъ жизнь такъ пріятною въ хорошемъ свѣтѣ, съ чѣмъ можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общій обычай, не подчиниться уставу. Нѣтъ, такъ и ломятъ эти невѣжи, такъ и напираютъ на то, что у нихъ положено, что заберутъ себѣ въ голову: готовы хоть стѣну пробить лбомъ, лишь-бы поступить по правиламъ. „Какъ ни ряди нѣмца“, думала она: „какую тонкую и бѣлую рубашку онъ ни надѣнетъ, пусть обуется въ лакированные сапоги, даже надѣнетъ желтыя перчатки, а все скроенъ какъ будто изъ сапожной кожи; изъ-подъ бѣлыхъ манжетъ все торчатъ жесткія красноватыя руки; и изъ-подъ изящнаго костюма выглядываетъ, если не булочникъ, то буфетчикъ. Эти жесткія руки такъ и просятъ приняться за шило, или много, много — что за смычекъ въ оркестрѣ“. А въ сынѣ ей мерещился идеалъ

барина, хотя выскочки, изъ чернаго тѣла, отъ отца-бюргера, но все-таки сына русской дворянки, все-таки бѣленькаго, прекрасно-сложеннаго мальчика, съ такими маленькими руками и ногами, съ чистымъ лицомъ, съ яснымъ бойкимъ взглядомъ, такого, на какихъ она наглядѣлась въ русскомъ богатомъ домѣ и тоже за границею, конечно, не у нѣмцевъ. И вдругъ онъ будетъ чуть не самъ ворочать жернова на мельницѣ, возвращаться домой съ фабрикъ и полей, какъ отецъ его, въ салѣ, въ навозѣ, съ красно-грязными, загрубѣвшими руками, съ волчьимъ аппетитомъ! На бѣду Андрюша отлично учился, и отецъ сдѣлалъ его репетиторомъ въ своемъ маленькомъ пансіонѣ. Ну, пусть бы такъ; но онъ положилъ ему жалованье, какъ мастеровому, совершенно по-нѣмецки: по десяти рублей въ мѣсяцъ, и заставлялъ его расписываться въ книгѣ.

Утѣшься, добрая мать: твой сынъ выросъ на русской почвѣ— не въ будничной толпѣ, съ бюргерскими коровьими рогами, съ руками, ворочающими жерновами. Вблизи была Обломовка: тамъ вѣчный праздникъ! Тамъ сбываютъ съ плечъ работу, какъ иго; тамъ баринъ не встаетъ съ зарей и не ходитъ по фабрикамъ около намазанныхъ саломъ и масломъ колесъ и пружинъ. Да и въ самомъ Верхлевѣ стоитъ, хотя большую часть года пустой, запертый домъ, но туда частенько забирается шаловливый мальчикъ, и тамъ онъ видитъ длинныя залы и галлереи, темные портреты на стѣнахъ, не съ грубой свѣжестью, не съ жесткими большими руками, видитъ томные голубые глаза, волосы подъ пудрой, бѣлыя изнѣженныя лица, нѣжныя съ синими жилками руки въ трепещущихъ манжетахъ, гордо положенныя на эфесъ шпаги; видитъ рядъ благородно-безполезно въ нѣгѣ протекшихъ поколѣній, въ парчѣ, въ бархатѣ и кружевахъ. Онъ въ лицахъ проходитъ исторію славныхъ временъ, битвъ, именъ, читаетъ тамъ повѣсть о старинѣ, не такую, какую разсказывалъ ему сто разъ, поплевывая, за трубкой, отецъ о жизни въ Саксоніи, между брюквой и картофелемъ, между рынкомъ и огородомъ.

Года въ три разъ этотъ замокъ вдругъ наполнялся народомъ,

кипѣлъ жизнью, праздниками, балами; въ длинныхъ галлереяхъ сіяли по ночамъ огни. Пріѣзжали князь и княгиня съ семействомъ: князь, сѣдой старикъ, съ выцвѣвшимъ, пергаментнымъ лицомъ, тусклыми, на выкатѣ глазами и большимъ плѣшивымъ лбомъ, съ тремя звѣздами, съ золотой табакеркой, съ тростью съ яхонтовымъ набалдашникомъ, въ бархатныхъ сапогахъ; княгиня—величественная красотой, ростомъ и объемомъ женщина. Она казалась выше того міра, въ который нисходила въ три года разъ; ни съ кѣмъ не говорила, никуда не выѣзжала, а сидѣла въ угольной зеленой комнатѣ, съ тремя старушками, да черезъ садъ, пѣшкомъ, по крытой галлереѣ, ходила въ церковь и садилась на стулъ за ширмы.

Зато въ домѣ, кромѣ князя и княгини, былъ цѣлый такой веселый и живой міръ, что Андрюша дѣтскими зелененькими глазками своими смотрѣлъ вдругъ въ три или четыре разныя сферы, бойкимъ умомъ жадно и безсознательно наблюдалъ типы этой разнородной толпы, какъ пестрыя явленія маскарада. Тутъ были князья Петръ и Мишель, изъ которыхъ первый тотчасъ преподалъ Андрюшѣ, какъ бьютъ зорю въ кавалеріи и пѣхотѣ, какія сабли и шпоры гусарскія и какія драгунскія, какихъ мастей лошади въ каждомъ полку и куда непремѣнно надо поступить послѣ ученья, чтобъ не опозориться. Другой, Мишель, только лишь познакомился съ Андрюшей, какъ поставилъ его въ позицію и началъ выдѣлывать удивительныя штуки кулаками, попадая ими Андрюшѣ то въ носъ, то въ брюхо, потомъ сказалъ, что это англійская драка. Дня черезъ три Андрей, на основаніи только деревенской свѣжести и съ помощью мускулистыхъ рукъ, разбилъ ему носъ и по англійскому и по русскому способу, безъ всякой науки, и пріобрѣлъ авторитетъ у обоихъ князей. Были еще двѣ княжны, дѣвочки одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ, высокенькія, стройныя, нарядно одѣтыя, ни съ кѣмъ не говорившія, никому не кланявшіяся и боявшіяся мужиковъ. Была ихъ гувернантка, m-lle Ernestine, которая ходила пить кофе къ матери Андрюши и научила дѣлать ему кудри. Потомъ былъ нѣмецъ, который точилъ на станкѣ табакерки и

пуговицы, потомъ учитель музыки, который напивался отъ воскресенья до воскресенья, потомъ цѣлая шайка горничныхъ, наконецъ стая собакъ и собаченокъ. Все это наполняло домъ и деревню шумомъ, гамомъ, стукомъ, кликами и музыкой.

Съ одной стороны Обломовка *), съ другой — княжескій замокъ, съ широкимъ раздольемъ барской жизни, встрѣтились съ нѣмецкимъ элементомъ, и не вышло изъ Андрея ни добраго бурша, ни даже филистера.

Отецъ Андрюши былъ агрономъ, технологъ, учитель. У отца своего, фермера, онъ взялъ практическіе уроки въ агрономіи, на саксонскихъ фабрикахъ изучилъ технологію, а въ ближайшемъ университетѣ, гдѣ было около сорока профессоровъ, получилъ призваніе къ преподаванію того, что кое-какъ успѣли ему растолковать сорокъ мудрецовъ. Дальше онъ не пошелъ, а прямо поворотилъ назадъ, рѣшивъ, что надо дѣлать дѣло, и возвратился къ отцу; тотъ далъ ему сто талеровъ, новую котомку, и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Съ тѣхъ поръ Иванъ Богдановичъ не видалъ ни родины, ни отца. Шесть лѣтъ пространствовалъ онъ по Швейцаріи, Австріи, а двадцать лѣтъ живетъ въ Россіи и благословляетъ свою судьбу.

Онъ былъ въ университетѣ и рѣшилъ, что сынъ его долженъ быть также тамъ — нужды нѣтъ, что это будетъ не нѣмецкій университетъ, нужды нѣтъ, что университетъ русскій долженъ будетъ произвести переворотъ въ жизни его сына и далеко отвести отъ той колеи, которую мысленно проложилъ отецъ въ жизни сына. А онъ сдѣлалъ это очень просто: взялъ колею отъ своего дѣда и продолжалъ ее, какъ по линейкѣ, до будущаго своего внука, и былъ покоенъ, не подозрѣвая, что варіаціи Герца, мечты и разсказы матери, галлерея и будуаръ въ княжескомъ замкѣ обратятъ узенькую нѣмецкую колею въ такую широкую дорогу, какая не снилась ни дѣду его, ни отцу, ни ему самому! Впрочемъ, онъ не

*) Сосѣдняя помѣщичья деревня, откуда Обломовъ, сынъ помѣщика, приходилъ учиться въ маленькій пансіонъ къ Штольцу.

былъ педантъ въ этомъ случаѣ и не сталъ бы настаивать на своемъ: онъ только не умѣлъ бы начертать въ своемъ умѣ другой дороги сыну.

Онъ мало объ этомъ заботился. Когда сынъ его воротился изъ университета и прожилъ мѣсяца три дома, отецъ сказалъ, что дѣлать ему въ Верхлевѣ больше нечего, что вонъ уже даже Обломова отправили въ Петербургъ, что, слѣдовательно, и ему пора. А отчего нужно ему въ Петербургъ, почему не могъ онъ остаться въ Верхлевѣ и помогать управлять имѣніемъ—объ этомъ старикъ не спрашивалъ себя; онъ только помнилъ, что когда онъ самъ кончилъ курсъ ученья, то отецъ отослалъ его отъ себя. И онъ отослалъ сына — таковъ обычай въ Германіи. Матери не было на свѣтѣ и противорѣчить было некому.

Въ день отъѣзда Иванъ Богдановичъ далъ сыну сто рублей ассигнаціями.

— Ты поѣдешь верхомъ до губернскаго города, сказалъ онъ:— тамъ получи отъ Калинникова триста-пятьдесятъ рублей, а лошадь оставь у него. Если-жъ у него нѣтъ, продай лошадь, тамъ скоро ярмарка; дадутъ четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доѣхать станетъ тебѣ рублей сорокъ, оттуда въ Петербургъ — семьдесятъ пять; останется довольно. Потомъ—какъ хочешь. Ты дѣлалъ со мной дѣла, стало быть знаешь, что у меня есть нѣкоторый капиталъ, но ты прежде смерти моей на него не разсчитывай, а я, вѣроятно, еще проживу лѣтъ двадцать, развѣ только камень упадетъ на голову. Лампада горитъ ярко, и масла въ ней много. Образованъ ты хорошо; передъ тобой всѣ карьеры открыты: можешь служить, торговать, хоть сочинять, пожалуй — не знаю, что ты изберешь, къ чему чувствуешь больше охоты...

— Да я посмотрю, нельзя ли вдругъ по всѣмъ, сказалъ Андрей.

Отецъ захохоталъ изо всей мочи и началъ трепать сына по плечу такъ, что и лошадь бы не выдержала. Андрей ничего.

— Ну, а если не станетъ умѣнья, не сумѣешь самъ отыскать вдругъ свою дорогу, понадобится посовѣтовать, спросить — зайди

къ Рейнгольду: онъ научитъ. О! прибавилъ онъ, поднявъ пальцы вверхъ и тряся головой:—это... это... (онъ хотѣлъ похвалить и не нашелъ слова). Мы вмѣстѣ изъ Саксоніи пришли. У него четырехъ-этажный домъ. Я тебѣ адресъ скажу...

— Не надо, не говори, возразилъ Андрей:—я пойду къ нему, когда у меня будетъ четырехъ-этажный домъ, а теперь обойдусь безъ него...

Опять трепанье по плечу.

Андрей вспрыгнулъ на лошадь. У сѣдла были привязаны двѣ сумки: въ одной лежалъ клеенчатый плащъ и видны были толстые, подбитые гвоздями сапоги, да нѣсколько рубашекъ изъ верхлевскаго полотна, вещи купленныя и взятыя по настоянію отца; въ другой лежалъ изящный фракъ тонкаго сукна, мохнатое пальто, дюжина тонкихъ рубашекъ и ботинки, заказанныя въ Москвѣ, въ память наставленій матери.

— Ну! сказалъ отецъ.

— Ну! сказалъ сынъ.

— Все? спросилъ отецъ.

— Все! отвѣчалъ сынъ.

Они посмотрѣли другъ на друга молча, какъ будто пронзали взглядомъ одинъ другого насквозь.

Между тѣмъ около собралась куча любопытныхъ сосѣдей, посмотрѣть съ разинутыми ртами, какъ управляющій отпуститъ сына на чужую сторону. Отецъ и сынъ пожали другъ другу руки. Андрей поѣхалъ крупнымъ шагомъ.

„Каковъ щенокъ: ни слезинки!“ говорили сосѣди. „Вонъ двѣ вороны, такъ и надсѣдаются, каркаютъ на заборѣ: накаркаютъ онѣ ему—погоди ужо!“—„Да что ему вороны! Онъ на Ивана Купалу по ночамъ въ лѣсу одинъ шатается: къ нимъ, братцы, это не пристаетъ. Русскому бы не сошло съ рукъ!“—„А старый-то нехристь хорошъ“, — замѣтила одна мать: „точно котенка выбросилъ на улицу: не обнялъ, не взвылъ!“

— Стой! стой, Андрей! закричалъ старикъ.

Андрей остановилъ лошадь.

„А! заговорило видно ретивое!“ сказали въ толпѣ съ одобреніемъ.

— Ну? спросилъ Андрей.

— Подпруга слаба, надо подтянуть.

— Доѣду до Шамшевки, самъ поправлю. Время тратить нечего, надо засвѣтло пріѣхать.

— Ну! сказалъ, махнувъ рукой, отецъ.

— Ну! кивнувъ головою, повторилъ сынъ и, нагнувшись немного, только хотѣлъ пришпорить коня.

— „Ахъ, вы собаки, право собаки! словно чужіе!“ говорили сосѣди. Но вдругъ въ толпѣ раздался громкій плачъ: какая-то женщина не выдержала.

— Батюшка ты, свѣтикъ! проговорила она, утирая концомъ головного платка глаза,— сиротка бѣдный! нѣтъ у тебя родимый матушки, некому благословить тебя... Дай хотя я перекрещу тебя, красавецъ мой!..

Андрей подъѣхалъ къ ней, соскочилъ съ лошади, обнялъ старуху, потомъ хотѣлъ-было ѣхать—и вдругъ заплакалъ, пока она крестила и цѣловала его. Въ ея горячихъ словахъ послышался ему будто голосъ матери, возникъ на минуту ея нѣжный образъ. Онъ еще крѣпко обнялъ женщину, наскоро отеръ слезы и вскочилъ на лошадь. Онъ ударилъ ее по бокамъ и исчезъ въ облакѣ пыли; за нимъ съ двухъ сторонъ отчаянно бросились въ догонку три дворняшки и залились лаемъ.

И. Гончаровъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ К. Д. УШИНСКАГО.

1. **Родное слово.** Годъ первый: азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. (Для дѣтей отъ 6 до 8 лѣтъ) Ц. 25 к.

2. **Родное слово.** Годъ второй. (Для дѣтей отъ 8 до 9 лѣтъ) . . . . Ц. 35 к.

3. **Родное слово.** Годъ третій: отдѣлъ грамматическій. (Для дѣтей отъ 9 до 11 л.). . . . . Ц. 40 к.

4. **Руководство къ преподаванію** по „Родному Слову“, ч. 1-я—приложеніе къ первымъ 2-мъ годамъ „Родного Слова“ . . . . Ц. 30 к.

5. **Руководство къ преподаванію** по „Родному Слову“, ч. 2-я—приложеніе къ третьему году „Родн. Слова“ . Ц. 40 к.

6. **Дѣтскій Міръ и Хрестоматія**, ч. 1-я. (Для дѣтей отъ 11 до 12 лѣтъ). . . . . Ц. 50 к.

7. **Дѣтскій Міръ и Хрестоматія**, ч. 2 я. (Для дѣтей отъ 12 до 13 лѣтъ). . . . . Ц. 60 к.

8. **Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.** Опытъ педагогической антропологіи. Томъ 1-й . . . . Ц. 2 р. 50 к.

9. **Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.** Опытъ педагогической антропологіи. Томъ 2-й . . . . Ц. 2 р.

10. **Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія**, изданіе сокращенное подъ редакціей *К. К. Сентъ-Илера и Л. Н. Модзалевскаго* . . . . Ц. 2 р. 50 к.

11. **Собраніе педагогическихъ сочиненій.** Ц. 1 р. 50 к.

12. **Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи.** . . . . Ц. 10 к.

13. **О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи** . . . . Ц. 15 к.

14. **О пользѣ педагогической литературы** . Ц. 10 к.

Портретъ К. Д. Ушинскаго . . . . Ц. 30 к.

Памяти К. Д. Ушинскаго. По случаю 25-ти лѣтія со дня кончины К. Д. Ушинскаго (21 декабря 1870 г.—21 декабря 1895 г.) . . . . Ц. 50 к.
Весь сборъ съ изданія поступаетъ на сельскія читальни.

Складъ этихъ книгъ: Суворовскій пр., 3, кв. 1. Иногороднихъ просятъ обращаться къ *Николаю Павловичу Эркъ, Спб., Большая Мастерская, д. 11.*

При продажѣ дѣлается противъ номинальной цѣны слѣдующая уступка: на „Родное Слово“, „Руководство къ преподаванію по Родному Слову“ и „Дѣтскій Міръ“ 30%; на прочія сочиненія уступается 25%.

Значительный складъ всѣхъ этихъ изданій находится у книгопродавцевъ Бр. Башмаковыхъ, Карбасникова, Тузова, Панафидина и Луковникова—въ С.-Петербургѣ; у наслѣдн. бр. Салаевыхъ, А. Д. Ступина, К. И. Тихомирова и въ конторѣ „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залѣсской—въ Москвѣ; П. И. Макушина—въ Томскѣ и Иркутскѣ; А. А. Дубровина и Бр. Башмаковыхъ—въ Казани; О. П. Петровской—въ Перми; А. Г. Сыркина—въ Вильнѣ, въ Центральной книжной торговлѣ—въ Тифлисѣ; А. С. Александрова—въ Омскѣ; Е. П. Распопова—въ Одессѣ; въ книжномъ складѣ губернскаго земства—въ Саратовѣ; Розова—въ Кіевѣ; Бекенева—въ Костромѣ; Шаффермана—въ Екатеринославѣ; Михайлова—въ Харьковѣ; Бр. Тараевыхъ—въ Баку и вообще во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

